

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

В. П. БЕРКОВ

ВОПРОСЫ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

(СЛОВНИК)

КЗ484.13

ВВЕДЕНИЕ

Двухязычная, или переводная, лексикография насчитывает по меньшей мере четыре тысячелетия. Сохранились отрывки двухязычных и трехязычных словарей, составленных в Месопотамии приблизительно за две тысячи лет до нашей эры (М. Cohen, 1964, 497).¹ С тех пор человечеством созданы тысячи переводных словарей. В библиографическом указателе В. Цаунмюллера, охватывающем период с 1460 по 1958 г. и, следовательно, не учитывающем, например, богатой средневековой арабской лексикографии,² перечислено около 5600 словарей более чем 500 языков и диалектов (W. Zaunmüller, 1958); список этот, однако, даже для указанного периода не является исчерпывающим (В. В. Веселитский, 1962, 346—348). Только в СССР в период с 1928 по 1966 г. одним издательством «Советская энциклопедия» было выпущено 942 переводных словаря. Таким образом, людьми накоплен огромный практический опыт составления переводных словарей. Однако до сих пор в силу различных объективных и субъективных причин переводная лексикография не получила обобщающего изложения своей теории, хотя давно уже говорится о необходимости, с одной стороны, обобщения и осмысления опыта словарной практики, а с другой — определения путей развития лексикографии на основе учета результатов, достигнутых всем языкознанием.

По-видимому, основной причиной существующего положения дел является то обстоятельство, что многие лингвисты отказывают лексикографии в статусе самостоятельной лингвистической дисциплины и видят в ней лишь вид сугубо практической деятельности, совокупность чисто практических приемов описания словарного состава, который они противопоставляют лексикологии как высокой и чистой науке (Вопросы советской

¹ В работе принят следующий порядок ссылок: автор, год издания, страница. Полные сведения об этих работах помещены в конце книги, в списке цитированной литературы. Словари, которые упоминаются в цитированных работах и с которыми автор не знакомился лично, в список литературы не включены.

² Первым переводным словарем у арабов, по-видимому, следует считать арабско-персидский словарь аз-Замах-шари, жившего с 1075 по 1144 г. (В. А. Звегинцев, 1958, 65—66).

науки, 1957, 16). Это отношение находит свое выражение в определении термина «лексикография» многими лингвистами.³ Так, например, Х. Касарес (1958, 28) считает, что лексикография «носит по преимуществу утилитарный характер» и заключается в «искусстве составлять словари». Этот взгляд весьма распространен, и определения лексикографии как науки (например, Ж. Марузо, 1960, 146) в общем редки.⁴ Характерно при этом, что языковеды, понимающие лексикографию как науку, используют этот термин и для обозначения «составления словарей».

В целом термин «лексикография»⁵ используется в настоящее время по крайней мере в четырех различных смыслах: 1) наука, изучающая принципы составления словарей, теория словарного дела; 2) составление словарей; 3) совокупность словарей данного языка; 4) совокупность словарей, составленных в данной стране (ср. О. С. Ахманова, 1966, 215, где выделены первые три значения). Последние два значения термина «лексикография» как самоочевидные и поэтому нас сейчас не интересующие мы оставим в стороне и попытаемся выяснить, насколько правомерно считать лексикографию самостоятельной лингвистической дисциплиной и, следовательно, наукой. Для ответа на этот вопрос надо, очевидно, предварительно решить два других вопроса: имеет ли лексикография какую-либо теоретическую проблематику и, если такая проблематика имеется, насколько последняя специфична именно для лексикографии.

Ответ на первый из этих вопросов, по-видимому, может быть только положительным: в процессе лексикографического описания какого-либо конкретного языка составитель словаря на каждом шагу сталкивается с проблемами, успешное практическое решение которых возможно лишь в том случае, если он обладает теоретическими знаниями в самых различных областях языкознания.⁶ А. В. Исаченко справедливо заметил, что «хороший словарь является зеркалом лингвистического кредо его автора» (А. V. Isačenko, 1961, 19). Если у переводной лек-

³ Довольно полная сводка различных пониманий термина «лексикография» приведена в работе Толленаре (F. de Tollenaere, 1963, 9—13); сам Толленаре определяет лексикографию как «искусство или технику составления словарей» (9). Ср. также: K. Møller, 1959, 9—12.

⁴ Компромиссными являются определения типа «лексикографией называется научная работа по составлению словарей» (Л. А. Булаховский, 1953, 137); «наука, занимающаяся составлением словарей» (Е. М. Галкина-Федорук, 1954, 173).

⁵ Мы имеем здесь в виду как русский термин «лексикография», так и его этимологически тождественные эквиваленты в европейских языках (lexicography, lexicographie, lexicografía, lessicografia и т. д.). Конечно, в языках, где используются иные эквиваленты, положение может быть иным.

⁶ Разумеется, здесь имеются в виду серьезные, доброкачественные словари. К сожалению, можно привести множество примеров, когда в результате теоретической неподготовленности составителей словари оказываются фактически непригодными для работы.

сикографии есть теоретическая проблематика, то, очевидно, у нее есть и своя теория.

На вопрос о том, насколько эту теорию правомерно выделять в особую лингвистическую дисциплину, можно ответить лишь после того, как мы установим примерный объем этой проблематики. Поэтому рассмотрим сейчас — по неизбежности кратко и схематично — связь лексикографической деятельности с различными лингвистическими дисциплинами.

Язык представляет собой организованную совокупность инвентарей различных единиц — фонем, грамматических показателей, лексем и т. д. — и систему различных правил. При переводе текстовые отрезки одного языка заменяются эквивалентными им по смыслу текстовыми отрезками другого языка (J. C. Catford, 1965, 20—22). Эти замены осуществляются на разных уровнях:⁷ единица любого языкового уровня может оказаться единицей перевода (Л. С. Бархударов, 1969, 4; ср. J. C. Catford, 1965, 22—24). В процессе межъязыкового общения людьми устанавливаются более или менее общие правила перехода от единиц одного языка к единицам другого языка. В огромном большинстве случаев изучение иностранного языка состоит именно в усвоении уже установленных предшественниками правил перехода (либо зафиксированных письменно, либо сообщаемых изучающему язык устно).

Схематически процесс перевода можно представить в виде замены элементов лексики и элементов грамматики входного языка элементами лексики и грамматики выходного языка. Теоретически возможен перевод и только на лексическом уровне, и только на грамматическом,⁸ однако на практике такие переводы встречаются, по-видимому, крайне редко.

Что касается перевода лексического материала, то замена отрезков входного языка отрезками выходного языка может происходить прежде всего на уровне слов и словосочетаний, но также и на уровне морфем и на уровне предложений и текстов.

Переводы на уровне слов и словосочетаний — наиболее тривиальные случаи и комментариев не требуют. Перевод на уровне предложений — также вещь довольно тривиальная, если иметь в виду различную фразеологию (поговорки, крылатые

⁷ Это, естественно, не означает, что единицы одного уровня, например грамматического, непременно передаются на другом языке единицами того же уровня.

⁸ Например, в первом случае английское *this is the man I saw* передается на французский, как *this is the homme I voi-ed*, на арабский — как *this is the rajul I shuf-ed*; во втором соответственно — как *voici le man que j'ai ee-é* и *haada al-man 'ili see-t-u* (J. C. Catford, 1965, 71—72). Сходные внешне с первым случаем отрезки речи у билингвов (типа *di podsosnojska kolchozn'itsa hot di tabul'etka br'in'imala* 'подсосновская колхозница принимала таблетки'. — Е. М. Верещагин, 1969, 66) на деле являются принципиально отличным случаем, так как они представляют собой особый диалект и не являются типом перекодирования иноязычного отрезка текста.

слова, штампы и т. п.), однако вне этих типов предложений различные случаи с большим трудом поддаются обобщению (ряд примеров рассматривается в работе в разделе о словосочетании). Перевод на уровне текста — обычное явление при переводе поэтических произведений (Л. С. Бархударов, 1969, 8—9). Перевод на уровне морфем, по-видимому, имеет место при создании ранее не существовавшего в выходном языке эквивалента путем калькирования (например, исл. *saþnagi* 'коллектор', букв. 'собираатель' для передачи английского *collector* или дат. *kollektor* — В. П. Берков, 1961, 77).⁹

Если объектом лингвистической теории перевода является описание перевода как процесса (И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг, 1964, 20—21), то теорию двуязычной лексикографии правомерно рассматривать как такую часть теории перевода, которая исследует способы фиксации установленных и/или устанавливаемых эквивалентных отношений элементов лексики двух языков. При таком подходе двуязычный словарь можно определить как определенным образом расположенную совокупность зафиксированных правил замены элементов лексики (слов, словосочетаний, предложений, морфем) одного языка эквивалентными им по смыслу элементами другого языка.

Поскольку основной задачей двуязычного словаря является обозначение способа передачи смысла элемента лексики входного языка средствами выходного языка, то двуязычная лексикография оказывается тесно связанной с семасиологией — дисциплиной, которая рассматривает компоненты содержательной структуры слова. С точки зрения переводной лексикографии задача состоит в том, чтобы, определив все содержательные ха-

⁹ Мы не можем согласиться с Л. С. Бархударовым, видящим в паре англ. *president*—русс. 'председатель' пример поморфемного перевода (1969, 5), если понимать перевод в смысле, изложенном выше. При переводе *president* 'председатель' мы слово одного языка заменяем уже существующим словом другого языка (в точности как при переводе *chairman* 'председатель'), а не переводим каждую морфему слова *president* в отдельности. Следует различать первичный перевод как способ создания эквивалента, которого в языке не было, и перевод как процесс, где используются уже имеющиеся, готовые эквиваленты. В ряде случаев может иметь место «промежуточный» поморфемный перевод читающим ранее неизвестного слова (тут уместен пример Л. С. Бархударова *onesidedness* 'односторонность'), но это только этап в процессе отыскания перевода на уровне слов. Л. С. Бархударовым (4—5) выделяется также перевод на уровне фонем (например, *Churchill* — 'Черчилль', *speaker* — 'спикер'), однако, с нашей точки зрения, это тоже неправомерно. Здесь мы имеем дело не со специфическим типом перевода, а с определенным способом создания эквивалента во входном языке для значения, не имевшего ранее наименования. Л. С. Бархударов подходит здесь к подобным случаям с диахронической точки зрения. С синхронической точки зрения на межязыковое общение русское слово *спикер* — такой же готовый перевод английского слова *speaker*, как и русские эквиваленты других значений этого слова (*оратор*, *говорящий*). Ср. А. Д. Швейцер, 1970, 32—33.

рактеристики слова,¹⁰ словосочетания и т. д. входного языка, приписать ему оптимальный эквивалент (оптимальные эквиваленты), т. е. такой эквивалент или такие эквиваленты, где потери смысла либо не будет вообще, либо она будет минимальной (ряд лингвистов считает, что любой перевод несет с собой частичную потерю информации). Общая проблематика лексикографии и семасиологии хорошо показана в работе Н. И. Фельдман (1957а, 9—35). Как одну из частных, мало изученных и разработанных, но весьма важных для лексикографии проблем отметим здесь вопрос о культурно-страноведческом (в широком смысле слова) компоненте значения слова, т. е. о наборе тех признаков и ситуаций, которые связываются с данным словом в определенном языковом коллективе,¹¹ и о способах и степени учета этого компонента значения в лексикографии (в том числе и одноязычной). Тесно связан и отчасти совпадает по проблематике с этой темой и вопрос о национальных ассоциациях слова — как вербальных,¹² так и невербальных. Таким образом, для развития лексикографии необходим также учет результатов психолингвистических исследований; более того, как отчасти будет показано в работе, теоретическое исследование лексикографических проблем в ряде случаев приводит к формулировке новых психолингвистических задач, без решения которых невозможна объективная лексикографическая работа.

В качестве теории, исследующей способы и объем фиксации словарного состава языка, лексикография теснейшим образом связана с лексикологией. Лексикология как систематическое изучение словарного состава языка (О. С. Ахманова, 1957, 3) вообще в значительной степени основывается на материалах, добытых лексикографией. Отмечалось, что лексикографическое инвентаризирование и описание лексических фактов языка до сих пор являются основным видом лексикологических исследований (там же, 3).¹³ Лексикологом исследуются отдельные факты лексики языка, лексикограф, руководствуясь принципами, выработанными в лексикологии, занят фронтальным описанием лексики языка; это описание может осуществляться либо средствами того же языка (одноязычная лексикография),¹⁴ либо

¹⁰ Во избежание недоразумений подчеркнем, что применительно к многозначным словам (словосочетаниям) здесь речь идет о слове (словосочетании) в одном из его значений (т. е. о том, что Л. В. Щерба (1940, 107) называл слово-понятием).

¹¹ О значении страноведческих знаний в изучении языка см.: Е. М. Вещаягин, 1969, 102—128.

¹² Обзор литературы и проблематику вопроса см.: А. А. Леонтьев, 1969, 114—127.

¹³ Ср.: «Наиболее серьезными конкретными работами по лексикологии до сих пор остаются словари» (Вопросы советской науки, 1957, 16).

¹⁴ Описания лексики при помощи специального метаязыка или формализованного естественного языка находятся пока на стадии эксперимента.

средствами другого языка (двухязычная лексикография). Таким образом, проблематика лексикологии и лексикографии в значительной мере общая, а результаты, полученные каждой из этих дисциплин, актуальны для другой.

Связь лексикографии с различными лингвистическими дисциплинами не ограничивается перечисленным выше. Двухязычный словарь призван не только сообщать читателю, какая единица лексики выходного языка соответствует какой единице лексики входного языка, но и давать ему необходимую информацию о грамматической характеристике слова иностранного языка и о его произношении.

Не требует доказательств мысль о том, что как при переводе иностранного текста на родной язык, так и в еще большей степени при переводе с родного языка на иностранный пользующийся словарем должен иметь, помимо общей информации о грамматической структуре языка, сведения о разнообразных грамматических характеристиках отдельного слова.¹⁵ Теоретически он может в ряде случаев получить эти характеристики дедуктивным путем, исходя из некоего общего описания грамматики языка; однако для многих языков исчерпывающее грамматическое описание не может не включать в себя обширнейших списков нерегулярных форм, того, что Л. Блумфилд называл лексиконом (1968, 296, 303).¹⁶ В этом, последнем случае установление индивидуальных грамматических характеристик слов через общее описание грамматики языка требует переработки читателем информации очень большого объема и весьма затруднительно, а главное — подобные описания, как сказано, по существу содержат в себе элементы словаря. Этот сложный вопрос подробно рассматривается нами в другой (неопубликованной) работе, но в данной связи для нас важно лишь то, что на двухязычный словарь возлагается также задача служить грамматическим справочником (Н. А. Gleason, 1962, 94). В частности, это означает, что при слове должны указываться такие характеристики и отдельные элементы его парадигмы, которые необходимы и достаточны для предсказания всех осталь-

¹⁵ Эти разные виды перевода требуют разного объема информации о грамматической характеристике слова, на что в свое время первым указал Л. В. Щерба (ср.: В. П. Берков, 1960, 149—151).

¹⁶ Ср. там же, 310; «Нет, по-видимому, никакого реального критерия, с помощью которого можно было бы определить род существительного в немецком, французском или латинском языках: охарактеризовать значение эпигеммы „мужской род” в подобных языках — значило бы просто перечислить показатели существительных мужского рода, а также существительных, условно относящихся к этому классу, и сказать, что то общее в реальных практических ситуациях, что присуще всем этим предметам, и есть „значение” категории мужского рода». На неразличение у Л. Блумфилда лексикона как части языковой структуры и словаря как описания языковой структуры указывает Глисон (Н. А. Gleason, 1962, 86).

ных элементов этой парадигмы¹⁷ (и, разумеется, указываться, какие элементы парадигмы могут эвентуально отсутствовать, ср.: Н. М. Хоенигсвальд, 1962, 109). Это возможно, естественно, только при условии, что читателю известно устройство парадигмы (например, она приведена в грамматическом очерке); в противном случае показатель, к примеру, падежа указывает только на оформление данного падежа и не предсказывает парадигмы. Таким образом, дополнительной задачей лексикографа является установление и фиксация индивидуальных грамматических характеристик слова.

Связь лексикографии с описанием грамматической структуры языка проявляется еще в нескольких отношениях. Так, общеизвестно то обстоятельство, что в ряде случаев особое лексическое значение слова получает отличное от других значений грамматическое оформление. В. В. Виноградов справедливо отмечал, что «для лексикографии важно не столько традиционное прямолинейное обособление лексикологии от грамматики, сколько изучение сложных и разнообразных типов взаимодействий лексических и грамматических значений» (1956, 90). Невнимание лексикографов к этой стороне лексикографического описания, чему из практики составления как двуязычных, так и одноязычных словарей можно привести немало примеров (ср. Е. А. Земская, 1956, 95, 97, 101), снижает их ценность.

Особым вопросом теории двуязычной лексикографии является по существу совершенно неразработанный вопрос об оптимальной структуре грамматического очерка при словаре. Многим лингвистам ясно, что неудовлетворительна существующая практика, когда грамматический очерк при словаре фактически никак не связан с корпусом словаря (К. Е. Майтинская, 1957, 169—170). Если словарь — инструмент перевода, то естественно было бы предъявлять такие же требования к грамматическому описанию, прилагаемому к словарю. В этой части лексикография должна разрабатывать вопросы общей методологии описания грамматики языка в зависимости от характера перевода.

При существующем обособлении описаний грамматики и лексики языка в большем числе случаев оказываются пласты языковых фактов, не попадающих в сферу ни лексикологических (или лексикографических), ни грамматических описаний. Грамматисты считают ряд явлений слишком частными для того, чтобы давать им статус грамматических, и относят их к лексикологии, а лексикологи, с основанием усматривающие в этих фактах грамматические структуры, также оставляют их

¹⁷ Для многих языков, грамматика которых хорошо изучена, такие опорные элементы парадигм давно определены. Для ряда языков, с другой стороны, их еще предстоит найти (К. Е. Майтинская, 1957, 169); эту работу в таких случаях приходится осуществлять лексикографу.

вне рассмотрения. Таким образом создается своего рода «ничья земля», и это, конечно, находит свое отражение в лексикографической практике, тем более, что выражаемое в одних языках словообразованием в других обозначается иными способами, например аналитическими конструкциями и т. д.¹⁸ Проблема ликвидации таких белых пятен в описании языков является актуальной как для лексикографии, так и для теории грамматического и лексикологического описания. Вообще вопрос о границе между компетенцией грамматического описания языка и компетенцией его лексического описания весьма сложен и не решен языкознанием. Л. В. Копецкий, например, считает, что грамматическое описание языка может быть исчерпывающим лишь тогда, когда будут выделены «классы эквивалентных лексем»; необходима такая обширная информация об отдельном слове и его возможностях — морфологических, синтаксических, узואльно-синтагматических и стилистических, какой пока полностью не дает ни один существующий словарь (1967, 131). «Такое описание должно было бы охватить у лексики также все то, что пока остается в описательной грамматике за границами ее информации, и прежде всего охарактеризовать лексическую компетенцию морфологической и синтаксической парадигматики, именно охарактеризовать, а не представлять голые „исчисления“ за отдельными парадигмами» (132).

Пограничным для грамматического и лексикологического описания является важнейший для лексикографии вопрос о показе сочетаемости слова. Необходимой предпосылкой успешного решения его двуязычной лексикографией является предварительное решение его лексикографией одноязычной. В этом направлении сделаны пока только первые шаги. Сочетаемость показана даже в лучших одноязычных словарях недостаточно. «Несистематизированные примеры, — писал У. Вайнрайх о 3-м издании словаря Уэбстера, — ...могут лишь напомнить пользующемуся словарем то, что он уже знает. Они не могут научить его ничему новому и, конечно, даже не приближаются к описанию научной истины... отсутствие указаний на допустимость или недопустимость тех или иных сочетаний лишает словарную статью какой бы то ни было порождающей силы» (1965, 130).¹⁹ Для двуязычной лексикографии разработка вопроса о показе сочетаемости слов иностранного языка особенно важна, поскольку даже в близкородственных языках этимологически тождественные слова со сходным смыслом обнаружи-

¹⁸ Ср., например, русскую конструкцию *герцог Эдинбургский, принц Уэльский* и т. п. и норв. *hertug av Edinburgh, prins av Wales* и т. п., употребление в исландском прилагательных, обозначающих национальную принадлежность, во мн. ч. м. р. для обозначения народа и т. д.

¹⁹ Краткий критический анализ существующих французских, немецких и английских словарей словосочетаний есть в статье Л. А. Новикова, 1969 б, 39—41.

вают различия в сочетаемости. Подробно этот вопрос рассматривается в той части настоящей работы, которая посвящена словосочетанию.

Полное лексикографическое описание слова иностранного языка в двуязычном словаре включает в себя, естественно, и информацию, достаточную для безошибочного произнесения этого слова потребителем словаря. Эта информация делится обычно — в пропорции, зависящей от особенностей графики и орфографии языка, — между очерком фонетики этого языка и указаниями на произношение в корпусе словаря. При этом возникает ряд сложных вопросов, квалифицированное решение которых возможно лишь в случае, если лексикограф является подготовленным фонетистом и методистом. Укажем для примера на вопрос об объеме информации о фонетике данного языка, которую будет сообщать словарь. Очевидно, что всех сведений об особенностях произношения иностранного языка, накопленных наукой, словарь сообщить не может: необходим отбор, и этот отбор должен основываться на каких-то объективных критериях, а не на субъективном представлении автора о важности одних сведений и несущественности других. По-видимому, в этой области таким объективным критерием может явиться эксперимент, где отдельные варианты произношения, следующие из неизбежной неполноты фонетического описания, будут оцениваться аудиторией, состоящей из носителей данного языка. Другой вопрос — распределение информации о произношении между очерком фонетики и корпусом словаря — в первую очередь методический: транскрипция не должна быть ни слишком сложной, ни вообще излишней, но, с другой стороны, неразумно предъявлять чрезмерные требования к памяти потребителя словаря. Собственно, перед лексикографом, составляющим двуязычный словарь, встает весь комплекс вопросов, встающих перед фонетистом, пишущим очерк фонетики какого-либо языка; трудности методического характера, с которыми он сталкивается в силу самой специфики словарного описания, по-видимому, даже превосходят трудности, с которыми сталкивается автор монографического описания фонетического строя какого-либо языка (ср.: В. П. Берков, 1971б, 73—79).

Таким образом, двуязычная лексикография имеет ряд своих специфических методических проблем. Характер презентации фактического материала должен определяться четкими методическими критериями. Двуязычный словарь — прежде всего справочное пособие, но при этом и основной источник сведений об иностранном языке для читателя. Пользуясь словарем, читатель учится, усваивает язык, и поэтому словарь является и своего рода учебником иностранного языка. Многим добротным и достаточно полным словарям не хватает как раз методической четкости, в частности учета психологии человека, изучающего иностранный язык. Двуязычная лексикография имеет целый

ряд проблем, общих с методикой изучения и преподавания иностранных языков.²⁰

Как уже было показано, двуязычная лексикография имеет общую теоретическую проблематику с целым рядом лингвистических дисциплин. Это объясняется тем, что теория лексикографии — теория установления и описания эквивалентных отношений между элементами различных уровней двух языков, в первую очередь лексических уровней, — имеет своим объектом почти все аспекты языка (ср. А. В. Isačenko, 1961, 12). Теоретическая проблематика двуязычной лексикографии очень широка.

Однако наличие обширной теоретической проблематики само по себе еще не определяет положительного ответа на вопрос о том, является ли теория лексикографии самостоятельной лингвистической дисциплиной. Вряд ли кто-либо из лингвистов станет оспаривать важность научного подхода к перечисленным выше проблемам для успешного решения практических задач лексикографии, но речь здесь пока шла только об объекте исследования, а не о его предмете. Как известно, многие области знания имеют общий объект исследования, но определяющим для выделения какой-либо области знания в особую науку является наличие у нее собственного предмета исследования, т. е. изучение ею таких сторон или аспектов объекта, которые рассматриваются только в рамках данной науки. Поэтому естественным будет обратиться сейчас к вопросу о наличии у теории лексикографии собственного предмета исследования. Для этого рассмотрим, в чем состоит смысл, содержание деятельности лексикографа.

Содержанием двуязычной лексикографии является, с нашей точки зрения, описание лексики одного языка при помощи другого языка. Очевидно, что если взять два словаря с разными входными языками и одним и тем же выходным языком, то выходная, «правая», часть словаря будет в этих словарях не одинаковой как в отношении количественном, так и в отношении качественном (например, в правую часть одного словаря войдут слова, имеющие «готовые» эквиваленты в первом из входных языков, но они не войдут в правую часть второго словаря, если соответствующей единицы нет во втором входном языке, и т. д.). Следовательно, при лексикографическом описании выходной язык переводного словаря находится в определенной функциональной зависимости от входного языка: он вовлекается в выходную часть словаря не полностью, а лишь в той мере, в какой это требуется для исчерпывающего описания входного языка (в рамках заранее заданной полноты). Иными:

²⁰ В самое последнее время получило развитие особое направление в лексикографии — так называемая учебная лексикография, многие аспекты которой (Л. А. Новиков, 1969 а, 3—11) обещают оказаться весьма полезными и для традиционной двуязычной лексикографии.

словами, с точки зрения межъязыкового общения, правила которого фиксируются в двуязычном словаре, входной язык можно считать аргументом, а выходной язык — функцией. Двуязычная лексикография изучает функциональные зависимости двух языков.

Все перечисленные области языкознания, кроме теории перевода, к которой мы обратимся вновь несколько ниже, имеют своим предметом изучение различных аспектов либо языка вообще, либо каких-то конкретных языков в отдельности. Двуязычная лексикография призвана устанавливать и описывать эквивалентные — со сделанной выше оговоркой об относительности в ряде случаев этой эквивалентности — отношения между элементами двух языков. Таким образом, предметом теории лексикографии является выработка методики и критериев установления и способов фиксации эквивалентных отношений элементов двух различных языков. При этом естественно различать общую теорию лексикографии, рассматривающую общие проблемы такого исследования, и отдельные, частные теории лексикографии, изучающие эквивалентные отношения каких-либо конкретных языков.

Выше говорилось о том, что теорию двуязычной лексикографии правомерно рассматривать как часть общей теории перевода. Сказанное не означает, однако, невозможности подхода к теории лексикографии как к самостоятельной научной дисциплине. Теория перевода в нынешнем виде исследует значительный круг вопросов, но полезно вспомнить, что выделение теории перевода в самостоятельную лингвистическую дисциплину также произошло сравнительно недавно — по-видимому, первым систематическим изложением ее была работа А. В. Федорова (1953). За менее чем двадцать лет по вопросам теории перевода была создана обширная литература на различных языках (немалым стимулом к чему послужил машинный перевод — И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг, 1964, 19; Ю. А. Найда, 1970, 6; А. Д. Швейцер, 1970, 30). Однако и сама теория перевода, связанная с целым рядом лингвистических дисциплин (А. В. Федоров, 1968, 29), далеко не сразу получила признание в качестве особого раздела лингвистики. Процесс выделения отдельных разделов наук в самостоятельные объекты знаний, имеющие свой особый предмет исследования, специализация науки — неизбежное следствие ее развития, углубления и расширения знаний, чему можно было бы привести множество примеров, в особенности из истории развития наук в нынешнем столетии.

Говоря о месте теории двуязычной лексикографии в кругу лингвистических дисциплин, о ее специфике и о ее общности с другими разделами языкознания, необходимо остановиться на двух аспектах этих соотношений.

Как описание функциональных зависимостей эквивалентных

элементов двух языков лексикография по существу решает обширнейший круг вопросов, многие из которых в соответствующих разделах лингвистики считаются дискуссионными и по которым среди языковедов нет единого мнения. Необходимость практического решения таких вопросов вынуждает лексикографов заниматься также разработкой теоретических проблем, которая, строго говоря, является компетенцией специалистов по иным областям языкознания. Если в процессе изложения теории лексикографии или в процессе практической работы над словарем лексикограф убеждается, например, в том, что его не удовлетворяют существующее определение диалектизмов или методика описания грамматики языка, он, естественно, старается выработать свое определение и свою методику. Именно поэтому, в силу необходимости, диктуемой потребностями самой лексикографии, в работах по лексикографии так много общелингвистической проблематики, именно поэтому они так часто являются своего рода очерками по отдельным вопросам общего языкознания. Не представляет собой исключения в этом отношении и настоящая работа, многие разделы которой в начальных своих частях посвящены рассмотрению состояния разработки той или иной проблемы, имеющей непосредственное касательство к лексикографии (нередко в них автор предлагает свое понимание вопроса), и лишь затем в них освещаются чисто лексикографические вопросы.

Можно полагать, что этот вынужденный «универсализм» теории лексикографии, эта необходимость для лексикографов заниматься, помимо своей основной задачи, узловыми вопросами многих лингвистических дисциплин — явление временное. По мере развития языкознания, по мере решения общих вопросов языковедческой теории, которые имеют кардинальное значение для лексикографии, лексикографы смогут в большей степени сконцентрировать свое внимание на проблемах, относящихся непосредственно лишь к самой теории и практике лексикографии. Сейчас теория лексикографии находится в положении, аналогичном положению человека, составляющего первый двуязычный словарь, входной язык которого ранее не описывался удовлетворяющим его образом; лексикографу поэтому предстоит выполнить работу, которую, строго говоря, он не должен был бы выполнять, если бы она предварительно была удовлетворительно выполнена другими. Вместе с тем очевидно, что потребности лексикографии не могут не оказывать стимулирующего действия на разработку ряда общелингвистических проблем. С другой стороны, лексикографическая деятельность является своего рода пробным камнем для многих общелингвистических теорий и концепций.²¹ В процессе лекси-

²¹ Ср.: «Лексикография — это область, в которой реализуются и одновременно проверяются опыт, результаты лингвистической теории» (А. V. Isačenko, 1969, 18).

кографического описания конкретного языкового материала, в частности, становится особенно очевидной спорность и ограниченность ряда подходов, примененных авторами к узкому, специально подобранному материалу (ср. У. Вайнрайх, 1965, 128). Не случайно, например, что многие значительные работы по общим вопросам лексикологии принадлежат лингвистам, работавшим в области практической лексикографии (у нас это Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин, Б. А. Ларин, А. М. Бабкин, О. С. Ахманова и др.). На важность лексикографической деятельности для лингвиста неоднократно указывалось в литературе.²²

Другой аспект соотношения лексикографии со смежными разделами языкознания, на который мы хотели бы обратить внимание, состоит в том, что лексикография как практическая деятельность по фронтальному описанию лексики отдельного языка не может подобно некоторым лингвистическим дисциплинам ограничиваться констатацией спорности решений той или иной лингвистической проблемы или вообще отсутствия у нее удовлетворительных решений, но, напротив, вынуждена так или иначе все эти спорные проблемы решать, не дожидаясь, когда языкознание даст на них ответ. Если уместно провести здесь аналогию из области соотношения других наук, то положение лексикографии по отношению к ряду разделов общего языкознания можно сравнить с положением психиатрии по отношению к физиологии высшей нервной деятельности. В последней науке множество вопросов спорны, очень многие из них не исследованы, а для многих даже и не существует метода исследования. Психиатрия же сталкивается с необходимостью решать в своей практике и такие вопросы, на которые физиология высшей нервной деятельности не может пока дать ответа. Конечно, эта аналогия, как, впрочем, и все аналогии, весьма приближительна, но сущность положения сходная: лексикографу очень часто приходится принимать решения (это будет показано в работе) в условиях, когда он просто не располагает информацией, которая позволила бы принятие этих решений обосновать использованием объективных критериев, или когда он не имеет общепризнанного метода решения таких вопросов. Лексикограф в ряде случаев убеждается в том, что некоторые новые методы в лингвистике, претендующие на универсальность, на деле дают ему очень мало или даже вовсе ничего не дают. Единственный выход в таких случаях — руководствоваться так

²² Ср.: «...важно, чтобы лексиколог не только „пожинал плоды“ чужих лексикографических трудов, но и сам принимал в этих трудах непосредственное участие, так как именно непосредственное и постоянное общение с бесчисленными и многообразными фактами лексики, которого требует лексикография, дает наиболее твердую основу для научных обобщений» (О. С. Ахманова, 1957, 3). Глисон отмечает, что «самыми шумными (vociferous) критиками словарей были люди с наименьшим опытом действительной словарной работы» (Н. А. Gleason, 1962, 88).

называемым здравым смыслом, а это, как известно, гораздо менее ценится в науке, чем констатация того, что проблема пока неразрешима. Лексикография — и как теория, и как практика — гораздо более уязвима, чем многие другие лингвистические дисциплины именно, в силу того, что она однозначно решает все встающие перед нею вопросы (А. V. Isačenko, 1961, 19). Эта сторона лексикографии, по-видимому, одна из важнейших причин в общем довольно распространенного пренебрежительного к ней отношения (ср. сказанное выше).

Пренебрежительное отношение к двуязычной лексикографии — как к теоретической дисциплине, так и, в особенности, к практической деятельности — имеет и своей причиной, и своим следствием то, что лингвисты-теоретики весьма редко сами занимаются составлением двуязычных словарей (Л. В. Щерба, 1959, 5; Е. В. Williams, 1959, 246; Н. А. Gleason, 1962, 88). Напротив, суровая критика словарей с максималистских позиций — весьма частое явление; далеко не всегда она бывает конструктивной или хотя бы реалистической.²³

Итак, теория лексикографии рассматривается нами как особая научная дисциплина, имеющая и свою собственную теоретическую проблематику, и проблематику, общую с целым рядом других лингвистических дисциплин. Отметим, что необходимость разработки теории лексикографии, поднятия ее до уровня науки уже давно ощущалась многими языковедами. Еще в первой четверти XIX века Э. А. Ф. Ман писал во введении к «Изложению лексикографии со всех ее сторон», что в своей работе он «учитывал публично высказанное пожелание, чтобы лексикография в большей степени была поднята до уровня науки, нежели это до сих пор при ее нечетких понятиях имело место» (Е. А. Ph. Mann, 1817, XIV). Важность разработки теории лексикографии, в частности двуязычной, отмечалась очень многими исследователями.

* *

*

Специфика практической работы в области двуязычной лексикографии состоит в том, что автор словаря, с одной стороны, исходит из целой системы теоретических посылок, опирается на научную теорию, а с другой — создает книгу, основное назначение которой — быть практическим пособием для лиц, занимающихся переводом.²⁴ Составитель словаря не может не учитывать этого практического назначения своей работы, поскольку нередко интересы практики могут вступать в

²³ Очень немногие критики сами признаются, как это сделал Ульвеста вслед за Хэугеном, что «одно дело критиковать словари, другое писать их» (B. Ulvestad, 1968, 385).

²⁴ Несколько утрируя эту двойственность лексикографии, И. Польшауф сравнил словарь с мостом: мост сам по себе не является наукой, но необходимым большой объем научных знаний для того, чтобы построить хороший мост (Diskusia, 1961, 108).

противоречие с теоретическими установками (В. П. Берков, 1963, 87). В качестве одного из многих возможных здесь примеров сошлемся на решение вопроса об опорном слове словосочетания, что освещается в работе на стр. 151—171. В огромном числе случаев лексикографу приходится считаться с теми ограничениями, которые накладываются на его деятельность заранее заданным объемом словаря, сроками работы над ним, возможностями наборной кассы типографии, где словарь печатается, и тому подобными факторами. Поэтому в работе лексикограф всегда вынужден идти на различного рода компромиссы (А. Tietze, 1962, 263; S. E. Martin, 1962, 53).

Однако необходимость учета различного рода материальных моментов при составлении словаря и являющиеся следствием этого отступления от того, что диктуется теорией, не делают излишним постановку вопроса о том, каким должен быть в идеале двуязычный словарь. Перечень таких характеристик идеального двуязычного слова, в общем, довольно полно и адекватно изложен в работе М. Р. Хаас (M. R. Haas, 1962, 45—50).

По ее мнению, в идеале двуязычный словарь должен включать в себя все слова и словосочетания, которые могут понадобиться читателю (в том числе разного характера собственные имена и специальную терминологию), со всеми их точными переводами. Он должен содержать всю требуемую информацию о словоизменении, словообразовании, синтаксисе и семантике слова и давать каждому слову его стилистическую характеристику. Словарь должен сообщать читателю необходимую информацию о правильных написаниях, а также об альтернативных и часто встречаемых неправильных написаниях, снабжать читателя сведениями, пущными для абсолютно верного произношения любого слова. Кроме этих общих требований, М. Р. Хаас выдвигает еще три дополнительных требования практического характера. Словарь должен быть: а) в равной степени ориентирован на носителей обоих его языков; б) пригодным как для перевода, осуществляемого человеком, так и для машинного перевода; в) компактным. Кроме того, М. Р. Хаас высказывается в пользу включения в словарь иллюстраций (рисунков) для предметов, неизвестных носителям выходного языка.

Вопрос о словнике большого двуязычного словаря является основной темой настоящей работы, и мы ограничимся ниже лишь некоторыми общими замечаниями. Проблемы разработки словарной статьи (в том числе вопросы о семантической, стилистической, фонетической и грамматической характеристиках слова либо слова в каком-либо из значений и словосочетания и объеме этих характеристик), равно как и вопросы грамматического очерка при словаре, рассмотрены нами в другой работе, которая должна явиться второй частью настоящей. Поэтому

1348413

му сейчас мы оставляем в стороне весь этот большой комплекс сложных проблем.

Ниже будут рассмотрены лишь два вопроса, связанных с ограничениями, накладываемыми практическими моментами на осуществление идеальных требований. Это проблемы полноты словника и адресата словаря.

По-видимому, ни один даже самый объемистый двуязычный словарь не является абсолютно полным. Во-первых, абсолютно полный словник для какого-либо современного литературного языка невозможно составить уже хотя бы потому, что непрерывное развитие науки, техники, социальных отношений и т. д. ежедневно вызывает к жизни новые слова и словосочетания, которые неизбежно фиксируются лексикографами с некоторым запозданием. С момента сдачи рукописи словаря в набор и до момента выхода словаря из печати в современный развитый литературный язык могут войти десятки и сотни новых слов и словосочетаний, и они, естественно, в словарь не попадут. Во-вторых, огромную роль в работе лексикографа играет заранее задаваемый объем словаря. Этот сугубо практический момент никоим образом не может быть исключен из рассмотрения. Необходимость ограничения объема словаря диктуется в первую очередь требованиями читателя: очевидно, что огромная масса читателей предпочтет однотомный словарь десятикратному как по соображениям экономическим (стоимость словаря), так и по соображениям удобства пользования им. Определенную роль в ограничении объема словаря играют также и сроки работы составителя над ним.

В силу того, что составитель двуязычного словаря ограничен определенным объемом своей работы, словарь представляет собой компромисс между стремлением максимально приблизиться к выполнению идеальных требований и необходимостью учета таких практических факторов, как количество страниц в нем, стоимость набора, удобство пользования словарем для лингвистически неподготовленного читателя и т. д. Выработывая требования, которым должен отвечать двуязычный словарь, теория двуязычной лексикографии в ряде случаев вынуждена изучать критерии отбора материала, подлежащего включению в словарь, заниматься проблемой компрессии материала, т. е. исследовать вопросы, возникающие именно вследствие ограниченности объема словаря.

М. Р. Хаас выдвигает, как и многие другие, требование того, чтобы двуязычный словарь в равной мере отвечал интересам носителей как входного, так и выходного языка словаря. Это противоречит известному положению Л. В. Щербы о том, что для каждой пары языков следует иметь четыре словаря — в зависимости от родного языка потребителя словаря (Л. В. Щерба, 1959, 5; ср. Л. Теньер, 1958, 41). Это положение Л. В. Щербы сыграло несомненную положительную роль, обра-

тив внимание лексикографов на то, что разноязычные потребители одного и того же двуязычного словаря ищут в нем несколько различную информацию. В самом деле, для норвежца, ищущего в норвежско-немецком словаре эквивалент слова *gjeter* 'пастух', существенно, что немецкое существительное *Hirt* изменяется по так называемому слабому склонению; для немца же, пользующегося норвежско-немецким словарем, информация о парадигме существительного *Hirt* излишня, но ему важно знать, какова парадигма слова *gjeter*, какой оно имеет акцент — 1-й или 2-й. Русскому читателю, ищущему норвежский перевод слова *аккредитив*, достаточно узнать, что этот эквивалент имеет вид *akkreditiv* и такую-то парадигму, но для норвежского читателя равенство *аккредитив* (+ указание на парадигму) = *akkreditiv* недостаточно, поскольку норвежское существительное *akkreditiv* во множественном числе имеет также значение 'верительные грамоты'; ему следует указать, что русское существительное *аккредитив* имеет лишь одно из значений норвежского существительного *akkreditiv*.²⁵ Даже двух элементарных примеров достаточно для иллюстрации того, что если двуязычный словарь ориентирован лишь на носителей одного из двух данных языков, то носители другого языка не найдут в нем некоторой нужной им информации и что, напротив, учет интересов обеих категорий читателей приводит к увеличению объема словаря, к тому, что каждая из категорий читателей будет находить в нем множество известных ей сведений.

Вывод Л. В. Щербы о необходимости четырех словарей для данной пары языков, таким образом, следует рассматривать прежде всего как констатацию того, что носителя каждого из этой пары языков интересует различная дополнительная к указанию эквивалентов информация. Приведение в одном словаре всей информации, потребной для носителей как входного, так и выходного языка, теоретически и практически вполне осуществимо, хотя, естественно, обилие информации, для отдельных категорий читателей излишней, в известной мере может замедлять их работу с таким словарем. Поэтому в случаях, когда создание для какой-либо пары языков четырех словарей возможно, это требование Л. В. Щербы должно выполняться.

Однако на практике для большинства пар языков, по крайней мере в настоящее время, создание четырех словарей является нереальным из-за сравнительно ограниченной потребности в них и вследствие этого небольших их тиражей. Так, например, именно в силу ограниченного читательского спроса нереально создание в настоящее время двух исландско-русских словарей (для русского и для исландского читателя) или двух русско-норвежских словарей. Если, далес, возможно издание,

²⁵ Правда, иногда в газетных сообщениях встречается форма *аккредитивы* (мн. ч.) в значении 'верительные грамоты' (ср. «Ак. сл.»), но в общем это значение слова *аккредитив* очень редкое.

например, немецко-эстонского словаря для эстонского читателя, то издание такого же словаря для немцев весьма проблематично. Поэтому большинство двуязычных словарей по необходимости должно учитывать интересы носителей как входного, так и выходного языка словаря, т. е., иными словами, иметь два адресата. По этой же причине в настоящей работе, кроме специально оговариваемых случаев, обычно не уточняется, является ли иностранный язык входным или выходным языком словаря.

* *

*

В предлагаемой работе рассматриваются основные вопросы словника большого двуязычного словаря. Естественно, что автор, являясь филологом-скандинавистом и обладая опытом практической словарной работы в области исландско-русской и русско-норвежской лексикографии, привлекает значительную часть иллюстративного материала именно из этих языков, хотя и не ограничивается ими: используются материалы различных германских и романских языков, а также, в меньшей степени, некоторых других. Привлечение иллюстративного материала из различных языков прежде всего имеет целью показать, что проблемы, рассматриваемые в работе, отнюдь не являются специфическими для скандинавско-русской и русско-скандинавской лексикографии, а, напротив, встают или по крайней мере должны вставать перед лексикографами, работающими с самыми разными языками. Разумеется, многие языки обладают особенностями, представляющими для лексикографов специфические трудности, неизвестные лексикографам, имеющим дело с другими языками. Не являясь полиглотом, автор, конечно, не претендует на то, что эта работа ответит на все вопросы словника, с которыми может столкнуться отдельный лексикограф-практик; такая задача, по-видимому, вообще вряд ли под силу одному человеку. Автор видел свою задачу в том, чтобы сформулировать некоторые проблемы двуязычной лексикографии, касающиеся самых разнообразных языков, изложить теоретическую сторону этих проблем и предложить решения, которые, как он берет на себя смелость надеяться, в основном соответствуют современному состоянию лингвистики.

Вопросы словарной статьи и грамматического очерка при словаре, как уже упоминалось, рассмотрены автором в другой работе, подготовленной к печати. Эти две работы должны составлять единое целое: «Теоретические вопросы двуязычной лексикографии».

Автор приносит благодарность своим коллегам, ознакомившимся либо со всей работой, либо с ее частями и сделавшим ряд ценных замечаний, — в первую очередь проф. М. И. Стеблин-Каменскому, доц. С. С. Масловой-Лашапской и доц. В. М. Павлову.

§ 1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Словник — это совокупность единиц (слов и словосочетаний) входного языка, включаемых в словарь в качестве подлежащих переводу единиц. Словник является одним из наиболее существенных факторов, определяющих объем данного словаря. Качество словника, т. е. то, насколько целесообразно он составлен, в значительной степени определяет качество всего словаря.

Проблема оптимального словника встает перед составителями всех словарей (за исключением составителей тезаурусов, включающих в свои словари все встречающиеся в охватываемых их источниками слова). Наиболее сложна проблема оптимального словника для лексикографа, составляющего общий словарь. При существующей практике общие большие словари включают в себя несколько десятков тысяч вокабул — в среднем от 30 до 70 тысяч, т. е. лишь часть зарегистрированных слов языка. Обычные орфографические словари охватывают значительно большее число слов. Так, «Орфографический словарь русского языка» (1967) насчитывает около 104 000 слов, норвежский «Tapums store rettskrivningsordbok (bokmål)» (1961) — около 250 000 слов.¹ Таким образом, значительная часть слов, регистрируемых орфографическими словарями, не включается в переводные словари. При этом следует также иметь в виду, что в ряде случаев в переводные словари в качестве вокабул включаются слова, не охватываемые орфографическими словарями, — различные собственные имена, сокращения, словообразовательные элементы и пр.

Естественно встает вопрос о критерии, руководствуясь которым составитель включает или, наоборот, не включает данное слово в словник. Приходится признать, что пока в лексикографической практике единственным таким критерием является весьма субъективное понятие употребительности.

В принципе при составлении словника возможен и объективный подход к отбираемому материалу. Объективным критерием теоретически могла бы являться частотная характеристика

¹ Так называемые unabridged dictionaries в Англии и США содержат до 650 тысяч статей (Л. П. Ступин, 1968, 158).

слова. При наличии достаточно полного и авторитетного частотного словаря задача составителя сводилась бы только к определению количества слов из частотного списка (например, № 1—22 000, 1—35 500 и т. д.), в зависимости от планируемого объема словаря, разумеется с учетом предполагаемой степени разработки словарной статьи.

Однако на деле подобных полных частотных словарей не существует и, вероятно, вряд ли можно ожидать их появления в ближайшем будущем. Более того, задача быть оптимальным словником пока, по-видимому, даже и не ставится перед частотными словарями, которые составляют главным образом для решения следующих задач: 1) рационализация изучения иностранного или родного языка; 2) усовершенствование различных кодовых систем; 3) изучение словаря отдельных литературных памятников или авторов (Р. М. Фрумкина, 1964, 5).

Наиболее полные из изданных частотных словарей охватывают в лучшем случае 10—13 тысяч слов. Однако во всех этих словарях количество слов, частота которых подсчитана с относительной ошибкой $\delta \leq 0,3$ (что соответствует $\approx 30\%$), примерно на порядок меньше: в словаре Торндайка (E. Thorndike. The teacher's word book. N. Y., 1931), имеющем объем словника 10 000, количество таких слов составляет ~ 2200 , в словаре Гарсии Оса (V. García Hoz. Vocabulario usual, común y fundamental. Madrid, 1953) при объеме словника в 13 000 слов количество слов, частота которых подсчитана с указанной точностью, составляет около 1100 (Р. М. Фрумкина, 1964, 13). Очевидно, что при желании иметь более точные оценки, величина относительной ошибки δ должна быть задана меньшей, и тогда надежность этих списков на 1000—2000 слов резко уменьшится. Однако точность 70% для лексикографа, занятого составлением словника для обычного словаря общего типа, явно недостаточна: можно предположить, что расхождения в составе словников двух словарей приблизительно равного объема (например, русско-немецкого и русско-норвежского по 60 000 вокабул каждый) едва ли составят больше чем 3000, т. е. в данном случае $\frac{1}{20}$, или 5%. Это еще раз показывает, что данные частотных словарей, к сожалению, пока не могут помочь в определении объемов словников «обычных» словарей.

Дело, однако, не только в том, что существующие частотные словари не являются пока надежным пособием для лексикографа. По-видимому, и в ближайшем будущем не приходится ожидать появления частотных словарей, которые могли бы полностью снять с повестки дня проблему словника для словарей общего типа, хотя иногда в общей форме прокламируется обратное (I. Raškevičs, 1968, 54). Впрочем, нереальность такой задачи признается и самими специалистами по частотным словарям. Так, например, Р. М. Фрумкина считает, что если задаться целью подсчитать частоты даже редких слов с достаточ-

ной степенью точности (а именно это важно для наших целей), то работа по обследованию текста становится тогда практически невыполнимой (1964, 14).

Это можно доказать несложными подсчетами. Взаимосвязь между длиной выборки (N), частотой слова (p) и относительной ошибкой (δ) упрощенно выражается формулой

$$\delta \approx \frac{z_p}{\sqrt{Np}}, \quad (1)$$

где z_p — константа, принимаемая в подобных расчетах равной 2. Поскольку нас в данном случае интересует объем выборки, преобразуем формулу (ср. П. М. Алексеев, 1965, 7):

$$N \approx \frac{z_p^2}{\delta^2 p}. \quad (2)$$

Весьма существенным моментом для правильного решения данной задачи является определение желаемой величины p , т. е. определение того нижнего порога частотности, который нас интересует для практических целей отбора словника для двуязычного словаря общего типа. Как отмечают специалисты по частотным словарям, наши интуитивные оценки типа «частое» слово, «не очень частое», «редкое» обычно оказываются завышенными в сторону частоты (Р. М. Фрумкина, 1964, 14). Например, всего по одному разу у Пушкина встречаются слова: *согревать, убивать, жара, теленок, вглубь, вежливо, галка, горбиться, шеренга, кровельщик, легковерие, наглухо, худший, хрящ, жест, жаркое, умудриться, услыхать, ежечасный, жалить, высохнуть, сизый, легкое, крошечный, нагишом, лейка, мыть, ежиться, гвардеец, грузный, сыпь, овальный, краснощекий, крохотный, кропотливый, легковесный* и т. п. Поскольку общий объем текстов Пушкина равен 544 777 словам, то частота этих слов, являющихся для интуитивного восприятия «довольно частыми», равняется $1 : 544\,777 \approx 2 \cdot 10^{-6}$. Р. М. Фрумкина считает, что «по-видимому, частота слов, которые мы интуитивно считаем „не очень частыми“, будет выражаться величинами порядка $1 \cdot 10^{-7}$ и меньше» (там же, 14).

Попробуем определить, каков должен быть объем выборки для получения точных частот «не очень частых слов» русского языка с относительной ошибкой 3% ($\delta = 0,03$), что тоже для практической лексикографии недостаточная точность. Частоту этих «не очень частых слов» возьмем $1 \cdot 10^{-7}$, хотя это и заведомо завышенное значение. Подставляя эти величины в формулу (2), получаем

$$N \approx \frac{2^2}{0,03^2 \cdot 10^{-7}} \approx \frac{4}{9 \cdot 10^{-11}} \approx 45 \cdot 10^{10} \approx 450\,000\,000\,000.$$

Таким образом, даже при заведомо завышенной частоте «не очень частых слов» и при относительной ошибке 3% объем вы-

борки должен достигать приблизительно 450 миллиардов словоформ,² что в ближайшее время неосуществимо.

Однако в хорошо разработанном словаре сами вокабулы (заглавные, или черные, слова) едва ли занимают в словнике хотя бы половину того места, которое занимают различного рода словосочетания. Поэтому если задаться целью получить на основании статистических подсчетов частотный список не только слов, но и словосочетаний, то, с одной стороны, процедура таких выкладок невероятно усложнится, а с другой — объем необходимой выборки вырастет на много порядков.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что частотная характеристика слова, хоть и установленная с достаточно большой точностью, не всегда отражает важность слова для общения людей — не только с точки зрения общения двух конкретных языковых коллективов (об этом случае см. ниже), но и в пределах данного языкового коллектива. Возможность отсутствия корреляции между частотной характеристикой слова и его важностью для общения была показана французскими лингвистами (G. Gugenheim, P. Rivenc, R. Michéa, S. Sauvageot, 1956, 136).³ Эксперименты показали, что «частота референта» слова оказывает влияние на субъективную оценку говорящими частоты слова: для слов с высокой «частотой референта» (подразумеваются «обиходные» слова типа *сахар, туфли*) испытуемые склонны завышать их употребительность (А. П. Василевич, 1968, 10—11).⁴ По-видимому, «наилучшим приближением к вероятностным характеристикам, записанным в памяти индивида, была бы некая суммарная оценка, учитывающая, помимо чтения, также и вероятностный опыт индивида в слушании и говорении» (там же, 4). Пока, однако, определение такой суммарной оценки для слов вообще, насколько нам известно, не проводилось, а составление подобного списка слов длиной в несколько десятков тысяч — а именно такой список имеет ценность для словника двуязычного словаря — можно считать, еще по крайней мере в течение многих лет, будет являться утопией. Реальный вывод, который лексикограф может сделать из весьма поучительных экспериментов А. П. Василевича, состоит в том, что неправомерно абсолютизировать объективность критерия частотности (по данным частотных словарей, отражающих письменную речь). Впрочем, сама субъективная оценка говорящими частоты слова может использоваться в лексикографии

² G. Wahrig (1967, 9) ошибается в оценке выборки на 3 порядка.

³ Об этом же фактически свидетельствует анализ приводимого выше списка слов, употребленных в произведениях Пушкина всего по одному разу (мы, разумеется, учитываем здесь как недостаточную длину текста — около полумиллиона словоформ, так и специфику стиля и тематики писателя, но существа факта это, как представляется, не меняет).

⁴ Подобный сдвиг оценок в сторону завышения не наблюдался для слов, для которых признак «частоты референта» иррелевантен, — типа *природа, искусство, решение* (там же, 11).

как критерий лишь после статистической обработки. Так, в эксперименте А. П. Василевича (1968, 8), где испытуемые должны были распределить по семи частотным интервалам предлагаемые им слова, нередко имело место сильное расхождение в оценках (см. таблицу).

Оценки испытуемыми (30 человек) следующих слов

Интервал	Оценки частоты слов		
	<i>мускат</i>	<i>паркет</i>	<i>гудрон</i>
Никогда	1	0	6
Очень редко	4	2	12
Скорее редко, чем часто	9	6	7
Не очень редко, но и не очень часто	8	8	2
Скорее часто, чем редко	5	4	1
Весьма часто	2	10	1
На каждом шагу	1	0	1

Таким образом, в настоящее время каждому составителю двуязычного словаря приходится решать задачу, которую заведомо решить он полностью удовлетворительно не может: отобрать несколько десятков тысяч наиболее употребительных и наиболее важных слов входного языка (W. Mańczak, 1963, 447). Не имея в руках объективно исследованных и зафиксированных характеристик употребительности слов, составитель словника фактически вынужден руководствоваться только своей интуицией, своим опытом либо данными других сходных словарей, т. е. интуицией других лексикографов. В огромном числе случаев он не имеет объективной информации об употребительности слова, например о том, является ли данное слово настолько устаревшим, что не заслуживает включения в общий переводной словарь, или о том, является ли данный конкретный термин узкоспециальным или, напротив, настолько широко распространен, что должен быть включен в общий переводной словарь. У двух современных четырехтомных словарей русского языка при приблизительно равном объеме словника (Ушаков — 85 189, Малый академический — 82 159)⁵ различия в составе словника довольно значительны (Т. Н. Зайцева и И. С. Назарова, 1966, 120) и достигают в отдельных частях 25—30% (Ф. П. Филин, 1963, 179).

Показательным примером неизбежного пока и в ближайшее время субъективизма при составлении словника, того, как индивидуальность составителя накладывает отпечаток на состав словника, может служить тот факт, что при решении аналогичной задачи — составлении словарей-минимумов на основании интуитивного ощущения употребительности того или иного сло-

⁵ При этом следует иметь в виду, что в словаре Ушакова причастия даны отдельной статьей.

ва — возникает крайний разноречивый. Например, в трех словарях-минимумах для 5—6 классов совпало всего 191 слово, а в трех словарях-минимумах для начальной нерусской школы — 875 (Л. Саяхова, 1964, 22).

Существен еще один момент. Составители двуязычных словарей в большинстве случаев филологи и должны быть филологами (ср., например, А. V. Isačenko, 1961, 19; М. Филипова-Байрова, 1959, 229), притом специалистами по иностранному языку. Справедливо отмечалось, что нецелесообразно специалистам по выходному языку составлять словник на входном языке, к тому же каждому в отдельности (Н. И. Фельдман, 1952, 69).

Возможный путь преодоления субъективизма в составлении словника двуязычного словаря предлагается в § 6.

Известная часть словника определяется спецификой выходного языка словаря. Необходимость варьирования словника в зависимости от выходного языка уже отмечалась в литературе. Н. И. Фельдман (1952, 72) выделяет два основных момента. Во-первых, разницу составляют слова, обозначающие специфические для данной страны понятия быта, культуры и политических условий (например, в р.-яп. сл. слова *бататы*, *бери-бери* и т. п.). Эта группа слов — «внутренние экзотизмы» — рассматривается в § 10. Во-вторых, различия в грамматической структуре выходных языков являются причиной того, что в словниках при одном и том же входном языке в одних случаях можно опускать определенные производные формы, тогда как в других словарях это недопустимо. Этот вопрос рассматривается в § 3.

В дополнение к этим бесспорно важным случаям различий между словниками разных словарей с одним и тем же входным языком следует назвать еще один.

При сравнении лексических составов двух языков часто наблюдается такое положение, когда слова, имеющие в обоих языках одно и то же значение, обладают в каждом из этих языков весьма различными частотными характеристиками, поскольку обозначаемые ими понятия играют весьма различную роль в жизни этих разных языковых коллективов. Например, такие названия рыб, как *пикша*, *мойва* имеют в русском языке частоту, по-видимому, на несколько порядков более низкую, нежели их исландские эквиваленты *ýsa*, *lobpa*.⁶ Названия частей трамплина для прыжков на лыжах (*гора разгона*, «*стол*», *радиус*, «*лоб*» и т. п.), фаз и положений прыжка (*толчок*, *полет*, «*ножницы*», «*крючок*» и т. п.) в Норвегии входят если не в активный, то по крайней мере в пассивный словарь очень широких слоев населения, тогда как в СССР — это специальная терминология, известная лишь сравнительно немногим (ср. также В. П. Берков, 1970, 7). Это обстоятельство, естественно, нахо-

⁶ Большинство русских может лишь, в лучшем случае, сказать, что это — названия рыб. Ср. Ж. Вандриес, 1937, 179 — о названиях птиц.

дит свое отражение и в словнике, поскольку важность понятий для коллектива выходного языка имеет несомненным следствием важность данного понятия в общении этих двух языковых коллективов. Если, например, понятия *пикша* (*ýsa*) и *мойва* (*loðpa*) очень важны для исландца, то, естественно, в общении русского с исландцем эти понятия будут фигурировать, и притом чаще, чем в разговоре русских между собой. Таким образом, составитель словника словаря А—В должен исходить не только из частоты слов в языке А, но из частоты их эквивалентов в языке В.

§ 2. СЛОВАРНАЯ И НЕСЛОВАРНАЯ ФОРМА СЛОВА

В языках, в которых имеется словоизменение, одна из возможных форм слова условно принимается за основную (например, для русского языка: им. п. ед. ч. — у существительных, инфинитив — у глагола,¹ положительная степень — у наречия и т. д.). Из всех возможных словоформ она дается в словаре в качестве представителя всей совокупности.² Эту основную форму будем называть словарной формой слова. Остальные формы данного слова будут по определению считаться несловарными. Например, принимая за словарную форму инфинитив во французском языке, будем называть словарной формой *savoir* 'знать' и несловарными формы *sais, savons, sus, sîmes, saurai, sache, susse, sachant, su* и т. д. Выбрав в исландском языке для прилагательных словарной формой им. п. ед. ч. м. р., мы рассматриваем как несловарные формы *svart, svört, svartrar, svörtum, svartan, svörtu* и др. (всего 13) и как словарную форму *svartur* 'черный'.

При выборе той или иной словоформы в качестве словарной в принципе возможны три различных подхода.

Во-первых, в качестве словарной может быть выбрана та словоформа, которая наиболее «внеконтекстна», которая обладает наибольшими возможностями быть употребленной вне предложения. В индоевропейских (и многих других) языках для существительного — это форма именительного падежа, в

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ, однако, предполагал в своем русско-польском словаре сделать исходной словарной формой 1 л. ед. ч. наст. (буд.) вр. (1963, 141), как это, кстати, делалось в русских словарях XVIII века.

² Теоретически возможен, конечно, словарь, где были бы приведены в качестве вокабул все словоформы. Практические сложности издания такого словаря для многих языков и пользования им очевидны. Не исключено, с другой стороны, что для автоматического перевода такая подача материала может — при соответствующем уровне развития вычислительной техники — оказаться целесообразной. При этом программа морфологического анализа не будет нужна. Такое соображение высказывалось, в частности, Л. И. Гутенмахером в 1959 г. (устно).

которой «предмет выступает как таковой (в своей назывной форме)» (В. М. Жирмунский, 1963, 20), для прилагательных — положительная ступень, для глагола — инфинитив, в котором действие представляется в наиболее отвлеченном виде, «простым, голым выражением идеи действия, без тех осложнений, которые вносятся в нее всеми другими глагольными категориями» (А. М. Пешковский, 1956, 131; ср. также О. С. Ахманова, 1957, 108; В. М. Жирмунский, 1963, 20—21; Н. М. Терещенко, 1967, 29).

Во-вторых, возможен чисто морфологический подход, когда словарной избирается форма, максимально лишенная каких-либо показателей, т. е. по своему звуковому составу и, следовательно, графически совпадающая с частью других словоформ, являющаяся как бы фонетически (графически) исходной. При этом подходе, например, глагол оказывается удобным представить в ненецком языке формой 3 л. ед. ч. неопределенного вр. субъектного типа спряжения, имеющей нулевой показатель (Н. М. Терещенко, 1967, 30).

Наконец, в-третьих, принципиально возможен и совершенно иной подход к выбору словарной словоформы, а именно — частотный, т. е. избрание представителем всего ряда словоформ той, которая обладает наибольшей частотностью. Для русского глагола, например, такой формой будет не инфинитив, а 3 л. ед. ч. наст. (буд.) вр. (Э. А. Штейнфельдт, 1963, 42). Теоретически здесь опять-таки возможны два пути: либо избирать ту грамматическую форму, которая для всего данного грамматического разряда слов является наиболее употребительной (как в приведенном выше примере), либо для каждого конкретного слова делать словарной наиболее часто встречаемую.

Применение того или иного критерия выбора словарной формы определяется как особенностями грамматического строя языка, так и традицией. Для одних и тех же частей речи в разных языках в качестве словарных могут выступать различные формы. Так, например, в болгарской и латинской лексикографии глагол представляется формой 1 л. ед. ч. наст. вр. (*надам, сядам, пиша*; *ато, video*), в грузинской — 3 л. ед. ч. наст. вр. (А. С. Чикобава, 1957, 63), в арабской — 3 л. ед. ч. прош. вр. (*kataba*),³ в калмыцком и бурятском — причастием буд. вр. (Б. Д. Муниев, 1964, 136; Ц. Б. Цыдендамбаев, 1969, 124) и т. д. Характерно, что иногда сходные случаи подвергаются различной лексикографической обработке. Это хорошо видно на

³ Ср.: J. L. Erickson, 1967, 28. — В этой работе описываются также другие презентации арабского глагола $\sqrt{k\bar{t}b}$ a/u, *katab*-(u) и *-ktub*-(a). Автор предлагает свою искусственную форму (**katub*), которая дает ту же информацию, что и корневая форма и форма с дефисами, но удобопроизносимая. Ряд убедительных аргументов против «корневого метода» расположения материала в арабских словарях выдвигается Г. Г. Заринезаде, 1963, 200—205; о корневом методе (в связи с грузинским материалом) см. также: А. С. Чикобава, 1957, 64—66.

примере тюркских языков. Так, например, в киргизской лексикографии глагол представляется основой (совпадающей с императивом: *ал-, бер-, жаз-⁴*). Такая же подача принята в каракалпакско-р., чувашско-р., алтайско-р. и некоторых других словарях. В других тюркско-р. словарях использованы иные способы представления глагола: а) форма арабского масдара I породы на *-мак* (с вариантами) — в азербайджанском, туркменском, узбекском и др.; б) форма на *-у* (с вариантами) — татарско-р. и башкирско-р.; в) причастная форма в направительном падеже — в хакасско-р. (А. Турабаев, 1968, 76).

Естественно, что наиболее «внеконтекстные» формы во многих случаях отнюдь не являются «морфологически оптимальными»: в словарных формах основа в ряде случаев осложнена окончаниями, что затрудняет сведение других форм к словарной: ср. русск. *рук* — *рука*, исл. — *gul* — *gulur* 'желтый', лат. *ато* — *атаге* 'любить', фин. *tulen* — *tulla* 'приходить' и т. д.; нередки и обратные случаи, когда основа словарной формы имеет по сравнению с рядом несловарных усеченный характер, что также осложняет словарный поиск, например: лат. *iter* 'путь' — *itineris*, русск. *дочь* — *дочерей*, болг. *ям* 'ем' — *ядете*, лит. *sesuo* 'сестра' — *sėseriai* и т. п. Однако нас в данной связи интересует иной вопрос, а именно: какие несловарные формы и в какой степени должны включаться в словник в качестве самостоятельных вокабул.

Как уже отмечалось, двуязычный словарь должен, с нашей точки зрения, представлять собой единый инструмент перевода, что, в частности, означает необходимость тесной увязки грамматического очерка при словаре с корпусом словаря. В грамматическом очерке описаны процедуры приведения несловарных форм слова к словарным, однако только для регулярно образуемых форм.⁵ Из этого следует вывод, что информация о том, к какой словарной форме должна быть приведена данная нерегулярно образованная несловарная, должна даваться в корпусе словаря.⁶

⁴ Этот принцип был одним из первых применен В. В. Радловым.

⁵ Для удобства изложения мы исходим из предположения, что несловарные формы образуются от словарных, тогда как в действительности положение во многих случаях скорее всего обратное. Характерно, что описание языка по словарным формам (например, в обратных словарях) и по текстам дают различную картину (Н. Д. Арутюнова и О. А. Максимова, 1968, 22—31).

⁶ Строго говоря, потребность в этом есть только в иностранно-родных словарях, так как для пользующегося родно-иностранным словарем переход от несловарной формы к словарной не представляет затруднений. Поскольку, однако, для многих пар языков создание четырех переводных словарей является недостижимым идеалом, во многих случаях двуязычные словари будут еще долгое время составляться в расчете главным образом на носителей одного из данной пары языков, по также с учетом интересов и носителей второго языка. Поэтому на практике словник в родно-иностранном словаре часто включает в себя элементы, излишние для носителей данного языка, но важные для носителей выходного языка.

Теоретически, конечно, возможно поместить всю информацию о том, каким образом различные нерегулярные словоформы приводятся к словарным, в грамматическом очерке при словаре. Практическая нецелесообразность этого решения будет, однако, состоять не только в том, что это приведет к резкому усложнению правил приведения несловарных форм к словарному виду за счет ввода в них правил, компетенция которых будет распространяться на минимальное число случаев (в том числе нередко и на один-единственный), но также и в том, что пользование словарем будет значительно затруднено: пользующийся словарем фактически должен помнить все сведения, содержащиеся в грамматическом очерке, или по крайней мере быть с ним настолько хорошо знакомым, чтобы суметь быстро найти в нем ту или иную парадигму, из которой он мог бы извлечь необходимую информацию.

Например, русскому читателю встретилась в исландском тексте незнакомая ему словоформа *fjörðig* (им. п. мн. ч. от *fjörður* 'фьорд'). «Исл.-р. сл.», 1962 дает «отказ»: там, правда, имеется слово *fið* (1) 'даль'; 2) 'удаление, расстояние'), но оно не имеет множественного числа, и поэтому форма *fjörðig* к нему несводима; кроме того, скорее всего сам контекст подскажет недопустимость этого перевода. Читатель может помнить, что *-ig* — окончание мн. ч. у существительных⁷ м. и ж. р. или, как минимум, что это окончание существительного. Ему придется начать просматривать все парадигмы существительных, пока он не найдет нужную ему. Иной альтернативой могло бы быть нахождение информации о возможных чередованиях гласных в исландском. Однако обращение к параграфу в грамматическом очерке при «Исл.-р. сл.», 1962, посвященному чередованиям, также не даст читателю искомой информации, так как там описаны чередования по трем историческим типам: аблаут, перегласовки (умлаут) и преломление. Звук *i* как результат чередования читатель найдет только в перегласовке *e > i*, что ему ничем не поможет (слово *ferð* 'поездка' имеет мн. ч. *ferðir*, что отражено в словаре). Исторически в парадигме слова *fjörður* 'фьорд' (<*ferdu) представлены разные типы чередований: преломление на *-u* в им. и вин. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч., преломление на *-a* в род. п. ед. и мн. ч. и перегласовка на *-i* (от *e*, но не современного, а исторического!) в дат. п. ед. ч. и им. и вин. п. мн. ч. (ед. ч.: им. *fjörður*, род. *fjarðar*, дат. *fiðri*, вин. *fjörð*; мн. ч.: им. *fjörðir*, род. *fjarða*, дат. *fjörðum*, вин. *fiðri*). По-видимому, для практических целей пользования словарями языков, где одно и то же слово может подвергаться чередованиям разного типа, имеет смысл описывать не только исторические че-

⁷ Окончание *-ig* есть и у исландских прилагательных, и у глаголов. Для экономии места мы эти возможные неверные варианты анализа словоформы *fiðir* здесь рассматривать не будем.

редования по их типам, но и реально по парадигмам, например в рассмотренном случае со словом *fjörður*: *jö>ja, jö>i*.

С другой стороны, нецелесообразно использовать место в корпусе словаря для помещения тех словоформ, приведение которых к словарному виду подчиняется хоть и более или менее сложным, но достаточно массовым правилам.⁸ Примером таких массовых чередований могут служить в русском языке переход *т>ч* (*коптить* — *копчу*, *вертеть* — *верчу*), в украинском *і>о* (*бік* — *боку*, *сіль* — *соли*), в исландском *а>ө* (*saga* 'история' — *sögur*, *barn* 'дитя' — *börn*; ср. далее заимствования *gramm* — *grömm* 'грамм', *vatt* — *vött* 'ватт' и даже окказиональное *antikvariat* — *antikvariöt* 'букинистический магазин'), в финском суффиксальное *ne>se* (*painen* 'женщина' — *paiset*, *toinen* 'второй' — *toisen*). Например, помещение в словник исландско-русского словаря всех крайне многочисленных словоформ, где имеет место чередование *ө<а*, распространяющееся на существительные, прилагательные, глаголы и местоимения, привело бы к значительному увеличению объема словаря. Помещение таких форм в исландско-датском словаре Сигфуса Блэндаля поэтому вряд ли оправдано, тем более, что оно осуществлено не до конца последовательно: приводятся формы им. п. мн. ч. существительных (*höf* от *haf* 'море', *þök* от *þak* 'крыша'), им. п. ед. ч. ж. р. и им. п. мн. ч. ср. р. прилагательных (*ögm* от *agmur* 'бедный', *björt* от *bjartur* 'ясный' и др.). Однако нет ряда форм дат. п. мн. ч. *höttum* от *hattur* 'шляпа', *hönum* от *hani* 'петух', *löndum* от *landi* 'земляк', *föllum* от *fall* 'падение', *þöllum* от *rallur* 'помост' и др. Даются отдельными вокабулами 1 л. мн. ч. наст. вр.: *föllum* (от *falla* 'падать'), *gröfum* (от *grafa* 'копать'), *höldum* (от *halda* 'держать'), *förgum* (от *farga* 'избавляться') и т. д., но отсутствуют вокабулы *höfum* от *hafa* 'иметь!!'), *hlöðum* (от *hláða* 'грузить'), *köllum* (от *kalla* 'звать'), *söhum* (от *saxa* 'рубить'), *þökkum* (от *þakka* 'благодарить') и т. д. Точно так же нецелесообразно было бы помещать болгарские формы мн. ч. существительных, образуемые с регулярными чередованиями гласных и согласных, в виде отдельных вокабул; мы имеем здесь в виду случаи типа: *вълк* 'волк' — *вълци*, *грях* 'грех' — *грехове*, *нянка* 'грудь' — *нен-*

⁸ Спорадическое помещение отдельных регулярных несловарных форм бесмысленно в принципе. Нарушение этого правила объясняется только лингвистической неподготовленностью составителя. Ср. приводимые Г. Н. Михайловым (1960, 41) абсолютно неуместные в узбекско-русском словаре вокабулы: *олди* 'взял', *олиб* 'взяв', *отаси* 'его отец', *ишланажак* 'то, что будет сделано в будущем' и др. при наличии в словаре основных форм *ол*, *ота*, *иш* и др. См. также: А. А. Юлдашев, 1967, 121. Часто такие отдельные регулярные формы включаются в словарь, составляемые их авторами для своих нужд. Так, например, в словаре «Recueil des mots russes, disposés par ordre alphabétique, avec leur explications en Français. Par Mr. le D. de S. N., Pour son propre usage, En attendant un Dictionnaire (sic! — В. Б.) de la même Langue» (A Naples, MDCCLXXVIII) есть вокабулы *абайдить*, *абайду*, *абашоль*, *адьдамъ*, *адьдать* и т. п. (Н. Лихачев, 1897, приложение).

ки. Ср. также чередование *я > е* в болгарских прилагательных: *пряк* 'прямой' — *преки*, *ляв* 'левый' — *леви*, *зрял* 'зрелый' — *зрели*, *цял* 'целый' — *цели* и т. п.

По существу, определяя, включать или не включать в словник ту или иную словоформу, тот или иной класс словоформ, составитель словаря заранее определяет минимум сведений из грамматики данного языка, который должен быть известен читателю, чтобы он мог успешно работать с этим словарем. К сожалению, довольно часто у составителей словарей нет четкости в понимании этого вопроса. Явления, которые описываются правилами перехода, охватывающими значительное количество слов, порой последовательно отражаются в корпусе словаря, тогда как элементы уникальных парадигм предполагаются известными читателю. Так, например, следуя предшествующим двуязычным словарям с исландского, мы ошибочно не включили в словник «Исл.-р. сл.», 1962 в качестве отдельной вокабулы словоформе *degí* (дат. п. ед. ч. от *dagur* 'день'), хотя эта форма изолированная (ср. дат. п. ед. ч. у других слов м. р.: *liagi*, *bragi*, *slagi*),⁹ но последовательно включили все формы претерита конъюнктива сильных глаголов (*ysi* от *ausa* 'черпать', *uxi* от *vaða* 'расти', *fægi* от *faða* 'ехать', *byði* от *bjóða* 'предлагать', *stykki* от *stökva* 'прыгать' и т. д.), хотя они регулярно образуются при помощи описанной в грамматическом очерке перегласовки на *-i* от формы претерита мн. ч. (*ausa*—*usu*—*ysi*, *vaða*—*uxu*—*uxi* и т. д.).

Нередки случаи, когда составители словарей вообще строят словник в расчете на читателя, уже знакомого с грамматикой данного языка (ср.: S. E. Martin, 1962, 155; W. Gedney, 1962, 229—230). Например, в «Болг.-р. сл.», 1953 нет вокабул *си*, *е*, *сме*, *сте*, *са* (наст. вр. от *сѣм* 'быть'), ни одной из форм имперфекта того же глагола *сѣм* (*бях*, *беше* или *бе*, *бяхме*, *бяхте*, *бяха*), нет аористой формы *бих*, служащей для образования условного наклонения (*бих купил*, *би купил* и т. д.). Эти формы даже не даны в статье *сѣм*. С другой стороны, часть составителей включает в словник такие несловарные формы, знание которых можно априорно предполагать у любого читателя, хотя бы только начавшего заниматься данным языком. В «Нем.-р. сл.», 1955, например, отдельными ссылочными статьями даны *ihm*, *ihn*, *ihr*, *dem*, *den*, *des*, *hast*, *hat* и т. д.

Следствием такого нечеткого представления у составителя словаря о том, какой предварительный объем сведений по грамматике данного языка читатель должен иметь, чтобы успешно пользоваться этим словарем, является еще одна характерная неточность в подаче материала. Очень часто в языках нерегулярно образованные словоформы представляют со-

⁹ В форме *degí* имеет место так называемый палатальный умлаут.

бой ряд, состоящий из нескольких членов, с общей основой. Например: нем. nehmen — nimmst, nimmst, nimm; русск. *пить* — *пью, пьёшь, пьёт, пьём, пьёте, пьют*; исл. maðir 'человек' — maðns, maðni, maðn, maðpa; ит. essere 'быть' — его, eri, ega, egavato, egavate, egano и т. п. В двуязычных словарях распространена практика приводить только один из членов такого ряда в качестве представителя всей этой нерегулярной части парадигмы. Например, словоформа *gibt* (3 л. ед. ч. наст. вр. от *geben*) в нем.-русских словарях (1955, 1958) «представляет» также и отсутствующие в этих словарях в качестве вокабул словоформы *gibst* и *gib*, *liest* — группы *lies*, *liest* (2 и 3 л. совпадают), *tritt* — группы *trittst*, *tritt* (3 л. и повел. накл. совпадают) и т. д. В «Исл.-р. сл.», 1962 форма 1 л. мн. ч. претерита изъяв. накл. дается в качестве образца всего множественного числа этого времени: *ullum* (для ряда *ullum*, *ulluð*, *ullu* — от *valda* 'причинять'), *hlurum* (для ряда *hlurum*, *hlurið*, *hluri* от *hlaupa* 'бежать') и т. д. Компромиссными являются подачи типа «см, *ешь и т. д. наст. вр. от есть 1*» («Р.-голл. сл.», 1961), где под одной из форм дается часть ряда (или эвентуально весь ряд, что не меняет существа дела), а остальные члены ряда (в данном примере формы *ешь, ест, едим* и т. д.) не помещаются в словник в качестве самостоятельных вокабул.¹⁰

Остановимся подробнее на приводимой в немецко-русских словарях форме *gibt*. Предположим, что читателю встретилась в тексте словоформа *gib*, значения которой он не знает и которая, как отмечалось выше, в словаре отсутствует. Для того чтобы понять ее значение через форму *gibt*, он, очевидно, должен знать, что у сильных глаголов с корневым *e* в императиве имеет место то же самое чередование $e(h) > i(e)$, что и в 3 л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. Без этих предварительных сведений он не сможет интерпретировать словоформу *gib* при помощи словоформы *gibt*. С другой стороны, зная, что в императиве сильных глаголов с корневым *e* имеет место чередование $e(h) > i(e)$, читатель вряд ли не может знать, что это же чередование имеет место во 2 и 3 л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. А в этом случае и помещение форм *gibt*, *nimmst*, *gilt*, *liest*, *tritt* оказывается излишним. Подавая же отдельными вокабулами в этом же словаре словоформы *bin*, *blst*, *ist* и т. п., составители явно ориентируются на читателя, не только не располагающего такими сложными сведениями как переход $e(h) > i(e)$ в определенных условиях, но и вообще не знакомого с самыми элементарными фактами грамматики немецкого языка.

¹⁰ «Р.-англ. сл.», 1961 дает отдельными черными словами всю парадигму *ем... едят*. Нелогичным на этом фоне выглядит отсутствие всех форм буд. вр. глагола *дать* (отсутствуют также в «Р.-голл. сл.»), наст. вр. глагола *схватить* и др. «Р.-нем. сл.», 1965 не дает ни одной из таких форм. В «Р.-карак. сл.», 1967 есть статья «даю, *даешь* и т. д.», но отсутствуют вокабулы *даёт, даёте* и т. д. Сравнительно последовательно введены нерегулярные русские формы в словарь «Vene-eesti sõnaraamat», 1967.

Анализ всех этих фактов приводит к следующим выводам. Вопрос о включении или невключении тех или иных разрядов нерегулярных несловарных форм должен решаться составителем в зависимости от того, какой объем сведений по грамматике данного входного языка предполагается знакомым читателю.

Явное указание на тот минимум знаний по грамматике (точнее, морфонологии) языка, который необходим для успешной работы со словарем, что, с нашей точки зрения, совершенно необходимо, встречается в лексикографической практике в общем довольно редко, хотя и можно привести ряд примеров этого правильного подхода. Так, в словаре языка луисеньо во введении перечисляется ряд фонологических альтернатив, которые словарем не отражены и которые необходимо усвоить для работы с ним, в частности переход краткого корневого гласного глагола в долгий при обозначении длительного действия: *śógi-* 'рубить коротким ударом' — *śó:gi-* 'пилить' (W Bright, 1968. 2). Без определенных сведений о морфонологии индонезийского языка (правил изменений суффиксов и первых согласных корней) невозможно пользоваться «Индонез.-р. сл.», 1961, составленным по гнездовому принципу (например, слова *menjajah*, *penjair*, *memeriksa*, *penulis* и т. д. надо искать соответственно в статьях *suruh*, *sjair*, *periksa*, *tulis* и т. д.).

В принципе возможен словарь, рассчитанный на читателя, знакомого с грамматикой входного языка — например, в полном объеме грамматического очерка при словаре (как это фактически имеет место с «Болг.-р. сл.», ср. приведенные выше примеры) или в каком-нибудь ином объеме. Однако такой подход вряд ли целесообразен, в частности потому, что крайне затрудняется работа переводчиков *ad hoc*, заинтересованных в прочтении небольшого текста и не имеющих возможности или потребности основательно знакомиться с грамматикой данного языка. Есть основания полагать, что случаи опущения в словнике ряда весьма употребительных нерегулярных несловарных форм следует приписывать скорее невнимательности составителя, нежели рассматривать их как следование определенной концепции. Представляется правильным включение в словник двуязычного словаря сведений обо всех нерегулярно образованных несловарных формах. Однако это принципиальное решение нуждается в двух существенных уточнениях.

Во-первых, для очень многих языков весьма спорен вопрос о том, что следует рассматривать как регулярно образующее от основной (словарной) формы, а что — как нерегулярное. К числу таких языков относятся, например, русский, литовский, исландский, немецкий, финский и многие другие, изобилующие закрытыми парадигмами. Некоторые из этих закрытых парадигм охватывают минимальное количество слов (многие даже одно), другие — несколько десятков. В отношении парадигм.

компетенция которых ограничена всего несколькими словами, уже устанавливается (хотя, как было показано выше, весьма непоследовательно проводится в жизнь) практика приведения таких нерегулярных словоформ в словарь. С другой стороны, спорна необходимость приведения нескольких десятков словоформ, образованных по одной и той же парадигме. Однако между этими полярными случаями (одно слово — несколько десятков) будет масса случаев, когда парадигмы будут охватывать 10—20 слов. Есть основания предполагать, что для многих языков в настоящее время существуют только такие грамматические описания, которые дают лишь иллюстративный материал, т. е. не принимают во внимание всю лексическую компетенцию грамматических правил. Для правильного решения этого вопроса составителю словаря необходимо иметь грамматическое описание языка с исчерпывающими списками всех закрытых парадигм.¹¹

Вместе с тем лексикографу следует иметь в виду, что нерегулярная несловарная форма вводится в качестве вокабулы в иностранно-родной словарь для того, чтобы помочь читателю найти ее словарную форму, и только для этого. Поэтому мы обязаны включать в словник переводного словаря формы супплетивные (типа русск. *люди* — *человек*; фр. *eu* — *avoir* 'иметь' и т. д.) или имеющие нетипичные изменения основы (исл. *föðir* — косв. падежи ед. ч. от *faðir* 'отец', *syni* — дат. п. ед. ч. от *sonur* 'сын'), т. е. формы, привести которые к словарному виду можно только при знании определенных частных грамматических правил. Однако те элементы закрытых, пусть даже уникальных, парадигм, которые образованы либо регулярно, либо с показателем (в том числе и нулевым), используемым в другой парадигме для другой цели, и в которых основа не претерпевает каких-либо изменений (что могло бы воспрепятствовать ее идентификации), включать в виде отдельных вокабул в словарь нерационально. Например, парадигма только что упомянутого исландского существительного *sonur* имеет следующий вид: ед. ч.: им. *sonur*, род. *sonar*, дат. *syni*, вин. *son*; мн. ч.: им. *synir*, род. *sona*, дат. *sonum*, вин. *syni*. Из этих форм от типовой парадигмы отличаются только дат. п. ед. ч. и им. и вин. п. мн. ч. Очевидно, что именно эти нерегулярные формы представляют затруднения для читателя, не знакомого с этой уникальной парадигмой. То же относится, например, к парадигме исландского существительного *kona* 'жена', где единственное отклонение от типовой парадигмы — это форма *kvenna* в род. п. мн. ч. (вместо ожидаемого *kop(n)a*). Уникальный характер парадигмы русского существительного *путь* не препятствует приведению несловарных словоформ к словарной, равно как и петичный род. п. мн. ч. у русских существительных *киргиз*,

¹¹ Об этих двух возможных типах грамматического описания см. Л. В. Копецкий, 1967, 132.

партизан, солдат, чулок и др. Исландские собственные имена Audinn и Reginn не имеют в дат. п. синкопы и окончания -i (т. е. вместо ожидаемых форм *Audni и *Regni употребляются формы Audin и Regin), однако это вряд ли может препятствовать определению их словарной формы.

Во-вторых, нерегулярные несловарные формы бывают не только изслированными (случай *degí kvenna*), но, по-видимому, даже чаще могут быть объединены в ряд по признаку общей основы (случай *syni, synir, syni*). В таких ситуациях в лексикографии установилась, как уже показывалось выше, практика делать один из членов ряда представителем всего ряда. Например, форма претерита I л. мн. ч. изъяв. накл. *ugðim* (от *vegða* 'становиться') должна представлять весь ряд *ugðim, ugðið, ugðu* («Исл.-р. сл.», 1962). Тут возможны два принципиально различных случая.

Первый случай — когда каждый из членов этого ряда осложнен особым индивидуальным показателем (падежа, лица и т. п.), так что основа, общая для всех членов ряда, в чистом виде не в одной из форм не представлена, как, например, основы косвенных падежей ед. ч. — кроме винительного и звательного — у польских существительных *imię* 'имя' и *zwierzę* 'зверь'; *imieni-* и *zwierzęci-* (*imienia, imieniu, imieniem, imieniu; zwierzęcia, zwierzęciu, zwierzęciem, zwierzęciu*) или основа *pretérito simple tuv-* испанского глагола *tener* 'держатъ' (*tuve, tuviste, tuvo, tuvimos, tuvisteis, tuvieron*).

Второй случай — когда один из членов ряда графически целиком входит в состав каждого из членов этого ряда. Для этого случая опять-таки возможны два варианта. В первом варианте один из членов ряда может быть чистой основой с нулевым окончанием. Ср., например, ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. у исландских сильных глаголов типа *fá* 'получать' (*fæ, fæð, fæg*) или *bjóða* 'предлагать' (*býð, býður, býður*), нем. *nimm, nimmst, nimmst* или польск. *imion* (род. п. мн. ч. от *imię*), в ряду *imiona, imion, imionom, imiona, imiona!, imionami, imionach*. Впрочем, такая чистая основа, не осложненная окончаниями, может быть представлена не только в одном члене ряда, но и в двух и более, например в ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. у исландских сильных глаголов типа *kjósa* 'выбирать' (*kýs, kýst, kýs*) или *fara* 'ехать' (*fer, ferð, fer*). Другой вариант характеризуется тем, что хотя формально один из членов ряда и входит в состав другого, но по существу имеет свой показатель, совпадающий по звуковому составу с частью показателя другого члена или других членов, как это имеет место во мн. ч. претерита изъяв. или сосл. накл. сильных глаголов в исландском: *hurfum, hurfuð, hurfu* (от *hverfa* 'исчезать'), где окончания следует интерпретировать как -им, -иð, -и, а не как суффикс *и+т*, *и+ð*, *и+нуль звука*.

Подчеркнем явствующий из примеров факт, что в ряду та-

кой нерегулярной парадигмы нередко имеет место омонимия форм. Ср.: русск. *знамени* (род., дат. и предл. п.), исл. *kú* (дат., вин. п. ед. ч. от *kýr* 'корова'), нем. *liest* (2 и 3 л. ед. ч. наст. вр.), исп. *tenga* (1 и 3 л. ед. ч. *presente subjuntivo* от *te-
per*) и т. д.

Все эти обстоятельства требуют тщательного подхода к вопросу о том, какую форму следует предпочесть в качестве представителя всего ряда нерегулярных несловарных форм.

Для первого случая, т. е. для рядов, ни один из членов которых не представляет собою в чистом виде общей для всего ряда основы, целесообразно приводить именно основу, а не какую-либо из форм, где основа осложнена окончанием. В «Р.-норв. сл.» (рукопись) было оказано предпочтение именно такой подаче как отвечающей на максимальное количество вопросов читателя и более удовлетворяющей потребностям переводчиков *ad hoc*. Например, в качестве представителя парадигм настоящего времени от русских глаголов *ехать* и *есть* соответственно дается «ед... I (еду, едешь, едет и т. д.) см. ехать» и «ед... II (едим, едите, едят) см. есть I»,¹² от глаголов типа *пить, бить, вить, лить* отдельными вокабулами приведены основы настоящего времени *пъ...*, *бь...*, *вь...*, *ль...*. Самостоятельным реестровым словом даются основы дочер., матер., *знамен...* и т. п. (ср.: К. Malone, 1962, 113—115).

Точно так же, представляется, рационально поступать и во втором случае, в обоих его вариантах, т. е. и когда кратчайшая из форм данного ряда фактически является общей основой с нулевым показателем, и когда она только формально может рассматриваться как исходная для остальных, имея на деле собственный показатель. Такая подача увеличит компетенцию приводимой формы. Действительно, при презентации грамматических сведений таким образом, как, например, «*hurfum ... 1. p. pl. imp. ind. af hverfa*» («*Isl.-dön. orð.*», 1920, 22), предполагается, что читатель знает парадигму сильных глаголов, чтобы быть в состоянии воспользоваться этой информацией, столкнувшись в тексте с формами *hurfið* или *hurfi*. Неточна подача этого же материала в «Исл.-р. сл.», 1962; «*hurfum ... praet pl ind of hverfa I*».¹³ Правда, в предисловии оговаривается, что всюду у сильных глаголов дается 1 л. и что, следовательно, помета *praet pl* означает 1 л. мн. ч. претерита. Более целесообразной была бы подача типа «*hurfi... praet pl ind of hverfa*», поскольку она охватывает большее число случаев и точнее. Однако ввиду того, что, как уже указывалось, форма 3 л. мн. ч.

¹² Формы *ем, ешь, ест* даны отдельными вокабулами.

¹³ Причиной выбора именно 1 л. как представителя всего множественного числа и в *Isl.-dön. orð.*, 1920, и в «Исл.-р.-сл.», 1962 послужило желание привести все «основные» личные формы глагола в одном лице, что, конечно, оправдано только в отношении ед. ч. наст. вр., где форма 1 л. наиболее короткая из ряда.

в претерите не является фактически исходной, то наиболее строгой была бы подача «*hurfu* (~*uđ*, ~*um*)...».

Таким образом, представляется принципиально возможным и желательным вводить в состав словника в рассмотренных случаях не только целые слова, но и основы.

Возражения, выдвигаемые против этого принципа, сводятся к тому, что изучающему иностранный язык в тексте реально встречаются не основы, а слова, т. е. основы, осложненные различными дополнительными показателями (падежа, лица, числа и т. д.). Действительно, приведение в словаре основы может показаться для читателя, не знакомого с показателями соответствующей парадигмы, недостаточным: если человек, не знающий парадигмы настоящего времени I спряжения русского глагола, встретит в тексте форму *роем*, он не сумеет расчленив ее на основу и окончание и не сможет воспользоваться той информацией, которую ему сообщит словарь, содержащий только статью *ро-*. Это возражение основано, как представляется, на неправильном допущении, что такой читатель вообще может самостоятельно читать тексты на иностранном языке лишь при помощи словаря. Например, если читатель не может в форме *роем* отделить окончание *-ем* от основы *ро-*, то он вряд ли сможет отделить то же окончание в формах *работаем*, *читаем*, *бегаем*, чтобы, прибавив к ним показатель *-ть*, искать их словарную форму в словаре.

К рекомендуемой нами подаче есть в принципе лишь две альтернативы: а) приведение всех форм, образующих данный нерегулярный ряд (например, включение на своих алфавитных местах всего ряда *рою*, *роешь*... *роют*); б) использование традиционной системы репрезентанта ряда. Первое из этих решений нецелесообразно не только и не столько по соображениям чисто практическим (увеличение объема словаря), но в первую очередь в силу своей методической непоследовательности: если читатель может членить регулярные формы типа *двер-и*, *дверей*, *гуля-ем* и т. п., то он, следует думать, сможет расчленив и встретившиеся ему в тексте формы *дочер-и*, *вь-ем* и т. п. Не случайно «Словарь корней русского языка» (С. Wolkonsky, M. Poltoratzky. Handbook of Russian root's. N. Y., 1961) задуман именно как учебное пособие для изучающих русский язык (Т. Ефремова, 1969, 8). Такая же задача возлагается и на «Словарь морфем русского языка» Т. Ф. Ефремовой и А. И. Кузнецовой, подготовленный к печати (там же, 12). О недостатках второй альтернативы — приведении представителя ряда — говорилось ранее.

Вообще вопрос о возможности помещения в словарь морфем (корневых и иных) имеет принципиальное значение для переводной лексикографии. Проблема словообразовательных аффиксов рассматривается ниже, в § 4.

Вопрос о степени включения производных форм в двуязычный словарь в известной степени близок к вопросу о несловарных формах.

Можно априорно полагать, что в любом языке количество корней меньше количества самостоятельных слов. Более того, для огромного количества языков оно составляет много менее половины количества самостоятельных слов. Это означает, что значительная часть слов в языке является производной. Однако большая часть производных слов бывает образована при помощи средств, в настоящее время непродуктивных; во многих случаях уже даже неясно, какое из слов данного ряда было исходным, в других — само возведение одного слова к другим носит лишь гипотетический характер.¹ Существенно также и то, что значение слов, образованных при помощи продуктивных средств, может быть несоотносительным со значением производящего слова. Ср., например: русск. *вареник* и *варить*, нем. *Nepper* 'знаменатель' и *neppen* 'называть', норв. *emping* (б. ч. в сочетании *væge i emping* 'готовиться, назревать, делаться') и *empe* 'придавать общую форму, первично обрабатывать'.² Поэтому, говоря о месте производных слов в переводном словаре, мы будем иметь в виду только такие группы слов, которые образованы при помощи средств, продуктивных в настоящее время в языке, и значение которых выводимо из значения производящей основы³ и данного словообразовательного показателя (например, аффикса) или, иными словами, которые «легко образуются и легко понимаются» («Ак. сл.», I, 18).

Такие регулярно образуемые производные формы можно разделить на две группы: а) регулярные грамматические производные и б) регулярные словообразовательные производные. К первой группе мы относим случаи, когда производная форма остается той же частью речи, что и исходная форма, например: русск. *высушиваться* — страд. к *высушивать*, норв. *undersøkes* — страд. к *undersøke* 'исследовать', кирг. *кекениш-* — взаимн. от *кексн-* 'угрожать мщением'. Такие образования можно условно отнести к парадигматике. Во второй группе производные фор-

¹ Например, может быть, не исключено этимологическое родство фин. *pyörä* 'колесо' и *piiri* 'круг', *lento* 'полет' и *lintu* 'птица', однако доказать это мы, естественно, не можем.

² Как показал И. С. Рабинович (1969, 28—34), значения так называемых сложноинтенсивных глаголов в хинди—урду, панджабском и непальском, создаваемых при помощи 15 «образующих» глаголов, имеют ряд дополнительных оттенков в зависимости от этих «образующих» глаголов; эти оттенки индивидуальны, не предсказуемы при знании значения составных элементов сложноинтенсивного глагола и поэтому должны описываться в словарях.

³ То обстоятельство, что и производящее слово в свою очередь может быть производным, в настоящей связи несущественно.

мы относятся к другой части речи либо являются иным самостоятельным словом, принадлежащим к той же части речи, но имеющим собственную парадигму, например: русск. *отождествление* — от глаг. *отождествить*, *резво* — от прил. *резвый*, норв. суш. *farlighet* 'опасный характер' — от прил. *farlig* 'опасный', порт. наречие *felizmente* 'счастливо' — от прил. *feliz* 'счастливый', латыш. *dārznieks* 'садовник' — от *dārzs* 'сад'.

В принципе словарь должен был бы включать в себя все те слова, которые имеют частоту, превышающую порог, устанавливаемый для данного объема. Однако в силу того, что, как правило, объем словаря оказывается недостаточным для включения нужного количества материала, составители стремятся исключить из словника все те слова, которые легко могут быть сведены к имеющимся в словаре. Сказанное относится в равной мере как к одноязычным, так и к двуязычным словарям. Так, например, в NRO не даются наречия, регулярно образуемые от прилагательных при помощи суффикса *-t*, и отглагольные существительные, регулярно образуемые при помощи суффикса *-(n)ing*,⁴ в «Голл.-р. сл.», 1958 не приводятся, в частности, многие существительные, производные от глаголов и прилагательных при помощи суффиксов *-heid* и *-ing*, а также многие субстантивированные инфинитивы. В словарях с французским языком в качестве входного могут опускаться наречия на *-ment* (J. Šabršula, 1963, 89). Испанские словари не включают и $\frac{1}{8}$ существующих имен с суффиксом *-dor*, неполно отражены названия лиц женского пола (Н. Д. Арутюнова и О. А. Максимова, 1968, 25). Ю. А. Рубинчик (1963, 194) выступил против подачи в персидско-русском словаре порядковых числительных, поскольку они регулярно образуются от количественных при помощи суффиксов *-ом*, *-олин* и т. д.

Компрессия словаря за счет производных слов может осуществляться двумя способами: а) слово может полностью отсутствовать в словаре и б) слово может даваться с отсылочным определением или отсылкой.⁵ Исключение производного слова

⁴ Эти существительные указываются при глаголе в перечне суффиксов — после показателей претерита и причастия II; *guinere*, *-te*, *-t*, *-ing*; *lese*, *-te*, *-t*, *-(n)ing*, т. е. деривация приравнивается к формообразованию (ср.: Н. Д. Арутюнова и О. М. Максимова, 1968, 25).

⁵ Классификация отсылочных определений, используемых в толковых словарях русского языка, дана в статье Д. И. Арбатского, 1965, 130—143, где выделяются 3 основные группы отсылочных определений: 1) графические (бронхит — воспаление слизистой оболочки *бронхов*); 2) двухэлементные с «реальной» и «отсылочной» частью: а) *груша*... 2. плод этого дерева... б) *предвосхищение* — действие по знач. глаг. *предвосхитить*; в) *правдивый* — стремящийся к правде (в 1-м знач.); 3) грамматическое («забывать» — несов. к *забыть*). Как легко увидеть, классификация эта построена по разным принципам деления. Кроме того, она неполна. Некоторые критические замечания Д. И. Арбатского по существующей практике отсылочных определений представляются справедливыми.

возможно лишь, когда все его значения сводимы к значениям исходного слова. Для двуязычных словарей характерен в основном первый способ. Отсылочные определения довольно употребительны в толковых словарях (например, «Ак. сл.», I, 423: «**глубокомысленность** — свойство по значению прил. *глубокомысленный*»);⁶ так же в случаях, когда в производном слове реализуются не все значения основного: «Ак. сл.», I, 566: «**дойка** — действие по глг. *доить* (в I-м знач.)». Отсылочные определения в двуязычных словарях встречаются реже и большей частью применяются в отношении той группы производных, которые выше были названы грамматическими. Ср. в «Каб.-р. сл.», 1957; «**хегъэуфэн** *перех. побуд. ф. от хэуфэн; зэлыщла* *прич. см. зэлыщлэн*». Отсылочные определения более употребительны в иностранно-родных словарях. Отсылочные определения для словообразовательных производных также возможны: «**зэлухыныгъз** *и. д. (т. е. имя действия. — В. Б.) от зэлухын*» («Каб.-р. сл.»). Отсылки в двуязычных словарях используются для экономии места в некоторых особых случаях, о чем см. ниже.

Если для возможности опущения или отсылочного определения регулярного производного слова в одноязычном словаре требуется сводимость его значения или значений к значению или значениям исходного слова, то для возможности подобной компрессии в двуязычном словаре необходимо еще одно дополнительное условие — регулярный характер образования эквивалента в выходном языке.⁷ Ведь регулярный характер образования производного слова во входном языке, естественно, отнюдь не является гарантией того, что в выходном языке эквивалент также будет регулярным образованием. Это хорошо проиллюстрировано Н. И. Фельдман (1952, 70—72) на примере соотношения русских возвратных глаголов и их японских эквивалентов (в японском нет возвратного залога, и это значение передается различными лексическими способами), многообразных способов перевода на японский язык русских относительных прилагательных, вариантов перевода на русский японских глаголов с формантом *суру*. Отмечалась также нерегулярность переводов болгарских относительных прилагательных на французский и греческий (М. Филипова-Байрова, 1959, 238). Далее, от русских качественных прилагательных, в общем, регулярно образуются существительные с суффиксом *-ость*, имеющие значения свойства по значению данного прилагательного (*выспренность* — *выспренность*, *нерушимый* — *нерушимость*, *регулярный* —

⁶ Критику данного объяснения (при помощи слов «свойство, качество, состояние») см.: Т. В. Зайцева, И. С. Назарова, 1966, 130—131.

⁷ Это условие, естественно, не обязательно, если двуязычный словарь имеет научные, но не практические цели. Так, в словаре языка лунсеньо У. Брайта, являющемся пособием для «сравнительного изучения уто-астекских языков» (W. Bright, 1963, 3), при отборе производных форм регулярность образования переводного эквивалента не учитывалась.

регулярность), тогда как в норвежском языке аналогичные существительные с суффиксом -het (реже -skap) употребительны меньше, вследствие чего нередко русские существительные на -ость приходится переводить при помощи конструкции *det å være...* '«бытие» чем-либо, т. е. обладание качеством...' (например, *утопичность* — *det å være utopisk*) или... *karakter* 'характер' (например, *фантастичность* проекта — *prosjektets fantastiske karakter*, т. е. фантастический характер проекта).

Поэтому судить о допустимости опущения тех или иных регулярных производных форм в словнике отдельного конкретного двуязычного словаря можно только после тщательной проверки регулярности, образования эквивалентов в выходном языке. Отсутствие данного производного слова в словнике, таким образом, должно указывать на регулярный характер образования эквивалента.

Регулярный характер производных форм во входном языке и нерегулярный характер образования эквивалентов следует отличать от случая, когда таким регулярным формам вообще не имеется в выходном языке единых, обобщающих эквивалентов и разным употреблениям входного слова соответствуют различные регулярные переводы в выходном языке. Примером могут служить русские существительные, обозначающие женщин определенной национальности (*норвежка, шведка, датчанка, немка, француженка* и т. д.), и их норвежские переводы: в норвежском нет специальной модели для обозначения таких понятий (за исключением образований с -inne от некоторых существительных с суффиксом -er: *russer* 'русский' — *russerinne*, *amerikaner* 'американец' — *amerikanerinne* и т. п.). Поэтому эти русские существительные переводятся в различных словосочетаниях по-разному. Конструкция типа *она* — *норвежка* (*француженка, китайка* и т. п.) переводятся как *hun er norsk*⁸ (*fransk, kinesisk*), *одна норвежка* (*вчера я встретил одну норвежку*) — *en norsk dame* (эвентуально *pike* 'девушка', *jente* 'девушка' и т. д.). Легко увидеть, что приведение всех этих различных лексических способов перевода под каждым русским словом, обозначающим женщину — представителя какой-либо национальности, привело бы к большому возрастанию объема словаря за счет многократного дублирования однотипных моделей. В таких случаях представляются оправданными — и используются в «Р.-норв. сл.» (рукопись) — отсылки к одному слову, под которым приводятся все переводящие конструкции. При этом в переводящих конструкциях особым шрифтом (например, курсивом) выделяется переменный компонент, т. е. то слово, которое меняется в зависимости от значения, например: «она — *норвежка* *hun er norsk*». В словарных статьях вроде

⁸ Эта же конструкция употребляется и для обозначения тех национальностей, которые имеют «готовые» эквиваленты: *russerinne*, но *hun er russisk*.

аварка, аджарка, азербайджанка и т. д. вместо перевода дается « \Rightarrow норвежка», что означает: данное слово не имеет в норвежском языке единого эквивалента, о различных способах перевода его см. статью «норвежка».

Выше рассматривались случаи, по преимуществу касающиеся иностранно-родного словаря. Вместе с тем и при переводе с родного языка на иностранный человек может нуждаться в информации о производных формах. В особенности важна такая информация о тех словообразовательных средствах, аналогов которых нет в родном языке читателя. Типичным примером могут служить уменьшительные и увеличительные формы, например, русского или испанского языков по отношению к языкам, не имеющим уменьшительных или увеличительных суффиксов (например, скандинавским). Так, зная, что норвежское сочетание прилагательного *liten* 'маленький' с существительным в определенных случаях может быть передано по-русски одним существительным с уменьшительным суффиксом, читатель, естественно, заинтересован в получении точных сведений о том, какие существительные могут получать такие суффиксы и какой именно суффикс или какие суффиксы данное существительное может получить, а также о возможных нюансах у разных уменьшительных форм одного существительного. Ср.: *дом — домик, домишко, город — городок, городишко, баран — барашек, баранчик, мотор — моторчик, окно — окошко, окошечко, оконце, дерево — деревце*; ср., однако, *поле — полюшко, молоко — молочко, солнце — солнышко*, где уменьшительная форма имеет только ласкательное значение. При переводе с родного языка на иностранный читатель должен быть предупрежден о том, что некоторые потенциально возможные производные формы в действительности в языке не используются или почти не используются. Х. Касарес, например, отмечает, что от испанского слова *papel* 'бумага' образуется увеличительное *papelón*, но «едва ли большой лист бумаги когда-либо назывался *papelazo*» (1958, 326). По-русски, конечно, можно сказать *университетик* или *университетище*, но эти формы, в общем, неупотребительны.

Особую сложность при конструировании производных форм иностранного языка могут представлять как различные чередования, так и акцентуация, ср. хотя бы русские уменьшительные: *доска — дощечка, досочка, досточка* (прост.) и *треска — тресочка, трецочка*, (прост.); *колесо — колёсико, болото — болотце, мясо — мясцо, яблоко — яблочко, молоко — молочко, сердце — сердечко, время — вре́мечко, лицо — личико* и т. д.

Введение всей этой информации в словарь представляется не только целесообразным, но и необходимым. Поскольку, однако, в ряде случаев во входном языке будет отсутствовать вокабула, которой в качестве переводного эквивалента можно приписать производную форму, представляется оправданным приведение ее в статье в качестве одной из грамматических ха-

рактистик слова, т. е., например, в словаре для иностранцев с русским выходным давать при слове *солнце* форму *солнышко*, при слове *болото* — *болотце*, при слове *имя* — *имечко* и т. д. Такие формы, кстати, обычно регистрируются в толковых словарях при исходной форме (ср. «Ак. сл.», I, VIII; X. Касарес, 1958, 327).

§ 4. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АФФИКСЫ КАК ВОКАБУЛЫ

Рассматривая вопрос о включении производных форм в словник двуязычного словаря, мы не останавливались на одном важном вопросе, а именно на том, где пользующийся словарем может получить информацию о способе перевода того или иного разряда производных форм. Нередко встречающаяся в предисловиях к словарям формулировка «ввиду легкости для понимания и перевода в словаре ограничено даны...» показывает, что составитель либо предполагает у читателя знакомство со способами переводов таких производных слов, либо считает, что читатель может получить такую информацию в ином месте. Постараемся показать, что оба эти представления неверны. Во-первых, как уже говорилось выше, составители словарей обычно не определяют четко того объема сведений по данному языку, который читатель должен иметь, приступая к переводу при помощи этого словаря. Во-вторых, словообразование довольно часто не описывается в грамматическом очерке при словаре (ср. D. C. Swanson, 1962, 66 и 73—74), так что информацию о нем читатель получает индуктивным путем — анализируя сведения, полученные о данном языке в результате чтения и т. п. В-третьих, даже в тех случаях, когда в грамматическом очерке при словаре имеется раздел, посвященный словообразованию, читателю обычно сообщаются только сведения о значении того или иного словообразовательного средства, а не его перевод, эквивалент в выходном языке.

Проиллюстрируем это примером. В «Голл.-р. сл.», 1958 не приводятся «многие существительные, производные от глаголов и прилагательных, оканчивающиеся на суффиксы *-heid* и *-ing*» (6). Предположим, что русский читатель, не имеющий предварительных знаний по голландскому словообразованию, встречается в тексте слово *scheefheid*. Когда он найдет значение первого элемента *scheef* 'косой, наклонный, кривой' и т. д., он должен догадаться, что *-heid* — суффикс существительного со значением качества или состояния. Предположим далее, что сообщительность нашего читателя ниже того уровня, на который рассчитывал составитель словаря. Читатель обращается к грам-

матическому очерку и на стр. 1078 словаря находит следующие сведения: «-heid, -te, -de, -teit, -dom, -schar — образуют абстрактные существительные от прилагательных и существительных, обозначая преимущественно качество или состояние, напр.: de vrijheid — свобода, de hoogte — высота, de liefde — любовь, de flauwiteit — пошлость, de rijkdom — богатство, de vriendschap — дружба». На основании этой информации читатель сам должен выбрать подходящий суффикс. При этом окажется, что русское прилагательное *косой* вообще не образует литературного абстрактного существительного,¹ прилагательное *наклонный* образует абстрактное существительное с помощью одного из имеющихся в примерах суффиксов *-ость*, а прилагательное *кривой* образует существительное *кривизна*, имеющее суффикс, не фигурирующий ни в одном из примеров. Этот словарь рассчитан только на русского потребителя, что оговаривается в предисловии; легко увидеть, что для голландца в данном случае правильный перевод слова *scheefheid* на русский язык при помощи словаря был бы невозможен.

Исходя из вышеизложенного, а также из общих соображений о задачах двуязычного словаря, представляется необходимым последовательно включать в словник в качестве самостоятельных вокабул также и словообразовательные элементы, являющиеся продуктивными в современном языке. В принципе это предложение не ново,² однако на практике его последовательное осуществление нам не встречалось. В идеале словообразование должно быть освещено и в грамматическом очерке и в корпусе словаря (D. S. Swanson, 1962, 74). На деле же сведений по словообразованию часто нет ни в очерке, ни в корпусе. Нередко словообразование более или менее подробно рассматривается в грамматическом очерке, а в корпусе словаря даются только отдельные моменты. Таким образом, способов размещения сведений по словообразованию много, но ни один из них не может быть признан строго логичным. Приведем примеры. В «Нем.-р. сл.», 1958 нет отдельных статей, посвященных суффиксам (например, -heit, -lich, -schaft, -tum и т. д., и даже отсутствуют -chen и -lein), но в корпус включены глагольные приставки (ab-, an-, auf-, aus-, be- и т. д.); грамматический очерк при словаре отсутствует. В «Голл.-р. сл.», 1958 в грамматическом очерке описаны суффиксы и префиксы существительных и прилагательных и кратко сказано о производных глаголах (с окончанием -en) и упомянут глагольный суффикс -er(en); глагольные приставки (aan-, bij-, mee-, toe-, ver- и

¹ В. И. Даль дает, правда, четыре таких существительных: *косость*, *косота*, *косина*, *кось*, но «Орфографический словарь» (1967) не регистрирует ни одного из них; «Ак. сл.», т. V, 1515; 1496 дает: *косость* (без пометы) и *косина* (прост.).

² Ср., например: И. А. Бодуэн де Куртене, 1963, 142; Н. И. Фельдман, 1957 6, 73; М. R. Naas, 1962, 45; В. Kelemen, 1957, 237 (только о префиксах).

т. д.) помещены в корпус отдельными статьями, т. е. информация по словообразованию частично помещена в корпусе словаря, частично в грамматическом очерке. В «Каб.-р. сл.», 1957 богатейший словообразовательный инвентарь кабардинского языка описан в разных местах грамматического очерка — по частям речи, при этом алфавитный порядок при перечислении суффиксов и префиксов не соблюден, а продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные аффиксы даны вперемешку. В большинстве случаев приведены только примеры, определения значения не дается, так что читатель сам должен вывести его из иллюстративного материала. Глагольные приставки, однако, даны в словаре дважды: и в корпусе словаря, и в грамматическом очерке, причем в последнем случае 31 приставка (без учета вариантов) дана опять-таки без соблюдения алфавитного порядка. Отметим, что освещение материала в корпусе и очерке не унифицировано; ср., например, трактовку приставки *флэ-* (*флы-*)³ в корпусе (368—369) и в очерке (в двух разных местах 535 и 538!), приставки *пэ-* (287, 537) и др.; в очерке дан префикс *зыпыры-* и отсутствует *пыры-*, в корпусе имеется статья *пыры-* и нет статьи *зыпыры-* и т. п. На примере «Каб.-р. сл.», 1957 особенно отчетливо видно, к каким неудобствам может приводить отсутствие словообразовательных показателей в корпусе словаря: поиск значения какого-либо аффикса (а кабардинский язык насчитывает их несколько десятков) превращается в составленном таким образом грамматическом очерке в крайне трудоемкое предприятие. Например, для установления значения слова *сымаджэрилэ*, отсутствующего в словаре, надо найти в очерке значение суффикса *-рилэ*, для чего приходится в разных местах просмотреть около 40 суффиксов, значение этого суффикса не описано и из примеров, в общем, не вполне ясно. Приблизительно такое же положение и в «Абаз.-р. сл.», 1967. В «Исл.-р. сл.», 1962 словник включает ряд суффиксов (*-laus*, *-skapur* и др.), но многие отсутствуют (*-legur*, *-dómur*, *-un*, *-ing* и др.); наиболее употребительные префиксы (*á-*, *að-*, *af-*, *aftur-* и др.) не включены в корпус отдельными статьями. При этом следует иметь в виду, что в грамматическом очерке при словаре словообразование не описано, а этот очерк — единственное пока описание исландской грамматики, имеющееся на русском языке.

Включение в двуязычный словарь в качестве отдельных вокабул разнообразных продуктивных словообразовательных аффиксов (префиксов, суффиксов, а для некоторых языков и инфиксов) имело бы положительное значение не только для успешного анализа производных форм. Наличие такой информации в удобном для извлечения месте, каким является алфа-

³ Как типичную для многих словарей небрежность отметим, что под приставкой *флэ-* в корпусе указан вариант *флы-*, но на своем алфавитном месте *флы-* отсутствует. Ср. пример *ем* (ешь...) на стр. 33.

витный словарь по сравнению с очерком словообразования данного языка, неизбежно строящегося по иному принципу, было бы незаменимым для перевода, в частности, окказиональных образований, характерных как для разговорной речи (ср.: Л. В. Щерба, 1957, 116), так и для индивидуального языка писателя (нарах eigeменон). Существенно, что во многих языках (немецком, японском) окказиональные слова имеют широкое распространение и стилистически однородны со словами «постоянного» словарного состава (Н. И. Фельдман, 1957б, 68). Можно предполагать, что подобное расширение словника не должно — поскольку учитываются только продуктивные аффиксы — привести к сколько-нибудь существенному увеличению объема словаря.

При этом весьма полезным было бы не только раскрытие значения того или иного аффикса, но и приведение его эквивалентов в выходном языке. Эквиваленты целесообразно располагать по их употребительности, начиная, естественно, с наиболее частого. Таким образом, индуктивный метод нахождения нужного форманта, пока единственно возможный в данной области для пользующихся словарем, будет дополнен дедуктивным, и читатель получит нужные ему сведения в эксплицитном виде.

Практически установление иерархии переводящих эквивалентов может осуществляться следующим образом: рассматривается значительная группа слов входного языка с данным аффиксом и их эквиваленты в выходном языке и устанавливается, какие словообразовательные форманты эквивалентов выходного языка соответствуют данным аффиксам (если, конечно, такое соответствие вообще имеет место). Затем они располагаются по убывающей частотности. Например, рассматриваются соответствия русскому суффиксу *-ость* в норвежском языке. В результате анализа большого числа русско-норвежских пар устанавливается, что наиболее употребительным норвежским суффиксом, соответствующим русскому *-ость*, является *-het* (*усталость* — *trettthet*, *плотность* — *tettthet*, *легкость* — *letthet*, *неизбежность* — *uunngælighet* и т. д.). Далее следуют суффиксы *-tet* (для норвежских прилагательных на *-iv*, *-al*: *пассивность* — *passivitet*, *относительность* — *relativitet*, *эффективность* — *effektivitet*, *банальность* — *banalitet*, *реальность* — *realitet*), *-skap* (*верность* — *troskap*, *беременность* — *svangerskap*, *леность* — *dovenskap*), *-ans* (*релевантность* — *relevans*), *-dom* (*люность* — *ungdom*), *-anse* (*компетентность* — *kompetanse*) и др.⁴ Разумеется, точное установление иерархии таких суффиксов-эквивалентов по их частотности требует обсле-

⁴ Вопрос о многозначности как самого суффикса *-ость*, так и слов, приводимых в качестве примеров, для простоты изложения оставим в стороне, поскольку в данной связи он принципиально ничего не меняет. О стилистическом значении этого суффикса см.: Л. С. Ковтун, 1966, 9.

дования огромного материала, являясь по сути дела задачей специального исследования, непосильного составителю словаря. Мы сознательно оставляем при этом в стороне вопрос о «лексической супплетивности» — явлении, когда сложным или производным образованиям одного языка (или нескольких языков) в другом языке соответствуют либо сложные и производные слова с иной внутренней формой, либо простые слова.⁵ Однако даже сравнительно беглый анализ нескольких десятков эквивалентов позволит установить наиболее употребительный эквивалент или наиболее употребительные эквиваленты.

⁵ В данном случае, например, пара: *старость* — *alderdom* (при *старый* — *gamtel*).

§ 5. СЛОВНИК ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ И НОРМА

Решение вопроса о целесообразности включения в словник переводного словаря просторечной лексики, слэнга, вульгаризмов, аргю и прочего ненормативного лексического материала зависит от принципиальных установок словаря. Установка на отражение наиболее употребительного в языке и установка на отражение нормы в языке, естественно, не всегда несовместимы. Когда составитель словаря стремится к тому, чтобы словник включал в себя слова, обладающие достаточно высокой употребительностью, он, если будет отбирать лексику объективно, должен будет включить известное число вокабул и форм, выходящих за границы литературной речи, поскольку независимо от желания лингвистов многие просторечные и вульгарные слова широко употребительны в языке и безусловно понятны всем его носителям.

Характерно, что нормативная установка двуязычного словаря — явление сравнительно новое. Старые переводные словари обычно включали в свои словники большое число ненормативной лексики, в том числе просторечие и вульгаризмы. Именно поэтому, отмечает Б. Кемада (B. Quemada, 1960, 67—78), старинные двуязычные словари дают, в частности, много интересного материала для лексиколога, поскольку они точнее и полнее отражают словоупотребление периода их написания, например: ряд французских слов, впервые в толковых словарях зарегистрированных в словаре Cotgrave'a (1611), имеется в «Vocabulaire flamand-français, redigé per Noël de Berlaimont» (1536).

Само понятие нормы в языке в значительной степени субъективно. Как справедливо формулирует Б. Эвенз, «there is no standard for standard» (B. Evans, s. a., 181). Об этом свидетельствуют и нередкие факты снабжения одного и того же сло-

ва одного и того же языка разными стилистическими пометами в разных словарях и, что в сущности то же самое, разная оценка говорящими на данном языке стилистической характеристики слова.¹ Важнейшими признаками нормы считаются: 1) употребление данных языковых фактов писателями прошлого и длительность их существования; 2) соответствие языковых фактов закономерностям и тенденциям языка, т. е., попросту говоря, наличие в языке аналогичных явлений; 3) распространенность (Е. Ф. Петрищева, 1967, 35).² Отмечалось, что каждый из этих признаков в отдельности не является «безотказным» и что объективный критерий разграничения нормативного и ненормативного создается применением их всех вместе (т. е. так, чтобы они дополняли друг друга), а это противоречит правилу деления объема понятий, согласно которому это деление должно производиться по одному и тому же основанию (там же, 35—36). Действительно, нетрудно доказать, что любой из этих трех основных признаков, взятый в отдельности, не является надежным.

У авторитетных писателей прошлого, помимо форм устаревших, встречаются и сознательные отклонения от нормы, и неудачные новообразования, и прямые ошибки.³ Так, например, у известной норвежской писательницы Амалии Скрам (1847—1905) наблюдается (в авторской речи, а не только в репликах персонажей) употребление сильного претерита *hang* от переходного глагола *henge* 'вешать' вместо нормативной формы *hengte* (непереходный глагол *henge* 'висеть' имеет форму претерита *hang*), однако в нормативных пособиях употребление формы *hang* вместо *hengte* не рекомендуется (J. Sverdrup og M. Sandvei, 1961, 155; O. Næs, 1952, 159; H. Tetlie, 1959, 346 и др.).⁴

Что касается второго критерия — соответствия факта внутренним закономерностям языка, то успешности практического использования его препятствует несколько моментов.

Во-первых, многие лингвисты понимают неправомочность

¹ Много интересных примеров таких противоречивых оценок (для русского языка) приводят В. Г. Костомаров и Б. С. Шварцкопф (1966, 23—36). Представляется справедливой мысль авторов, что «обычно речь человека, владеющего нормами литературного языка (а следовательно, и его оценка), нормативна в основном, но только в основном» (36). Ср. также: J. Scharnhorst, 1968, 235—239.

² В. А. Ицкович (1968, 28—46) выделяет следующие критерии нормы:

1) соответствие модели, 2) употребительность, 3) необходимость.

³ Ср.: «...авторов, вовсе не отступающих от нормы, конечно, не существует — они были бы невыносимо скучны» (Л. В. Щерба, цит. по: В. А. Ицкович, 1968, 88). Любопытно, что когда писатель — крупный стилист пишет на иностранном языке, то, как бы он ни владел этим языком, стиль его произведений однообразнее и отступлений от нормы меньше (А. В. Федоров, 1966, 462—470).

⁴ Впрочем, *hang* в значении 'вешал, повесил' отмечено также и у Ибсена и Ю. Ли (A. Western, 1921, 317); ср. стр. 57.

абсолютизации нормы, возможность различного оформления аналогичных образований (В. В. Веселитский, 1965, 80; Е. Ф. Петрищева, 1967, 35).

Во-вторых, решить вопрос о том, соответствует ли данное явление продуктивным моделям языка, можно в ряде случаев только на основании специального исследования; а такие исследования имеются далеко не по всем спорным проблемам.

В-третьих, само понятие продуктивной модели динамично, и очевидно, что с развитием языка происходят и изменения в инвентаре его продуктивных моделей. Характерно, что в таких случаях исследователи, констатируя в языке наличие какой-либо новой тенденции, склонны иногда предсказывать ее будущее, руководствуясь качественными критериями. Так, например, отмечая определенную распространенность деепричастного оборота при отглагольном существительном в современном русском языке (типа *проникновение в крепость, минувя мосты*), В. А. Ицкович (1968, 69) полагает, что «эта тенденция, по-видимому, останется за пределами литературной нормы, так как приводит к появлению у деепричастного оборота двойной связи: с отглагольным существительным (в данном случае, по замыслу пишущего, необходимая связь) и с глаголом (обусловленная системой языка, но в данном случае — „паразитная” связь, неизбежно создающая помехи)».

В-четвертых, известная нечеткость самого этого критерия, усугубляемая туманностью формулировок вроде «языковая норма, есть прежде всего явление типическое, т. е. соответствующее сущности данного социально-исторического явления (sic! — В. Б.), а не просто наиболее распространенное, часто повторяющееся, обыденное» (С. И. Ожегов, 1955, 14).

Наконец, в-пятых, и это особенно важно для лексикографии, критерий соответствия языкового факта внутренним закономерностям языка приложим только к моментам фонетическим и грамматическим (в том числе и словообразовательным) и, в силу своей крайней неопределенности по отношению к моментам лексическим, фактически не может быть использован в решении вопроса о соответствии той или иной лексической единицы (например, слова вообще или определенного значения слова) литературной норме. Так, нелитературность формы *шоферá* доказывают ссылкой на то, что она образована не от литературной формы *шофёр* (*шофёр*) (мн. ч. м. р. на -á не образуется от существительных с ударением на последнем слоге в им. п. ед. ч.), а от нелитературной формы *шóфeр*⁵ (В. А. Ицкович,

⁵ Отметим, что нелитературность формы *шóфeр* доказывается только ссылкой на ударение в ряде заимствованных из французского существительных на -еиг (*фланёр, бреттёр, сутенёр, фантазёр, режиссёр*); ср., однако: *глыссер* (фр. *glisseur*), *туёр* (фр. *toueur*) и широкораспространенное (фактически обычно слышимое), но, по данным «Орфографического словаря» (1967), нелитературное *плáнер*. Ср. далее: *крóнверк* и *кронштéйн*, *мотóр* и *рóтор*, *рóстбиф* (но у Пушкина *ростбѣф*) и *бифштéкс* и т. д.

1968, 45). Однако вряд ли можно доказать ссылками на какие-либо общие закономерности русского языка нелитературность употребления слова *кино* в значении 'фильм' (*вчера я смотрела интересное кино*) или выражения *интересное кино* в значении 'странное дело, ну и история'.⁶

Несоответствие какой-либо лексической единицы литературной норме в лексикографической практике принято отмечать особыми запретительными пометами. В наших словарях фактически применимы четыре степени «осуждения»: помета *прост.* (=просторечное), помета *груб.* (=грубое), помета *вульг.* (=вульгарное) и пропуск слова или словосочетания (либо неучет какого-либо значения «допустимого» слова). Расхождения в оценках ненормативного характера отдельных лексических единиц от словаря к словарю порой значительны. Например, в «Мал. Ак. сл.» слово *барахло* имеет общую помету *прост.*, а в значении 'дрянной человек' также *бран.* Словарь Ушакова для значения 'подержанные старые вещи' указывает *прост.*, для значения 'хлам' — *разг. вульг.* (sic! — В. Б.), «о дрянном негодном человеке» — *бран. вульг.* «Р.-англ. сл.», 1961 дает общую помету *разг.* для всех значений, равно как и «Р.-нем. сл.», 1965. В развернутой рецензии на «Руско-български речник» С. Чукалова (София, 1951) И. И. Лавров среди слов, о которых он пишет, что они «оскорбительны для русского уха, поражает сам факт помещения их» (1952, 225), приводит *барахло*.⁷ Ср. также Ф. Г. Филин, 1963, 185; Ф. П. Сороколетов, 1966, 144; В. А. Звегинцев, 1968, 142.

Третий критерий — распространенность явления — также не может быть, по мнению многих языковедов, решающим. Ср., например, утверждение: «сама по себе распространенность в речи еще не является показателем нормативности явления» (В. А. Ицкович, 1968—42). Характерно, что, даже исследуя норму статистически, лингвисты считают необходимым отмежеваться от «примитивного представления о норме как о статистическом среднем» (например, Л. К. Граудина, 1966, 75). Е. Ф. Петрищева, 1967, 37 отмечает, что возражения «против принципа распространенности не подкрепляются никакими объективными данными» и что «нет никаких оснований считать оценку, исходящую от единиц, как бы авторитетны они ни были, истинной, а оценку коллективную — ошибочной» (38).

⁶ Морфолого-этимологическая классификация русских просторечных слов имеется в работе: Л. А. Коробчинская, 1966, 58—64. Однако это классификация уже выделенных просторечных слов, т. е. в работе не указаны критерии, по которым слово определяется как просторечное.

⁷ Слух проф. И. И. Лаврова был оскорблен также словами *матерщина*, *материться*, *шпана*, *трепач*, *мура* и *обормот*. Ср. также (в рецензии на «Р.-рум. сл.», 1967): «Вряд ли необходимо для румын, т. е. иностранцев, знакомство с такими просторечными словами, как *материться* и *мурло* и им подобным» (Н. Катогощина и В. Соловьев, 1969, 374).

В результате действия всех этих факторов официальной нормой в языке чаще всего оказывается система правил словоупотребления, характерная для лиц, создающих нормативные пособия.⁸

Такая субъективность в понимании языковой нормы, естественно, находит свое отражение в лексикографической практике, в особенности потому, что один из важнейших критериев нормы — соответствие тенденциям развития языка (А. А. Леонтьев, 1967, 12—13), как уже говорилось выше, не может быть эффективно применен к единицам лексики. В принципе составитель толкового словаря должен фиксировать и определять все то, что действительно употребительно в языке, поскольку он, по удачному выражению Б. Эвенза, «is not compiling a volume of his own prejudices» (B. Evans, s. a., 180).⁹ Однако толковые словари в значительной своей массе относятся к фактам языка, которые квалифицируются составителями этих словарей как лежащие за рамками нормы, недостаточно внимательно или вовсе игнорируют их. Сказанное относится в первую очередь к единицам лексики, но также и к явлениям фонетическим и грамматическим. До некоторой степени это объясняется еще и тем, что до недавнего времени основным объектом лексикографии была письменная речь, если и отражающая устную, то в препарированном виде.¹⁰

Словники двуязычных словарей обычно повторяют — с небольшими модификациями — словники толковых словарей. Вследствие этого ненормативная лексика (вернее, лексика, представляющаяся составителям толкового словаря ненормативной) оказывается в основном невключенной в переводной словарь. Однако ущерб, наносимый потребителю словаря отсутствием в нем просторечия и вульгаризмов, неодинаков в случае одноязычного и в случае двуязычного словаря.

⁸ Ср. резкую, но справедливую формулировку: «Правильным, соответствующим норме признается то, что не режет слуха нормализатора; то же, что его языковое чутье отвергает, объявляется ненормативным, как бы ни был авторитетен и почитаем писатель-классик, как бы ни был велик «стаж» явления и т. п. Убеждение нормализаторов, что нормы «добываются» из произведений писателей прошлого, что они строятся на закономерности и целесообразности тех или иных фактов или на их распространенности, таким образом, — не больше, чем иллюзия; нормы «добываются» из языкового сознания лингвистов, а ссылки на классиков и т. п. служат лишь для придания их утверждениям веса, убедительности» (Е. Ф. Петрищева, 1967, 36).

⁹ Ср.: «Dictionary or index expurgatorius» — название главы в книге: N. E. Osselton. Branded words in English dictionaries before Johnson. Gronningen, 1958 (цит. по: N. E. Enquist, 1960, 348).

¹⁰ Л. П. Ступин, 1966, 144—146. — В работе приводится несколько примеров употребительных русских и английских разговорных форм, не учтенных толковыми словарями. Автор, однако, вряд ли прав, считая одной из существенных причин такого положения вещей недостаточные технические возможности фиксации устной речи: он сам упоминает словарь В. И. Даля. Ср. также изложенные выше наблюдения Б. Кемады относительно переводных словарей XVI века, широко включавших разговорную лексику.

Толковый словарь, с одной стороны, призван быть справочным пособием для читателя, позволяющим определять (правильное) значение тех или иных слов и словосочетаний, с другой—быть научным описанием лексики данного языка, фиксировать и определять все лексические единицы языка с их значениями.¹¹ Очень часто толковые словари являются одновременно нормативным описанием лексики: пометы кодифицируют стилистическую употребительность слов, а пропуск слова или значения слова имеет значимый характер. Впрочем, последняя задача для толковых словарей необязательна.

Отсутствие в толковом словаре ненормативной лексики, являющееся, на наш взгляд, принципиально неправильным решением в случаях, когда словарь ставит перед собой задачу научного описания словоупотребления данного языка в данный период, в общем мало снижает ценность толкового словаря как справочного пособия. Обращение к словарю для выяснения значения того или иного слова, лежащего за пределами литературной нормы, — случай, на практике встречаемый сравнительно редко, поскольку такая лексика, как показывает опыт, в общем хорошо известна и понятна членам данного языкового коллектива, независимо от их социального положения.

Иное положение с двуязычным словарем. Ущерб, наносимый потребителю такого словаря отсутствием в нем наиболее употребительной просторечной лексики, значительно больше, чем ущерб, наносимый отсутствием такой лексики в толковом словаре.

Во-первых, назначение двуязычного словаря не ограничивается целью быть пособием для перевода только письменных текстов. Уже один тот факт, что не составляются словари, предназначенные специально для перевода устной речи, свидетельствует о том, что эта задача возлагается на обычные двуязычные словари. Являясь, таким образом, также справочным пособием для перевода устной речи со всеми ее особенностями, переводной словарь должен учитывать специфику устных текстов, в частности в общем заметный удельный вес в них ненормативных языковых фактов. Исключение просторечной и вульгарной лексики из словника двуязычного словаря по существу означает, что составитель словаря заранее определяет тот круг текстов, которые изучающий данный язык должен понимать, и тот круг текстов, понимание которых для него необязательно. Между тем нетрудно представить себе немало ситуаций, когда потребность узнать значение того или иного слова или словосочетания, находящегося за пределами литературной нормы, будет вполне оправданной. Характерно при этом, что такая ограниченность компетенции словаря в отношении речевых ситуаций, с которыми может столкнуться читающий на данном ино-

¹¹ О принципиальной возможности решения обеих этих задач в одном словаре см.: В. П. Берков, 1963, 82—87.

странном языке, в словарях никогда, насколько нам известно, в явной форме не оговаривается. В пользу невключения ненормативной лексики в двуязычный словарь иногда выдвигается то соображение, что «широкоупотребительные и просторечные слова и обороты, живые факты языка, выходящие нередко за пределы нормы, включая сюда и разного рода вульгаризмы, усваиваются обычно из непосредственного бытового общения, между тем как двуязычные словари как раз должны выправить происходящее на этой почве снижение языка и ввести читателя в русло литературной нормы на широкой культурной основе» (Е. С. Истрина, 1944, 82). Довод этот, однако, не представляется убедительным. Сказанное Е. С. Истриной относится только к тем изучающим иностранный язык лицам, которые живут в среде, где говорят на изучаемом языке, а это ситуация отнюдь не самая распространенная. Но даже и для такой ситуации мы никогда не составляем словарь по принципу невключения в словник какого-либо слова или словосочетания на том основании, что предполагаем данное слово или словосочетание известным любому возможному потребителю словаря. Кроме того, как показывает опыт, весьма нередки случаи, когда говорящий на иностранном языке, усвоив из устного общения какие-либо нелитературные слова, неумело пользуется ими, поскольку не знает точно сферы их стилистического применения, в частности не понимает, что употребляет не просто слово из разговорной речи, а грубейший вульгаризм. Вряд ли следует рассматривать всерьез и тот аргумент, что знание такой ненормативной лексики испортит речь изучающего язык и что посему лучше его оградить от этой опасности, не давая ему подобной информации.¹² Словарь, безусловно, должен предостерегать читателя от возможных неправильностей — как грамматических, так и прочих, — характерных для ненормативного словоупотребления, должен сигнализировать о стилистическом характере слова (ср. М. R. Naas, 1962, 45), но словарь должен предоставить на усмотрение изучающего язык вопрос о том, следует ли ему употребить это слово или нет.

¹² В этой связи уместно привести высказывание И. А. Бодуэна де Куртенэ (1963, 143): «Неприличия исследователь языка не знает, и все слова для него одинаково приличны. Никакой кастрации и ханжества! Слова *бог*, *генерал* и т. п. так же хороши, как, например, *жопа* и т. п. В этом отношении не следует брать пример ни с Даля, ни с Макарова, которые вследствие какой-то нелепой, монашеской или евнуховской, скромности выбросили некоторые очень важные и интересные слова, о значении которых, в случае их исключения из нашего Словаря (речь идет о предполагавшемся русско-польском словаре. — В. Б.), польский читатель должен был бы судить по собственному разумению, частным порядком. Линде, например, был гораздо более объективным и просто более разумным». Ср. подход к ненормативной лексике авторов толкового словаря венгерского языка A Magyar Nyelv Ertelmező Szótára, 1949—1962 (см.: Л. Орсаг, 1962, 136) и Большого оксфордского словаря (см.: Л. С. Бурдин, 1969, 9). Ср. также: М. R. Naas, 1962, 50 (о датско-английских словарях).

Во-вторых, хотя, как уже отмечалось выше, для письменных текстов менее характерно употребление ненормативной лексики (в особенности вульгаризмов), чем для устной речи, все же нельзя не считаться с тем, что такая лексика тем не менее в письменных текстах встречается,¹³ а в отдельных художественных произведениях представлена даже довольно широко.

Например, в речевых характеристиках персонажей в норвежской художественной литературе очень часто встречается форма *Dege* 'вы' (в обращении к одному лицу) вместо литературного *De* (при литературном *dege* — только в обращении к нескольким лицам). Форма *Dege* единодушно осуждается (например, NRO, I, 633 дает помету *folk, vulg. (прост., вульг.¹⁴)*; ср. также: A. Western, 1921, 435; G. Coward, 1958, 93), и изучающий норвежский язык безусловно должен быть предупрежден о недопустимости ее употребления; это так и сделано в «N.-eng. ordb.», 1965, 98: «...2. *pop. (used erroneously in sg as „polite” address, instead of De)*». Отсутствие этого значения в «Норв.-р. сл.», 1963, 170 в статье *dege* представляется ошибочным: словарь объемом 140 авторских листов, предназначенный для чтения художественной литературы (см. Предисловие, 7) и по этой причине содержащий значительное количество диалектизмов, несомненно должен включать в себя и подобные просторечные формы.

Другой пример. В просторечии восточных областей Норвегии употребительна форма *vems(es)* 'чей' — р. п. от *hvet*, используемая вместо книжной формы *hvis* (характерно при этом, что нейтральная форма в языке отсутствует). В литературном языке эта форма считается недопустимой (B. Verulfsen, 1967, 115), но, естественно, встречается в передаче просторечия в художественных текстах. Словарями она обычно не регистрируется. Вообще в норвежской художественной литературе в диалогической речи широко используются просторечные формы, нередко это имеет место и в переводных произведениях, где переводчик передает просторечие языка оригинала норвежским просторечием, обычно ослоским (так, в частности, как правило,

¹³ Ряд интересных примеров употребления ненормативной лексики, в частности у русских классиков, приводит К. Косцинский (1968, 181—191).

¹⁴ В этой связи следует отметить, что термины «вульгарный», «вульгаризм» в лингвистической литературе употребляются в двух различных значениях. С одной стороны, термин «вульгаризм» применяется по отношению к слову или выражению, свойственному фамильярной или грубой речи. [Например], *русск.* жрать, дрыхнуть, стибрить...» (О. С. Ахманова, 1966, 92), с другой — по отношению к особенно неправильным просторечным формам, как, например, в данном примере: для норвежца, употребляющего *Dege* вместо *De*, это отнюдь не фамильярная, а, напротив, «вежливая» форма. (В настоящей работе вульгаризмами называются в первую очередь грубые, «неприличные» слова.)

передается sockney).¹⁵ Вот, например, далеко не полный перечень просторечных слов, использованных в одном переводе с английского: 'a(=hun; da), 'n(=ham; han; den), vârs (=oss), dem (=de), âssen (=hvordan), â (=hva; hvor), âffer (=hvorfor), aforslags (=hva slags; hva for noen), ha'kke (=har ikke), ække (=er ikke), vakke (=var ikke), vinni (=vunnet), finni (=funnet), drekki (=drukket), stælte (=stjal), ner (=ned), spelle (=spille), stokker (=stykker), høl (=hull), hue (=hode), hvis om at(te) (=hvis) и т. д.

Есть еще один разряд лексики, а именно так называемые вульгаризмы, неприличные слова, появление которых в художественных текстах не является нереальным. Разумеется, отличия в этом вопросе велики от языка к языку — в некоторых литературных языках в письменном тексте недопустим даже намек на них в виде многоточия, в других встречается первая буква слова с многоточием,¹⁶ в третьих, наконец, возможно приведение всего вульгаризма полностью. Например, в норвежской художественной литературе «грубые» слова встречаются гораздо чаще, чем в русской, причем, если по-русски возможно, как крайний случай, только приведение первой буквы с многоточием, то по-норвежски слово приводится полностью (ср., например, романы A. Jensen. Line и A. Mykle. Sangen om den røde rubin). В одном из наиболее известных в нашей стране немецких антифашистских романов (W. Bredel. Die Prüfung) в репликах имеется ряд вульгаризмов, отсутствующих в наших самых полных немецко-русских словарях.

Даже приведенных примеров, думается, достаточно для аргументации той простой мысли, что человек, изучающий иностранный язык, должен иметь источник информации о различных ненормативных формах — как лексических, так и иных. Независимо от того, одобряем мы или нет употребление, например, русского слова *кино* в значении 'кинофильм', формы *жалюзи* 'деталь автомобиля' вместо *жалюзи́*,¹⁷ употребление ругательств, форм типа *вовнутрь* (ср.: Правильность русской речи, 1962, 29—30) и т. п., — все это факты живого русского языка, и изучающий этот язык должен иметь о них информацию, хотя, повторяем, и должен быть предупрежден об их особом стилистическом характере. Если составитель нормативного словаря может игнорировать какое-либо неправильное (с его точки зрения) языковое явление, полагая, что «распространенной и часто повторяющейся в языке может быть, как известно

¹⁵ Удачно использовано ослоское просторечие в норвежских переводах «Пигмалиона» Б. Шоу на «новонорвежский» Х. Хирана и на «риксмол» А. Бьерке. Во французских переводах sockney большей частью передается при помощи Parigot (J. C. Catford, 1965, 87).

¹⁶ По-видимому, букву с многоточием можно рассматривать как знак слова и вводить в словарь в качестве отдельной вокабулы.

¹⁷ По-видимому, это единственная употребительная форма в среде автомобилистов.

(? — В. Б.), и ошибка» (С. И. Ожегов, 1955, 75), то для составителя двуязычного словаря важно отразить в первую очередь «распространенное и часто повторяющееся», даже если оно и признается многими, в том числе и составителем данного двуязычного словаря, ошибкой, поскольку изучающий язык более всего сталкивается именно с «распространенным и часто повторяющимся». Кроме того, как мы старались показать выше, понимание нормы зачастую субъективно,¹⁸ и широко распространенная ошибка часто становится нормой. Так, упомянутая норвежская форма *hang* 'повесил' вместо *hengte* и аналогичная форма *brant* 'сжег' вместо *brente* получили настолько широкое распространение, что нельзя не согласиться с Г. Ковардом, утверждающим, что «у *henge* и *brenne* смешение форм представляется особенно обычным, и трудно сказать, как долго будет иметь смысл сохранять строгие правила» (G. Soward, 1958, 41). Норвежское словосочетание *høres ut* 'слышаться' (употребляемое в том же значении, что и *høres* 'слышаться' с приглагольной частицей *ut*, возникшей здесь под влиянием словосочетания *se ut* 'выглядеть') еще в 1937 г. (в NRO, I, 2033) имело помету *fam.* (разговорное), но уже в «N.-eng. ordh.» (1965, 189) приведено без всякой пометы.

Многие лексикографы понимают, что включение в словник только нормативной лексики снижает ценность словаря. Б. Хавранек справедливо отмечал, что «нормативность двуязычного словаря может быть только частичной, она касается лишь того языка, на который мы переводим» (Z diskusie, 1953, 50). Составители многих двуязычных словарей широко вводят ненормативную лексику в словник. В качестве примеров можно привести «Р.-ян. сл.» С. Ясуги,¹⁹ «Исл.-р. сл.», 1962 и др. Игнорирование ненормативной лексики, мотивированное, как правило, эстетическими соображениями, является следствием необъективного подхода к языковой действительности (ср.: Л. Орсаг, 1962, 136).

Осуществлению установки на включение в словник широкоупотребительной ненормативной лексики может, однако, препятствовать одна практическая трудность. В основу словника двуязычного словаря большей частью кладутся словники толковых словарей входного языка, а поскольку эти толковые сло-

¹⁸ Ср.: «Просторечие — сложная стилистическая категория лексики, с неясненными окончательно признаками, с неустановленными границами и неопределенным еще местом в системе общенародного языка» (Ф. П. Сороколетов, 1966, 141).

¹⁹ Например, стр. 47, 56, 212, 295, 313, 785, 1322, 1340 и др. Справедливости ради надо признать, что в этом отношении в словаре есть нелогичные с точки зрения общей установки пропуски. (Попутно отметим, что в этом словаре есть большое количество совершенно загадочных — по крайней мере для нас — русских слов, по-видимому, диалектизмов, экзотизмов и т. п. О составителе этого словаря см.: А. А. Бабинцев и Е. М. Пинус, 1969, 182—184).

вари обычно нормативны, то составитель фактически вынужден сам составлять словник наиболее употребительной ненормативной лексики для пополнения ею «нормативного» словника. Не имея обычно в своем распоряжении картотеки, руководствуясь только своей интуицией и памятью, составитель двуязычного словаря, естественно, не гарантирован ни от возможных ошибок, ни от пропусков.

Таким образом, при составлении словника двуязычного словаря лексикограф сталкивается с рядом сложностей, объясняемых как известной расплывчатостью и широтой понятия нормы,²⁰ так и недостаточным вниманием одноязычной лексикографии к ненормативному словоупотреблению и т. д. Даже когда в языке существует единый литературный стандарт и официально зарегистрированная норма, признаваемые членами языкового коллектива обязательными для всех, как это, например, имеет место в русском языке, составителю словника двуязычного словаря приходится преодолевать немало трудностей.

В тех же случаях, когда лексикограф описывает языки, для которых такой официальный единый стандарт, имеющий для всех обязательный характер, еще не выработан, комплекс проблем, подлежащих решению, резко увеличивается. Это может быть наглядно проиллюстрировано на примере современного норвежского языка.

Как известно, в настоящее время в Норвегии существуют две официально равноправные формы (нормы) литературного языка (иногда называемые также двумя языками)²¹ — букмол, или риксмол (bokmål, riksmål), и так называемый «новонорвежский», или ланнсмол (nynorsk, landsmål). В данной связи будет достаточно остановиться на одной из форм норвежского литературного языка, а именно на риксмоле, поскольку на нем в последнее время публикуется около 90% всей печатной продукции (Е. Науген, s/a, 270—271; М. И. Стеблин-Каменский, 1968, 52).

Официальная норма риксмолы зафиксирована в правилах орфографической реформы 1938 г. с модификациями «нормы для учебников» 1959 г. Она отражена в официальном орфографическом словаре (J. Sverdrup og M. Sandvei, 1961). Но эта официальная норма фактически соблюдается только в очень небольшом проценте всех печатных изданий Норвегии (в пер-

²⁰ Ср.: «Очень часто норма допускает оба способа выражения, считая оба правильными» (Л. В. Щерба, 1957, 65).

²¹ Различие между языком и диалектом, между двумя языками и двумя формами одного языка и т. д. определяется социальным статусом данных средств речевого общения. В настоящей связи нет возможности углубляться в этот важный и сложный вопрос. Однако для понимания дальнейшего необходимо знать, что фактические различия (в написании, морфологии и словарном составе) между этими двумя нормами норвежского языка больше, нежели между одной из них (риксмолем) и датским.

вую очередь в школьных учебниках); так, например, ни одна норвежская газета не соблюдает ее. В основной массе издаваемых книг, газет, журналов полностью игнорируются правила этой официальной орфографической реформы, задачей которой было сближение риксмол и «новонорвежского», в частности путем превращения ряда разговорных, просторечных и диалектных вариантов в единственно допустимое в риксмол. Однако эта реформа отражала не реальное положение дел в языке, а идеалы нормализаторов, полагавших возможным языковое планирование.²² Вместе с тем объективный анализ норвежской печатной продукции показывает, что письменный язык сравнительно единообразен и что в нем безусловно существует своя норма — если норму понимать как то, что большинством говорящих на данном языке считается правильным (D. Gundersen, 1967, 13). Таким образом, в Норвегии, с одной стороны, имеется официально зафиксированная норма, фактически игнорируемая большей частью населения, с другой — нигде официально не зарегистрированная норма, соблюдаемая безусловным большинством (в устной речи и письменной). При этом существенно, что большая часть так называемых «радикальных» форм, т. е. альтернативных разговорных, просторечных и диалектных вариантов, являющихся по реформе 1938 г. (с дополнениями 1959 г.) единственно разрешенными, в языке значительной части населения используется как стилистические варианты (ср. в особенности A. Bjerke, 1962, 1966).

Лексикограф, составляющий переводной словарь, в котором норвежский язык является входным или выходным, ставится перед необходимостью выбора между двумя принципиально отличными линиями — следованием официальной норме, не отражающей реального языкового употребления, или отражением реально существующей нормы, нигде официально не зарегистрированной. Второй путь представляется более правильным, поскольку задача переводного словаря не направлять языковое развитие,²³ а служить целям перевода текстов, вследствие чего словарь должен в первую очередь отражать фактически наиболее употребительное, давать реальную картину современного языка. В работе над «Р.-норв. сл.» (рукопись) был избран именно второй путь. При этом из-за отсутствия справочных пособий, которые бы отражали не идеалы нормализаторов,

²² Один из членов комитета по орфографической реформе сказал, когда была проведена реформа: «Букмол в той форме, которую мы ему придали, не используется ни одним писателем» (цит. по: S. Noel, 1955, 24).

²³ О результатах «языкового планирования» в Норвегии см. в особенности: E. Naugen, s/a и М. И. Стеблин-Каменский, 1968. Языковому движению в Норвегии посвящена колоссальная литература, но, как справедливо отмечает М. И. Стеблин-Каменский (1968, 47), объективных исследований ничтожно мало. Характерно, что ни одно из последних не написано жителем Норвегии.

а действительное положение вещей, огромное количество вопросов составителю приходится решать на свой страх и риск.

Отсутствие единого языкового стандарта, который бы рассматривался в данном языковом коллективе как эталон, создает трудности и при обозначении произношения в переводном словаре. Например, в современной Исландии считаются одинаково допустимыми два основных региональных произношения орфографически одинарных глухих смычных (p, t, k) в интервокальном положении — так называемых *harðmæli*, где они произносятся, как ностаспирированные глухие [p^h, t^h, k^h, k^ʰ], и *línmæli*, где они произносятся, как ослабленные глухие без аспирации [b, d, g, g̊]. Одинаково допустимы, далее, и различные региональные произношения орфографического буквосочетания hv: [k^hv] — это произношение характерно для большей части страны, и так называемый *hv-framburður* — [χ] или [χ^w], представленный в Юго-Восточной и Южной Исландии. *Línmæli*, однако, считается менее предпочтительным произношением, хотя оно слышится в речи почти 3/4 всего населения Исландии,²⁴ и его рекомендуется заменять *harðmæli*, особенно в торжественной и официальной речи.²⁵ Далее, исландские фонетисты считают более предпочтительным *hv-framburður*, слышимый в речи примерно 15% населения, хотя *kv-framburður* (т. е. произношение [k^hv]) характерен для речи около 74% исландцев (приблизительно у 11% смешанное произношение, В. Guðfínsson, 1964, 61). Таким образом, мы видим, что рекомендуемые исландскими орфоэпистами *harðmæli* и *hv-framburður*, во-первых, не представлены одновременно в речи жителей какого-либо района Исландии и, во-вторых, характерны каждое в отдельности для небольшой части страны. Кроме того, нами не был затронут ряд других существенных ареальных особенностей исландского произношения.

Вопрос о том, насколько правомерно создавать орфоэпический стандарт из элементов различных фонологических систем, представляет несомненный теоретический интерес. Однако нас в данной связи занимает другое, а именно — должно ли в таких случаях произношение, указываемое в словаре, отражать орфоэпический идеал или оно должно отражать наиболее распространенный региональный вариант произношения. На наш взгляд, двузязычные словари, в которых язык, не имеющий общераспространенного произносительного стандарта, является входным, должны отражать наиболее широко представленный

²⁴ Чистое *harðmæli* в 1940 г. наблюдалось в речи примерно 18% жителей страны (В. Guðfínsson, 1946, 207).

²⁵ Это отмечалось еще свыше 30 лет назад. См.: В. Крейз, 1937, 171. О борьбе за *harðmæli* см., в частности: М. И. Стеблин-Каменский, 1960, 64.

региональный вариант.²⁶ Для словарей, в которых язык такого рода является выходным, также более целесообразна подача наиболее распространенного регионального произношения. Вряд ли следует добиваться того, чтобы речь иностранца носила вне-региональный характер, равнялась на сценический идеал и тем самым отличалась по своим фонетическим характеристикам от речи большей части населения.

Вследствие вышеизложенного представляется неудачным равнение именно на такое идеальное надрегиональное произношение, положенное в основу фонетической транскрипции в «Исл.-р. сл.», 1962. Разработанная в нем Аудни Бёдварссоном транскрипция характеризуется, в частности, *hardmæli* и *kv-framburður*’ом. По-видимому, целесообразнее было бы отразить наиболее распространенный произносительный вариант — *lín-mæli* и *kv-framburður*.

С аналогичной фонетической проблемой сталкивается и составитель норвежско-родного и родно-норвежского словаря. В Норвегии, так же как и в Исландии, отсутствует единый произносительный стандарт, хотя и раздаются голоса в пользу того, чтобы таким эталоном сделать речь образованных слоев населения Восточной Норвегии — *dannet østnorsk* (например, А. Bjerke, 1966, 35). Описания норвежской фонетики, сделанные для иностранцев, также берут за образец восточнонорвежский вариант (в частности, R. G. Popperwell, 1963; О. Didriksen og Arni Bødvarsson, 1967, 11—12). Для лексикографа вполне естественно тоже ориентироваться на произносительный вариант Восточной Норвегии. Но последовательное соблюдение этого принципа вынуждает составителя в некоторых случаях выбирать варианты, заведомо чуждые речи норвежцев западной и самой северной части страны, например последовательно указывать для некоторых разговорных и просторечных форм так называемое «толстое» *l* [l̥], обязательное в определенных случаях: *fæl*, *fleipe*, *jåle*, *skravlebøtte*, *kløne*, *tæl*, *flyfille*, *blånekte*, *vøle*, *gamla* и т. п.; в западнонорвежских говорах «толстое» *l* отсутствует.²⁷

²⁶ Как это сделано, в частности, в фарерско-датском словаре («Førg.-dansk ord.», 1961, XV). То же обычно делается в учебниках; ср., например, для фарерского языка: W. B. Lockwood, 1955, 5.

²⁷ Этот вопрос рассмотрен подробнее в нашей рецензии на норвежский орфоэпический словарь (B. Berulfsen. Norsk uttaleordbok. Oslo, 1969) — «Maal og Minne», 1972, 80—81.

§ 6. СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА

Словарный состав можно разделить на слова общего языка и термины (А. А. Реформатский, 1967, 142). Разделение это, разумеется, условно не только в том смысле, что одно и то же слово может в одних своих значениях быть обычным словом, а в других термином, например норв. *begravelse* 'похороны' и 'перескок' (в наборе: пропуск слов между двумя одинаковыми), но и в первую очередь в том смысле, что сама грань между обычным, повседневным, бытовым и специальным в настоящее время очень зыбка; это обусловлено как быстро изменяющимися условиями жизни языкового коллектива, так и разнообразием жизненных условий различных групп этого коллектива. Поэтому, говоря о специальной лексике, мы будем иметь в виду прежде всего специальную терминологию различных отраслей науки и техники.

Для лексикографического описания целесообразно различать три принципиально различных случая в так называемой специальной лексике. Во-первых, в нее входят слова какой-либо конкретной специальной области знания или деятельности человека, обозначающие понятия, известные широкому кругу людей (*треугольник, хрящ, атмосфера, млекопитающее, пенсия*); во-вторых, слова, обозначающие понятия из данной специальной области, неизвестные широким массам носителей данного языка (*аллофон, верньер, льяло, бергшруд, тендовагинит*); в-третьих, слова, обозначающие понятия, известные широкому кругу лиц, но имеющие среди неспециалистов, в быту, иное наименование (мор. *конец* 'веревка', альпинистское *вершина* 'гора', мед. *фрактура* 'перелом', *люксация* 'вывих', *инцизия* 'разрез') (В. П. Берков, 1963, 88).¹ Естественно, что к этим трем группам лексики специальных областей науки и техники должен быть различный подход.

Неоднократно отмечалось, что вопрос о степени охвата специальной лексики обычными, в том числе и переводными, словарями относится к числу труднейших проблем практической лексикографии (например, С. И. Ожегов, 1952, 99—100; Ф. П. Филин, 1957, 47; Ф. П. Сороколетов, 1957, 123; Х. Касарес, 1958, 290). Трудность состоит в том, что составитель словаря руководствуется хотя и совершенно правильным, но крайне общим принципом — включать в словарь только общеупотребительную терминологию, избегая слов узкоспециальных (т. е. второй и третьей из перечисленных выше групп), но не имеет в огромном количестве случаев объективной информации о том,

¹ Используя иной принцип деления, О. Ман выделяет в научных текстах 4 класса слов: 1) термины (первично-научные слова); 2) окказиональные слова (т. е. слова, являющиеся терминами лишь в отдельных значениях); 3) общенаучные слова; 4) общеупотребительные слова (О. Ман, 1967, 162—163).

является ли слово общеупотребительным или узкоспециальным.² Для того чтобы компетентно решить вопрос о том, насколько важен и употребителен, например, данный термин медицины, автодела, тригонометрии или химии, лексикограф должен либо обладать энциклопедическими знаниями в самых различных областях науки, техники и искусства (ср. М. Hiescu, 1957, 209), либо быть уверенным в том, что его словарный запас полностью охватывает всю общеупотребительную лексику данного языка и не включает в себя узкоспециальных терминов. Естественно, что оба эти условия невыполнимы и что в таких случаях личность составителя, его индивидуальность, его жизненный опыт приобретают особое значение. Это выражается, с одной стороны, в том, что одни авторы включают в словники своих словарей термины, представляющиеся им важными, поскольку они (случайно) обладают познаниями в данной специальной области, тогда как другие авторы, такими познаниями не обладающие, эти термины не включают. С другой стороны, можно привести ряд примеров, когда составители именно в результате незнания с какой-либо специальной областью науки или техники, не будучи поэтому в состоянии на основе только своего личного опыта компетентно определить важность того или иного термина и отвергнуть его как узкоспециальный и опасаясь случайно пропустить «нужное», включают термины, слишком специальные для обычного словаря общего типа, либо термины устарелые, давно замененные другими. Немало таких слов перекачивается из словаря в словарь. Существенным психологическим моментом является здесь оглядка на другие словари, опасение обеднить свой словарь по сравнению со словарем предшественника или коллеги — составителя словаря того же входного языка с переводом на другой язык.

Субъективность оценки употребительности разными лексикографами можно проиллюстрировать на примере обсуждения «Р.-укр. сл.», 1948. Так, например, критикуя этот словарь за включение ряда слишком специальных слов, С. П. Левченко (1951, 56) среди последних приводит слова *флибустьер* (~ство, ~ский). Характерно, что, не соглашаясь с С. П. Левченко относительно узкоспециального характера этих слов, мы, однако, ничего объективного не в состоянии противопоставить его утверждению, кроме чисто субъективных оценок вроде «а с нашей точки зрения, эти слова не являются узкоспециальными».

² О малой эффективности общих лексикографических рекомендаций см., в частности, сообщение Р. А. Будагова (1963, 245—249) о Международном colloquium по романской лексикографии (Страсбург, 1957). На этом colloquium говорилось, что «нужно во всем соблюдать меру», т. е. умеренно включать в словарь научные и технические термины, диалектизмы, аргоизмы и т. п., но «как провести здесь границу и что оказывается за пределами» умеренного включения в словарь, «так и осталось не вполне выясненным» (247).

Наша субъективная оценка основана скорее всего на некотором знакомстве с морской литературой; существенно при этом, что мы не можем сказать, является ли это наше знакомство более основательным, чем это в среднем характерно для лиц, родной язык которых русский. В этот же словарь включены слова *зрельник*, *камнебитный*, *контрпараллелограмм*, *ревербер*, *резерваж*, *реофор* и многие подобные, но пропущены такие гораздо более употребительные термины, как *сработать* (*автомат сработал*), *приработаться* (*шестерни приработались*), *строительный мусор*, *цвета побежалости* (Л. И. Довгань, 1953, 63). С другой стороны, один рецензент поставил в вину составителям словаря отсутствие «очень многих наиупотребительнейших терминов сельскохозяйственной терминологии», как, например, *всвал*, *рыхлокустовой*, *гуменный*, *поедаемость*, *мязга*, *горстьевщик*, *облиственный* и др. (И. С. Кривецкий, 1953, 59), широкую употребительность которых вряд ли можно признать бесспорной. Еще один рецензент в списке слов, которые, по его мнению, излишни в этом словаре, привел слово *энциклика* (которое нередко — опять-таки на наш взгляд — встречается в прессе), но сожалел об отсутствии в словаре, в частности, слов *вдувальный*, *варильщик*, *цементник*, *социально-диалектный*, *высолиться* и др. (И. М. Кириченко, 1953, 28—29). В словаре отсутствуют медицинские термины *внутривенный*, *кровенаполнение* (Виступи..., 1953, 80), но есть узкоспециальный термин *этеризм* (И. М. Кириченко, 1953, 29) и т. д.

Делаются попытки предложить вместо расплывчатого и неконкретного критерия общеупотребительности иные, более конкретные.³ Например, предлагалось (П. И. Горецкий, 1951, 12; ср. также: Ф. П. Филин, 1957, 48) не считать всю ту лексику, которая употребляется в учебниках общеобразовательной школы, узкоспециальной и вносить ее в словник; остальная терминологическая лексика вносится в словарь со значительными ограничениями — при учете актуальности слова, сферы его употребления и т. п. Несмотря на справедливость основной мысли, механическое приложение этого критерия нецелесообразно: в школьных учебниках имеется немалое количество терминов, употребленных лишь в таблицах, иллюстративных примерах, задачах и т. п. Так, например, в учебниках химии, естественно, встречаются все элементы периодической системы и, в частности, перечисляются все редкоземельные элементы, но включение всех этих слов в обычный словарь едва ли оправдано, так как многие из этих названий практически никогда не встреча-

³ Для лексикографов могли бы быть полезными данные об обращаемости читателя к энциклопедиям, поскольку они позволяли бы до некоторой степени судить о словарном запасе «среднего» члена языкового коллектива. К сожалению, такие исследования — по крайней мере у нас — отсутствуют (ср.: С. Р. Гершберг, 1965, 15).

ются вне специальных текстов.⁴ В учебниках геометрии упоминается ряд терминов, также характерных — вне учебников — только для специальных текстов. Ср. (примеры взяты нами из учебника для 6—8 классов «Геометрия» Н. Н. Никитина. М., 1966): *эккер, диоптр, алидада, рейсмас, малка, палетка, пропорциональный циркуль, поперечный масштаб, мензула, мензульная съемка, полярный способ (мензульной съемки), апофема*. Подобных примеров много. Следует также иметь в виду, что во многих странах, в особенности в последнее время, программы средней школы довольно часто меняются, вследствие чего набор специальных терминов, содержащихся в стандартных учебниках по одному и тому же предмету в одной и той же стране, в известной степени неустойчив.

Ф. П. Филин считает, что общеупотребительность термина должна документироваться определенного рода письменными источниками, к которым «прежде всего относятся произведения классиков марксизма-ленинизма, материалы съездов Коммунистической партии, постановления партии и правительства, передовые статьи центральных газет, научно-популярные книги, брошюры и статьи, стабильные учебники для средних школ, лучшие произведения художественной литературы» (1957, 48). Если взять только одну часть предлагаемого перечня источников, а именно «научно-популярные книги, брошюры и статьи»,⁵ то, во-первых, они не представляют собой однородной массы, но рассчитаны на читателей с весьма различной общекультурной и специальной подготовкой, а во-вторых, и это самое главное, в них встречается колоссальное количество узкоспециальных слов. Проиллюстрируем последнее только одним примером. «Наука и жизнь», «ежемесячный научно-популярный журнал Всесоюзного общества «Знание», издается тиражом 3 млн. экземпляров, т. е. полностью подпадает под предлагаемое Ф. П. Филиным определение источников, по которым решается вопрос об общеупотребительном характере терминологии. Приведем только небольшую часть терминов, употребленных в одном лишь № 6 за 1968 г. (значительный процент этих слов дан в тексте без определений, т. е. их значение предполагается известным читателю): *инжектор, резонатор, антипротон, мезон (пи-мезон, к-мезон, ро-мезон, эта-мезон, омега-мезон), кварк, нуклон, барион, бозон, мюон, серотин, норадреналин, гиподинамия, термобарокамера, энзим, соосный, обечайка, эозин, экстрактивные вещества, телерецептор, головоногие, микролифт, олигофрения, эвольвентный, циклоидальный, косозубый, шев-*

⁴ Например, *актиний, гафний, индий* (С. И. Ожегов, 1952, 100); среди примеров И. С. Ожегов приводит также, на наш взгляд, более употребительные названия: *радон* (ср. довольно известную физиотерапевтическую процедуру *радоновые ванны*) и *ксенон* (используемый в лампах).

⁵ О специальной лексике в современной художественной литературе с точки зрения задач лексикографии см.: Ф. П. Сороколетов, 1957, 132—133.

ронный и десятки подобных. Для научно-популярной литературы, рассчитанной даже на минимально подготовленного читателя, характерно именно стремление ввести его в круг хотя бы основных понятий той или иной отрасли науки или техники, а для достижения этого необходимо использование специальных терминов данной науки. Другой вопрос, какая часть этой терминологии в среднем усваивается читателями — неспециалистами в данной области. Этот вопрос, ответа на который пока нигде нельзя найти, играет для лексикографа основную роль. Чисто формальное применение критерия документированности термина научно-популярной литературой может дать искаженную картину действительности: относительно частая встречаемость какого-либо термина в определенной области научно-популярной литературы отнюдь не означает того, что он имеет общеупотребительный характер.⁶ Тут играет роль множество факторов, из которых достаточно назвать следующие: далеко не все статьи научно-популярных изданий читаются всеми читателями; значительная часть статей просто просматривается, так как читателя интересует общая идея, а не детали; большой объем сведений, в дальнейшем не встречающихся в литературе, забывается и т. д. С другой стороны, ряд терминов специальных отраслей науки и техники известен широким слоям населения из устного общения, надписей, инструкций, объявлений и т. п., а не из литературы, издаваемой массовым тиражом (например, транспортные термины типа *контактный провод*, *стоп-кран*, *левый* или *правый поворот*, *нерегулируемый перекресток*, *автоблокировка* и т. п.). В силу всех этих соображений документированность научно-популярной литературы не представляется достаточно эффективным критерием общеупотребительности термина.

Поскольку словник двуязычного словаря прежде всего должен максимально отвечать потребностям его эвентуального потребителя, то мы, естественно, должны исходить из того, какие слова последнему известны, а не из того, какие слова ему могут быть известны, как это фактически предлагалось выше. Для успешного применения этого критерия мы должны были бы располагать данными о том, из каких слов (и, разумеется, устойчивых — в традиционном смысле — словосочетаний) состоит словарный запас наиболее типичных представителей конкретного языкового коллектива. К сожалению, такими данными языковед не располагает.

Складывается такая ситуация, когда объективных критериев

⁶ Крайним примером такой попытки чисто количественного определения репрезентативности письменного источника является предложение В. Маньчака: руководствоваться при отборе источников для экскерпирования цифрами тиражей изданий (W. Mańczak, 1963, 448—449). При таком подходе, например, лексика «Науки и жизни» с ее тиражом в 3 млн. должна была бы полностью войти в обычный переводной словарь.

нет и, как мы старались показать выше (§ 1), по крайней мере еще определенное время не будет, а субъективный подход дает ненадежные результаты.⁷

По-видимому, реальным выходом из этой ситуации могла бы быть некоторая дедуктивная выработка качественных параметров словника. Надо сформулировать с максимально возможной точностью, какие пласты лексики словарь должен включать в себя и какие нет. Это, в частности, означает, что следует попытаться очертить круг тех тем, которые мы интуитивно ощущаем как «не слишком специфические». Мы должны представить себе компоненты, которые составляют активный и пассивный запас слов потребителя нашего словаря, и достаточно точно и подробно перечислить их. Не имея ни списка слов, ни даже исследований, которые бы полно очерчивали пласты лексики, наиболее часто используемые в речевом общении отдельных языковых коллективов, мы вынуждены конструировать дедуктивным путем лексику некоего идеального члена данного языкового коллектива. Можно исходить из того, что в каждом обществе в каждый период отдельный индивидуум в идеале должен обладать определенной суммой знаний и навыков, соответствующей уровню развития этого общества — производственному, техническому, научному, социальному, эстетическому и т. д. Этой сумме знаний и навыков⁸ соответствует некоторое количество слов и словосочетаний, которое обществом в целом полагается известным большинству его членов, т. е. тем членам данного языкового коллектива, которые отвечают (должны отвечать) стандарту полноценного члена общества. Примером такого интуитивного ощущения обществом слов, известных или неизвестных среднему носителю данного языка, может служить практика комментирования слов в текстах, рассчитанных на массового читателя, например в газетах и журналах: комментируя то или иное слово, автор (редактор) руководствуется своим чутьем, подсказывающим ему, можно ли считать то или иное слово известным среднему носителю языка.

Таким образом, словник большого двуязычного словаря призван отражать лексику такого носителя входного языка, который в данном языковом коллективе считается идеалом полно-

⁷ В этом отношении поучительным примером является опыт В. Мартина и Р. Ээкхоута, пытавшихся, сравнивая при помощи ЭВМ разные издания словаря van Dale's *Zakwoordenboekje* (1921 и 1964 г.), установить эволюцию словарного состава современного голландского языка. В конце статьи следует характерное признание: само сравнение при помощи машины выполнимо, но выбор источников и интерпретация результатов выполнялись человеком и «посему были в высшей степени субъективными» (W. Martin en R. Eekhout, 1969, 67—76).

⁸ Знания и навыки могут быть «активными» или «пассивными»; последними будем условно называть те случаи, когда человек сам не в состоянии изложить какие-либо сведения, но, воспринимая их, не ощущает как новые либо не в состоянии совершить какие-либо операции, но представляет себе — хотя бы схематично — как они осуществляются.

ценного члена общества.⁹ Самоочевидно, что понятие такого идеала или стандарта уникально как исторически, так и географически. За среднего носителя языка, на которого должен быть ориентирован словарь и потребности которого словарь должен удовлетворять, можно принять взрослого человека, имеющего полное среднее образование; достаточно хорошо начитанного в области художественной, научно-популярной и политической литературы, знакомого с основными видами практической деятельности, выполняемыми в этом обществе, и, что представляется также существенным, общавшегося с разными социальными слоями данного языкового коллектива. Такому носителю языка хорошо знакомы разные стили — литературный, разговорный и просторечие. Элементарные познания в области естественных и гуманитарных наук, вынесенные из школы, знакомство с основными видами практической повседневной деятельности обуславливают знание им основной научной и технической терминологии, а также основной терминологии различных трудовых процессов и прочих видов деятельности человека. Разумеется, мы идеализируем такого «стандартного» носителя языка, полагая, например, что он удерживает в памяти все те знания, которые ему были даны в средней школе; однако общество стремится именно к этому, и нам следует исходить из того, что если один отдельно взятый потребитель словаря и не удерживает в голове все школьные знания, то все потенциальные потребители словаря помнят их в совокупности. Точно так же, если наш отдельный реальный русский читатель словаря XX века, например, не умеет фотографировать или не знает, что такое *фуганок*, то правомерно исходить из того, что «идеальный» русский потребитель русско-иностранного словаря умеет и фотографировать, и выполнять несложные столярные работы (представляя себе более сложные), а также играет на каком-либо распространенном музыкальном инструменте, разбирается в автомобиле, умеет окучивать картофель или по крайней мере знает, что это такое, знает, что самолеты бывают винтовые, реактивные, турбовинтовые и турбореактивные и т. д. и т. п.

Мы исходим из того, что основная лексика всех этих разнообразнейших сфер от политики до спорта, от военного дела до шитья, от физики до медицины либо используется активно таким идеальным носителем языка в речи, либо он владеет ею пассивно, т. е. встречает ее как знакомую в разговоре или при чтении. Целесообразно словарь создавать таким, чтобы он мог обслуживать все речевые ситуации, с которыми такой идеальный носитель языка наиболее вероятно может столкнуться.¹⁰

⁹ Мы пока оставляем в стороне вопрос о той небольшой части словника, которая определяется выходным языком.

¹⁰ Ср.: Л. Копецкий, 1962, 517: «Нам кажется, что современный большой двуязычный словарь (академического типа) в основном должен обеспечить работу с любым иноязычным текстом соответствующего языка независимо от направленности и целей этой работы; далее, он должен слу-

Фактически же большая часть словарей (как двуязычных, так и одноязычных), издаваемых в настоящее время, предназначена для перевода письменных текстов, причем сплошь и рядом даже уже — для перевода литературных текстов.

Подробнее вопрос о критериях включения в словарь тех или иных групп слов литературного языка, разговорного языка, просторечия и пр. рассматривается в соответствующих параграфах. Сейчас остановимся на вопросе о возможности проверки нашего дедуктивного построения. Очевидно, что даже описав детально круг тем, полагаемых в данном обществе знакомыми стандартному (фактически идеальному) носителю языка, составитель словника при конкретной разработке перечня слов по отдельной теме абсолютно не гарантирован от субъективизма и ошибок, поскольку его жизненный опыт может не соответствовать стандарту данного общества — быть либо меньшим, либо большим. Обращение за консультацией к специалистам в определенных конкретных областях имеет другую опасность — такие специалисты, как правило, склонны завышать число наиболее употребительных терминов данной области.¹¹ Таким образом, результаты отбора слов для словника составителем или специалистом нуждаются в проверке. Такую проверку можно представить себе в виде достаточно широко поставленного опроса общественного мнения. Отбирается большое число носителей языка, соответствующих указанному выше стандарту, притом таким образом, чтобы соотношение между опрашиваемыми представителями различных групп населения приблизительно соответствовало социальной структуре данного общества. Этим лицам предлагаются списки слов (по тематическому принципу), в которых информанты отмечают слова, представляющиеся им актуальными для словаря (либо, наоборот, неактуальными). Результаты эксперимента обрабатываются в соответствии с принятыми методами социологических исследований.

Такой эксперимент, разумеется, должен быть проведен весьма основательно, для чего требуется серьезно разработать методику его осуществления. Для его проведения нужен значительный штат работников и наличие технических средств.

По-видимому, только такой широкий опрос общественного мнения мог бы дать реальную объективную картину словарного запаса среднего представителя данного языкового коллектива. Результаты такого эксперимента могли бы, несомненно, представить интерес не только для лексикографов, но и для социо-

жить как целям теоретического изучения языка, так и практическим целям его преподавания...; наконец, в какой-то мере уже теперь современный большой словарь должен учитывать интересы машинного перевода и теории информации».

¹¹ M. Iliescu, 1957, 209. — С точки зрения специалиста роль термина определяется его значимостью в системе понятий данной области знания, а с точки зрения лингвиста — его употребительностью (ср.: С. И. Ожегов, 1952, 100).

логов, педагогов, философов. Так, можно предполагать, что одна из важнейших частей такого эксперимента — проверка знания терминов¹² из стабильных школьных учебников по математике, физике, химии, биологии, родному языку, истории и т. д. — могла бы дать результаты, весьма полезные специалистам по педагогике и психологии обучения.

Аналогичный по методу эксперимент может быть применен также для выяснения употребительности иных категорий слов — архаизмов, диалектизмов и т. п.

Эта же идея лежала в основе метода, которым пользовались при отборе слов для испанского толкового словаря. Критерий, по которому отбирались слова, был следующий: «если специальный термин определенной области знания известен культурным людям, занимающимся другими специальностями, можно считать, что данное слово получило необходимый минимум распространения для того, чтобы войти в общий словарь» (Х. Касарес, 1958, 301). Поэтому, когда, например, специалисты по медицине указывали на необходимость пополнить словарь какими-либо терминами, «присутствовавшим академикам — естественникам, ораторам, физикам, драматургам, юристам, поэтам, филологам и т. д. — задавали вопрос, известны ли им данные слова и считают ли они целесообразным включение их в словарь. Если большинство опрошенных лиц давало утвердительный ответ, вопрос о включении в словарь термина, предложенного специалистом, решался положительно» (там же, 301—302). Однако даже такой авторитетный орган, как Испанская академия, не может рассматриваться как репрезентативный для всего испанского общества с точки зрения словарного запаса, в частности, потому, что разрыв между объемом знаний, сообщавшимся учащимся в средней школе несколько десятилетий назад, и современной наукой и техникой столь велик, что представителям старшего поколения, каковыми обычно и являются члены академий, гораздо труднее знакомиться с новыми открытиями в науке и технике за пределами их специальности, чем младшему. Кроме того, известную роль в том, что старшее поколение в среднем менее активно следит за развитием других областей современной науки и техники, играет и ряд других факторов, останавливаться на которых здесь нет необходимости. Впрочем, Х. Касарес отмечает, что этот критерий использовался испанскими лексикографами далеко не последовательно.

Проблема отбора специальной лексики для общего словаря особенно усложняется в тех случаях, когда специальная терми-

¹² Разумеется, имеются в виду не только термины-слова (*факториал, сверхпроводимость, ангидрид, гезы, ось, парсек* и т. п.), но и термины-словосочетания (*бином Ньютона, разность потенциалов, Великая хартия вольностей, член предложения, жирные кислоты* и т. п.).

нология в языке еще не отработана, не упорядочена. Это обычно имеет место в языке тех народов, которые в силу тех или иных исторических причин позднее соседних оказываются вовлеченными в современное производство и современную науку. Так, например, исландская научная терминология имеет для многих понятий по два и более синонима (В. П. Берков, 1961, 82). С рядом специфических сложностей столкнулись украинские лексикографы в 1940-е годы, сочетая лексикографическую работу с нормализацией терминологии (С. П. Левченко, 1951, 47—51).

Изменения в научной терминологии связаны, конечно, не только с сознательными заменами одних терминов другими, представляющимися более удачными, по соображениям лингвистическим, о чем только что говорилось. Известную роль играет и развитие науки. Поэтому даже в языках со сравнительно устойчивой системой научной терминологии в последней неизбежны изменения. Х. Касарес (1958, 296—297) отмечает, что, например, испанская ботаническая терминология претерпевала ряд изменений, когда при классификации растений отдавалось предпочтение разным морфологическим или генетическим признакам. В период от Линнея до Эйхлера и Энглера «появлялись и исчезали названия семейств и видов растений и менялись некоторые окончания (по-видимому, имеются в виду суффиксы. — В. Б.), условно служащие символом иерархии в пределах принятой классификации» (296). Для составителя двуязычного словаря, однако, основную роль играет распространенность, употребительность научного термина, а не его соответствие последним изменениям в научной номенклатуре. Как говорилось выше, входная часть словаря, словарь, не должна быть нормативной, и если поэтому термин, замененный в языке науки другим, более соответствующим сути явления, продолжает пользоваться широкой популярностью, то он должен быть включен в словарь, несмотря на его «ненаучность» — точно так же, как словарь обязан отражать широкораспространенные разговорные формы, официально устаревшие географические названия и прочие отклоняющиеся от нормы языковые факты.

Чтобы исчерпывающе перечислить все те отрасли науки, техники и промышленности, терминология которых в той или иной степени является общеупотребительной, требуется специальное исследование.¹³ Самоочевидно, что различия в наборе специальной терминологии от одного языкового коллектива к другому будут всегда иметь место, особенно завися от степени развития производства, техники, науки, географических и социальных условий и т. д. Можно ожидать, например, что чем больше будет развита какая-либо отрасль промышленности в

¹³ Примерный перечень таких отраслей, охватываемых словарем технической терминологии, имеется в статье Н. С. Родзевича (1958, 55—57).

данной стране, тем большее количество терминов, обозначающих связанные с нею понятия, будет общеупотребительным в языке. Это, естественно, находит свое отражение в словнике. По-видимому при составлении словника полезно произвести выборку специальных терминов из словника политехнического словаря с тем же входным языком.

§ 7. УСТАРЕВШИЕ СЛОВА

При решении вопроса о том, в какой степени словник двуязычного словаря должен включать в себя устаревшие слова, необходимо учитывать несколько моментов. Однако прежде чем перейти к их рассмотрению, целесообразно сделать несколько терминологических уточнений.

В категорию устарелых слов не будут включаться слова, выпавшие из языка к тому периоду его развития, который является объектом рассмотрения (Ф. П. Филин, 1957, 39—40; О. С. Ахманова, 1957, 272). Действительно, термин «выпавшее слово» применяется к словам, в данный период языка не только не употребительным, но и непонятым: этих слов в языке уже нет, они в нем не существуют (О. С. Ахманова, 1957, 274), они столь же непонятны, что и слова иностранного языка (Ф. П. Филин, 1957, 42). Термин «выпавшее слово» уместен, таким образом, в диахроническом описании языка; в синхроническом описании, констатирующем лишь то, что в языке есть, а не то, что было, он не находит применения.¹ Такими выпавшими словами в русском являются, например, *уй, стрый* (О. С. Ахманова, 1957, 274); *котора, которатися, прѣ, вѣверица* (Ф. П. Филин, 1957, 42). Употребление слов, выпавших из языка, в индивидуальном архаизирующем стиле (например, в историческом романе) по функции аналогично употреблению незнакомых читателю экзотизмов и не делает эти слова принадлежностью литературного языка. Например, широко используемые А. Юговым в романе «Ратоборцы» старинные слова вроде *заборол, сыновец, землянин, лада, кояр, ископыт, низанка, лелиток, дворский* и т. д. в такой же мере остаются за пределами лексики современного русского языка, как и встречающиеся в переводах экзотизмы *чанг, годи, пуукко, мираб, сирдар, лапскеус* и др. То же самое можно сказать о ряде непонятных современному исландскому читателю древнеисландских слов в рома-

¹ Ср.: «Поскольку мы принципиально рассматриваем современное состояние языка, не объясняя его при помощи истории, тот или иной архаизм может попасть в наше поле зрения только в том случае, если он еще живой» (Ш. Балли, 1961, 104).

не Х. Лакснесса «Герпла», являющемся стилизацией под сагу.²

Среди устарелых слов целесообразно различать две принципиально различные группы (О. С. Ахманова, 1957, 272—274). Первую составляют слова, обозначающие реалии, вышедшие из обихода языкового коллектива. Эти предметы или явления могли выйти из обихода в разное время: и несколько столетий, и всего несколько лет назад. Предметы, вышедшие из обихода, могут вновь войти в него в другой период (там же, 273). Явления могут также еще сохраняться на периферии жизни языкового коллектива и восприниматься одними членами этого коллектива как уже принадлежащее прошлому, тогда как оно будет актуальным для других членов. Например, для огромного большинства носителей русского языка церковная терминология воспринимается как устаревшая лексика, но для верующих это живое слово современного языка. Эту группу устаревших слов можно назвать историзмами, широко понимая под этим слово, обозначающее предмет, принадлежащий прошлому (ср. О. С. Ахманова, 1966, 185). Другую группу устаревшей лексики составляют слова, вытесненные из живого языка другими, синонимичными им, но употребительные в особом, специфическом стиле. Эту группу слов будем называть архаизмами.

Обе эти группы неоднородны по своему составу. Среди обширнейшей группы слов, условно называемой историзмами, есть слова, обозначающие явления далекого прошлого, но актуальные для современных носителей языка в силу их важной роли для истории страны, «остающиеся или становящиеся объектом общественного познания» (Ф. П. Филин, 1957, 40) (например, для русского языка слова *крепостной, дума, царь, купец, помещик* и т. п.); с другой стороны, слова, обозначающие менее значительные явления, явления совсем недавнего прошлого, могут быть сравнительно мало известными большей части членов этого языкового коллектива, в первую очередь молодому поколению (например, русск. *эвакопункт, лишенец, подкулачник* и т. п.). То же можно сказать и об архаизмах. Многие из них, сохраняя свою специфическую окраску, обладают в языке весьма высокой частотностью, многие хорошо известны носителям языка, но лишь пассивно, а многие, наконец, понятны лишь приблизительно, хотя и не ощущаются совершенно непонятными. Между словами, бесспорно выпавшими из языка, и живыми архаизмами есть целая шкала промежуточных случаев, особенно если брать не отдельного носителя языка, а весь языковой коллектив в целом.

Таким образом, активный и пассивный запас слов современного носителя языка включает в себя значительное количество

² Впрочем, слова, находящиеся на грани забвения или даже совсем забытые языковым коллективом, могут получить новую жизнь, будучи введены в оборот современным автором, произведения которого получили широкую читательскую популярность.

слов устаревших (историзмов³ и архаизмов). Важную роль в этом играет ставшее теперь в большей части стран обязательным школьное обучение, вследствие чего учащиеся знакомятся с рядом произведений национальной литературы и фольклора, возникших в довольно отдаленный период. Разумеется, эта отдаленность сильно варьирует от страны к стране, завися от множества факторов: момента возникновения письменности, значительности отдаленных литературных периодов, степени понятности древних периодов языка для современного читателя и т. д. В некоторых случаях древняя классическая литература является не только объектом серьезного изучения в обязательной школе, но и излюбленным национальным чтением, как это, например, имеет место в Исландии, вследствие чего современный исландец, как правило, хорошо знает лексику саг и Эдды; знание эддической лексики поддерживается сильнейшими поэтическими традициями в стране, когда современная поэзия широко использует древние поэтизмы, нигде кроме этого жанра не употребительные (М. И. Стеблин-Каменский, 1967, 94). «Современный образованный иранец хорошо знаком еще со школьной скамьи с классической персидской поэзией X—XV веков. Стихи Фирдоуси, Саади, Хафеза, Омара Хайяма и многих других поэтов иранцы знают наизусть и свободно цитируют их подобно устойчивым крылатым выражениям в разных жизненных ситуациях» («Перс.-р. сл.», 1970, 9). Знанию средним носителем языка историзмов содействует далее школьный курс истории.⁴ Сохранению в памяти языкового коллектива известного количества устаревших слов способствует также использование пословиц и поговорок, цитат из литературы прошлых периодов или старинных переводов (например, библии) и т. п. Вместе с тем для лексикографии, и в первую очередь для двуязычной, крайне важно то, что довольно значительная часть лексики предшествующих периодов развития языка говорящими на этом языке не осваивается и может рассматриваться как выпавшая из языка. На практике это означает, что если двуязычный словарь отражает словарный запас (активный и пассивный) современного носителя языка и только этот словарный запас, то словник его не будет полностью покрывать лексику литературных произведений прошлых периодов. Для значитель-

³ Из 74 русских слов, приводимых О. С. Ахмановой (1957, 272) в качестве вышедших из живого употребления из-за того, что вышли из обихода обозначаемые ими предметы, по-видимому, только одно будет непонятно современному читателю, а именно слово *берковец* (ср.: Ф. П. Филин, 1957, 41).

⁴ Недостаточное внимание составителей двуязычных словарей к историзмам может иметь следствием трудности и прямые ошибки в работе переводчиков. Р. С. Газизов (1954, 95) приводит пример того, как отсутствие исторического термина *ямской* в русско-татарском словаре привело к тому, что переводчик перевел русское предложение *население несло ямскую службу*, как *население занималось копанием ям*.

ной части больших двуязычных словарей европейских языков, однако, характерно стремление учитывать лексику литературы XIX века, по крайней мере второй его половины. Приближение к этой цели бывает разным и зависит, естественно, не только от установок и знаний составителя, но и в существенной мере от темпов изменения словарного состава того или иного языка. Крупные изменения в государственном и социальном устройстве, развитие техники и производства и т. п. — все это приводит к тому, что большие группы слов переходят в разряд историзмов, порою неизвестных среднему носителю языка. Полностью же эта цель словаря, по-видимому, никогда не достигается. Можно легко показать, например, что при помощи современного большого русско-немецкого словаря невозможно добиться стопроцентного перевода лексики Некрасова или Достоевского (содержащихся в них историзмов и архаизмов), точно так же, как в самом полном из норвежско-иностранных словарей — словаре Хэугена («N.-eng. ord.», 1965) отсутствует ряд слов, употреблявшихся Вергеланном (1808—1845) и даже Юнасом Ли (1833—1908).

С одной стороны, стремление составителей удовлетворить запросы читателя, желающего при помощи словаря современного языка читать литературу, скажем, XIX века, вполне закономерно, равно как и само желание читателя. По-видимому, нет ни одного современного двуязычного словаря, который бы в первую очередь преследовал именно эту цель и назывался бы, например, «русско-испанский словарь для чтения русской литературы XVIII—XIX веков», полностью охватывая лексику Державина, Карамзина, Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, А. Островского, Тургенева, Салтыкова-Щедрина и т. д. Таким образом, на практике решение этой задачи выпадает на долю обычного двуязычного словаря, ориентированного на современный язык. С другой стороны, эта задача полностью решена обычным словарем быть не может. Правда, отдельные элементы такой устаревшей лексики в двуязычных словарях встречаются, но даются они выборочно и субъективно, характеризуя в основном индивидуальность составителя, его литературные вкусы и т. п.⁵ (о таком же субъективизме в толковых словарях см.: Ф. П. Филин, 1963, 183).

⁵ Здесь необходимо учитывать один важный психологический момент. Встречая незнакомое устаревшее слово в старом тексте на родном языке, читатель, как правило, догадываясь о его значении, не стремится обычно установить его значение по словарю, считая, что сам факт незнания им этого слова свидетельствует об устаревшем характере слова. Иностранец же, найдя в тексте незнакомое слово и не обнаружив его в словаре, не может быть уверен в том, что пропуск здесь умышленный. Существенно здесь и то, что при чтении на иностранном языке многие стремятся устанавливать значение каждого непонятого слова. При нынешнем субъективном подходе составителей к словнику словари еще далеки от того состояния, когда любой пропуск слова в словаре можно было бы рассматривать как сознательно даваемую слову характеристику его устарелости, редкости и т. п.

Возможным способом разрешения этого противоречия представляется замена субъективных критериев оценки важности (неважности) тех или иных слов для понимания текстов определенных прошлых периодов объективными. На практике это означает, что составитель словаря должен иметь справочное пособие, в котором были бы описаны слова и значения слов, употребительные в определенный период истории языка, а теперь уже устаревшие или выпавшие. Иными словами, составитель словаря должен иметь дифференциальный исторический словарь входного языка. В таком словаре, следовательно, учитывались бы только те элементы лексики описываемого периода, которые в современном языке неупотребительны или мало употребительны. Разумеется, было бы бессмысленно возлагать задачу составления такого дифференциального исторического словаря на составителя двуязычного словаря. Во-первых, это огромный труд, посильный только большому коллективу специалистов по данному языку. Во-вторых, такой дифференциальный словарь сам по себе имел бы большое самостоятельное значение и применение и многократно использовался бы для составления словников различных переводных словарей. В идеале такой дифференциальный словарь можно представить себе как серию частей, где каждая из них, описывая определенный период, являлась бы дифференциальным словарем по отношению к лексике последующего периода. Огрубленно и схематично это могло бы выглядеть таким образом: I часть покрывает элементы словарного состава языка XIX века, выпавшие или устаревшие к XX веку; II часть описывает те слова или особые значения слов языка XVIII века, которые отсутствуют в I части, и т. д. Поскольку имеется в виду задача описать прежде всего литературный язык, то в зависимости от обстоятельств целесообразно в той или иной степени ограничить круг источников. Предварительным условием осуществления такого словаря могло бы быть составление словарей (дифференциальных или обычных) языка отдельных авторов соответствующего периода.

Наличие такой серии дифференциальных исторических словарей по отдельным периодам развития языка могло бы, как представляется, поставить решение рассматриваемой проблемы на научную основу. Сообразуясь с целями и установками словаря и его объемом, составитель определял бы компетентность словаря по отношению к старым текстам не на глаз, а включая в словник списки слов одной, двух или более частей дифференциального исторического словаря входного языка. Однако осуществление подобного решения, по-видимому, дело будущего: насколько нам известно, подобные дифференциальные исторические словари не издавались.

Уже неоднократно приходилось отмечать, что идея Л. В. Щербы о двух типах словаря языков А—В (для говорящих на языке А и для говорящих на языке В) для множества

пар языков практически неосуществима и что, ориентируясь по преимуществу на носителя языка А или по преимуществу на носителя языка В, составитель стремится удовлетворить потребности обеих категорий читателей. В таком случае, естественно, словарь должен отвечать на запросы и носителей языка А и носителей языка В. Так, например, большой русско-норвежский словарь, рассчитанный в первую очередь на русского читателя, естественно учитывает интересы норвежского потребителя, что, в частности, выражается во включении в словарь ряда вокабул, обращение к которым русского читателя мало вероятно. Однако для некоторых пар языков возможно и реально осуществляется издание дифференцированных словарей, в зависимости от родного языка потребителей (например, русско-немецкий — для русских, русско-немецкий — для немцев). Будут ли в данном случае устаревшие слова включаться в разные из «одинаковых» словарей по-разному? Естественно, что различный подход к устаревшей лексике будет иметь место, хотя различия будут не очень значительными. Иностранно-родной словарь должен в большей степени включать устаревшую лексику, нежели родно-иностранный, в первую очередь за счет охвата языка художественной литературы прошлых периодов. Более того, в принципе возможно включение в такой словарь и некоторого количества слов, которые выпали из современного языка, но знать которые необходимо для чтения старой литературы.⁶

Известное ограничение числа архаизмов в словнике родно-иностранного языка за счет безусловно принадлежащих к пассивному словарному запасу данного языкового коллектива также вполне оправдано. Конечно, последний критерий сформулирован здесь в очень общем виде, так что решение вопроса о целесообразности включения того или иного архаизма полностью предоставляется на усмотрение составителя, а это не может не привести к субъективизму. Для более объективной выработки перечня таких слов можно было бы предложить анализ тех текстов старой литературы, которые в данном обществе являются обязательными в школе, с последующей проверкой результатов этой работы экспериментом, совпадающим по методике проведения с экспериментом, проводимым для установления употребительности других лексических групп, в отношении включения которых в словарь нет уверенности (см. § 6).

Решая вопрос об историзмах в родно-иностранном языке, следует иметь в виду, что темы общения с носителями выходного языка отнюдь не ограничиваются современной жизнью дан-

⁶ Здесь речь идет, разумеется, о достаточно старой литературе. Что касается литературы (как более, так и менее старой), изучаемой в школе, то многие устаревшие слова, встречаемые в ней, запоминаются учащимися именно из этих текстов и удерживаются от выпадения из языка именно таким коллективным чтением. Вообще классическая литература, даже отделенная от современности несколькими веками, оказывает сильное влияние на формирование словарного запаса языкового коллектива.

ных языковых коллективов, но в значительной степени охватывают прошлое. Поэтому необходим достаточно широкий охват историзмов, хотя и уступающий их охвату в иностранно-родном словаре.

Во избежание возможных недоразумений подчеркнем тот самоочевидный факт, что вся устаревшая и выпавшая из языка лексика, которая эвентуально может вводиться в двуязычный словарь, должна помещаться в нем только с указаниями на ограниченность ее употребления определенной сферой. По-видимому, тут будет уместным использование различных ограничительных помет, а не только одной *уст.* (=устарелое). Не исключены, например, пометы: *XVIII в., фольк.* и т. п. Роль ограничительной пометы может, естественно, выполнить стилистически полностью адекватный эквивалент, имплицитно содержащий в себе указание на стилистическую ограниченность переводимого слова.

Остановимся на одном частном, но принципиальном вопросе — на использовании пометы *уст.* (=устарелое). Во многих словарях эта помета используется и при архаизмах и при историзмах. Так, например, в «Р.-голл. сл.», 1961 пометой *уст.* снабжены слова: *армяк, блудный* (дано сочетание *блудный сын*), *богадельня, богохульство, богохульствовать, бражничать, брань* II (также с пометой *поэт.*), *владелец, владыка, властелин, горнило, горница, городничий, городской, гран, денщик, дилижанс, драгун, искони, исполу, исторгнуть, исчадие, кабак, кабатчик, кадет* I (также с пометой *воен.*), *казачок* II, *казна, камзол, канонир, кинематограф, лоно, мамка, мзда, прапорщик* (*воен.*), *фитиль* 2 (*запальный*), *фунт* I (мера веса), *харчевня, целковый, чернокнижник, юнкер* и др. В этом же словаре применяется помета *ист.* (определяемая как 'относящийся к истории; исторический термин'), которой снабжены, например, слова: *боярин, государыня, государь, гренадер, гусар, декабрист, жрец, жрица, кадет* II (о партии в России), *кивер* (также с пометой *воен.*), *кравчий, лен, ленник, ленный, мавр, мавританский, праща, самострел, сюзерен, флорин, форум, щит* I и т. п. Отметим, что никаких ограничительных помет не имеют слова *ботфорты, брандер, брандмайор, брандмейстер, зипун, каторжник, кафтан, кирасир, лейб-гвардия, майорат, поддевка, сановник, фазис, фаланга* 2 (*воен.*), *феодал, фрегат* (*мор.*), *фура, царевич, царедворец, царевна, царица* и др. Таким образом, в одну группу попадают такие слова, как, с одной стороны, *горнило, искони, лоно, мзда* и т. п. и, с другой — *богадельня, городничий, камзол* и т. п. Характерно, что при этом классификация непоследовательна: в группу устаревших попадают слова *денщик, кадет, канонир, прапорщик, юнкер*, в группу историзмов — *гренадер, гусар*, а слово *кирасир* никакой ограничительной пометы не имеет (слово *улан* в словаре пропущено). Слова *армяк, кафтан* классифицируются как устаревшие, а *ботфорты, зипун, поддев-*

ка употреблены без всякой пометы. Вообще вся эта классификация весьма спорна: если историзмами являются *праща, самострел, щит*, то и *меч, стрела, копье, кинжал, лук* и прочие устаревшие (но еще употребляющиеся в ряде мест) виды оружия должны быть отнесены к той же группе. (Отметим попутно, что у ряда слов совершенно не учтены их переносные значения.) На разный смысл пометы *уст.* в «Ак. сл.» обращает внимание Малли (J. Mally, 1962, 201).

§ 8. ДИАЛЕКТИЗМЫ

Под диалектизмами в работе понимаются слова и выражения, употребляемые в одном или нескольких диалектах и не употребляемые в литературном языке, кроме как с определенными художественными целями.¹

При таком смысле термина «диалектизм» (областное слово) по определению исключается употребительность слова в общенациональном языке; в противном случае мы бы вкладывали в этот термин иное значение. Когда говорят о «диалектизмах, употребляемых в общенародном языке», то под диалектизмом понимают слово, вошедшее в литературный язык из диалекта, т. е. критерий территориальной распространенности слова заменяют критерием этимологическим и эвентуально стилистическим. Если, например, слово *дакыл* первоначально употреблялось только в южноказахских диалектах, а затем вошло в литературный язык в значении 'техническая культура' (С. Қ. Кенесбаев, 1964, 31), то для современного литературного казахского языка это уже не диалектизм. С этой точки зрения следующие положения представляются неточными: «... в Словаре находят место областные, провинциальные слова, которые являются материалом общенационального языка, а не достоянием только местных говоров» («Ак. сл.», I, V); «... тех пластов лексики, которые хотя и пользуются ограниченными „правами гражданства“ в литературном словоупотреблении, тем не менее играют огромную функциональную роль в общенародном языке. Речь идет о разговорной и просторечной лексике, а также о так называемых областных словах» (М. И. Скворцов, 1963, 32); ср. также: Ц. Б. Цыдендамбаев, 1969, 119.

По определению мы не относим к диалектизмам регионализмы, региональные варианты, т. е. такие слова, которые, являясь каждое само по себе литературным, ограничены в своем употреблении определенной географической областью. Хрестоматийными примерами таких регионализмов являются нем.

¹ О роли диалектизмов в ткани литературного произведения см.: Л. В. Щерба, 1957, 119.

Sonnabend (сев.)/Samstag (южн.), Schlächter (сев.)/Fleischer (вост.)/Metzger (южн.), Sahne (сев.)/Rahm (южн.)/Schmand (вост.), Harke (сев.)/Rechen (южн.)/fegen (сев.)/kehren (южн.) (В. М. Жирмунский, 1956, 103; ср. также; Е. Riesel, 1954, 100-107, где автор пользуется термином *territoriale Dubletten*). Ср., далее: русск. *ручка/вставочка* (Ленинград), *проездной (билет), карточка* (Ленинград), *баклажаны/синие* (южн.), *последний (в очереди)/крайний* (южн.); норв. *smug/smau* (Берген)/*veit* (Тронхейм) 'переулок', *fasle/fatle* (Берген) 'перевязь (для больной руки)' (А. В. Larsen og G. Stoltz, 1912, 175). Как правило, число таких региональных вариантов в литературном языке не слишком велико, кроме тех случаев, когда один и тот же язык является литературным одновременно в нескольких странах, как, например, английский² или, в особенности, испанский.³

Поскольку регионализмы являются словами литературного языка, то они должны наличествовать в словнике двуязычного словаря (как иностранно-родного, так и родно-иностранного).⁴ Пометы, указывающие на территориальную ограниченность такого слова (типа *сев., амер., Ленинград, Берген*), весьма полезны как тем, что сообщают читателю дополнительную информацию о переводимом им тексте, так и тем, что предостерегают его от возможных ошибок при конструировании предложений на иностранном языке. Разумеется, в ряде случаев во избежание дублирования текста рациональнее делать от одного регионализма отсылку к его синониму; при этом, конечно, важно соблюдать последовательность в предпочтении регионализмов того или иного ареала.

Диалектизмы в собственном смысле слова можно разбить на две основные группы: 1) диалектные слова, ограниченные сферой одного или нескольких диалектов и не употребляющиеся в общенациональном языке в силу того, что они обозначают понятие, не играющее в жизни всего данного языкового коллектива важной роли и потому не получившее в общенациональном языке особого обозначения; 2) диалектные слова, являющиеся синонимами общенациональных слов. Это важное для лексикографии разделение, к сожалению, не всегда осуществляется. Например, термин «областное слово» в «Ак. сл.» употребляется по отношению к словам и первой и второй группы, на

² А. Д. Швейцер (1967, 64—72), рассматривая различия в лексике американского и британского вариантов литературного английского языка, дает детальную классификацию регионализмов, выделяя, в частности: а) лексико-семантические дивергенты и б) лексико-семантические аналоги.

³ Примеры на регионализмы в испанском приводятся, в частности, у Г. В. Степанова (1963, 46—62). Для языков, которые являются литературными в нескольких государствах, важно, что многие слова могут в различных странах иметь разную стилистическую характеристику, например быть литературными в одном ареале и просторечными в другом и т. д.

⁴ Ср.: А. W. Read, 1962, 217.

что обратил внимание Ф. П. Филин, отметивший, что составители понимают под этим термином также «слово, обозначающее какое-нибудь местное явление (главным образом негородской жизни), безотносительно к географическому распространению слова. Иначе говоря, нередко отождествляют слово и обозначаемую им вещь, что вызывает путаницу в понимании словарных диалектизмов» (1957, 49).⁵ Аналогично снабжаются пометой *dialect.* слова обеих групп в NRO.

К первой группе диалектных слов, которую в отличие от второй мы будем называть периферийными терминами,⁶ относятся слова вроде русск. *матица*, *лядина*, *обжа*, норв. *tå(e)* 'проталина', *va(d)bein(e)* 'направляющая подставка для конца перемета, укрепляемая на борту лодки' и т. п. Эти слова по существу относятся либо к специальным терминам, либо к историзмам: они употребляются только сравнительно небольшой частью членов данного языкового коллектива и относятся в основном к очень специфическим или устаревшим элементам быта и производственной деятельности или же являются обозначениями столь специальных явлений природы, элементов ландшафта, флоры и фауны, что у общенационального языка не возникло потребности выработать для них специальных наименований. Поэтому между словом *матица* 'основная балка, поддерживающая потолочный настил в деревянных постройках', и современным строительным термином *прогон* 'горизонтальная главная балка в сооружении, служащая опорой для второстепенных балок', в сущности нет принципиальной разницы.

Диалектные слова второй группы можно разделить, беря в основу классификацию Н. М. Шанского (1964, 116—118), на следующие группы: а) фонетические, б) лексико-фонетические, в) собственно-лексические, г) лексико-словообразовательные, д) лексико-семантические. Фонетические диалектизмы — это слова того или иного диалекта, звуковой состав которых сводим к звуковому составу соответствующих им по значению слов литературного языка по устанавливаемой сетке звуковых соответствий между этим диалектом и литературным языком, например норв. диал. (область *Ryfylke*) *badn*, *bjødн*, *fjedл*, *edleve*, *paвн*, *habн* (Н. Christiansen, 1948, 174—179) вместо литературных *badн* 'ребенок', *bjørн* 'медведь', *fjell* 'гора', *elleve* 'одиннадцать', *paвн* 'имя', *havн* 'гавань'. В лексико-фонетических диалектизмах различия в звуковом составе не сводимы к массовым правилам звукоперехода от диалекта к литературному языку; ср. русск. *страм*, *павук*, *слухать*, *гумага* (Н. М. Шанский, 1964, 117), укр. *агрес*, *хочай* вместо *агрис*, 'крыжовник', *хоч* 'хоть' (И. М. Кириченко, 1951, 39). Собственно-лексические диа-

⁵ Это же отмечают А. И. Федоров (1963, 178) и Ф. П. Сороколетов (1966, 144).

⁶ Н. М. Шанский (1964, 118) употребляет в этом случае термин «этнографический диалектизм».

лектизмы представляют собой слова диалекта, синонимы которых в литературном языке имеют иную основу либо вообще отсутствуют: норв. диал. *krim(e)* 'насморк', литер. *spise*, *gogg* 'грязь', литер. *søle, gå (gjà)* 'шесть для сушки снопов', литер. *kornstaur*, укр. *бaбpoш* 'пачкун', *бaбpyля* 'неряха', *бeзнa* 'запущенное поле' (I. М. Кириченко, 1951, 33—39) и т. п. Лексико-словообразовательные диалектизмы отличаются от своих литературных синонимов словообразовательными элементами при тождестве корня: норв. диал. *mysu* 'сыворотка', литер. *myse, stugu* 'изба', литер. *stue*, русск. *вчера*, *завсегда*, *найтить* и т. д. Лексико-семантические диалектизмы, имея звуковой состав, сходный со словами литературного языка, отличаются от последних по значению (или дополнительным значениям); например, норв. *tunge* 'язык' имеет также в некоторых диалектах значение 'язычок (у обуви)', литер. *pløse, tam* 'ручной' — также 'привычный к чему-л., знакомый с чем-л.', литер. *vant til, kjent med, med 'с'* в диалектах также 'пока, в то время как', литер. *mens* и др. Нередко диалектизм может отличаться от соответствующего ему литературного слова несколькими моментами — звуковым составом и/или своим словообразовательным элементом и/или модификацией значения и т. п. Звуковое развитие фонетического диалектизма могло быть столь значительным, что только исторический анализ может установить, с каким видом диалектизма мы сейчас имеем дело — фонетическим или семантическим; например, норв. диал. *å₁* 'где' (<*hvar*), *å₂* 'что' (<*hvat*).

Существенным обстоятельством, затрудняющим решение лексикографических вопросов, является частое отсутствие четких критериев отнесения того или иного слова к диалектизмам или к другим пластам лексики. Так грань между диалектизмом и регионализмом может быть недостаточно отчетливой — то, что одними носителями языка считается ограниченным территориальными границами и «неправильным» в литературном языке, расценивается другими членами языкового коллектива как вполне литературное слово. Собственно говоря, оценивая то или иное слово как литературное или нелитературное, говорящие на данном языке руководствуются только своим языковым чутьем, не имея полной и объективной информации о распространенности этого слова, о его встречаемости у писателей или других лиц, бесспорно признаваемых в этом коллективе образцовыми стилистами, и т. д. Такой полной и объективной информацией далеко не всегда располагают и составители больших толковых словарей, имеющие в своем распоряжении обширные, но тем не менее в ряде отношений недостаточные картотеки.⁷ Поэтому в лексикографической практике

⁷ Ср.: А. И. Федоров, 1963, 183—184. — В той же работе (178—179) приводятся примеры различной трактовки одних и тех же слов в разных толковых словарях русского языка.

иногда при пометах употребляются слова, ограничивающие категоричность отнесения слова к той или иной области лексики (это относится, разумеется, не только к интересующим нас в данный момент диалектизмам). Например, в NRO перед пометой *dial.* (= обл.) составители иногда пишут *mest* 'в основном, скорее': *tryte... mest dial.*; ср. также помету *chiefly British*, предлагаемую А. У. Ридом (А. W. Read, 1962, 221).

Весьма условна, далее, и грань между диалектизмом и просторечием. В ряде стран просторечие обязательно носит на себе диалектную окраску, как, например, в Норвегии. Многие просторечные слова в норвежском имеют разные формы в районе Осло и районе Бергена. Ср.: *å* (Осло) и *korr, kår(r)* (Берген) 'где'—*hvor, å* (Осло) и *ka* (Берген) 'что'—*hva, åssen* (Осло) и *koleddns, kolissn, klissn* (Берген) 'как'—*hvordan, hvorledes, hue* (Осло) и *håvve* (Берген) 'голова'—*hode* (А. В. Larsen og G. Stoltz, 1912, 129, 162, 164). В таких случаях уместно говорить о региональных просторечных словах. По-видимому, именно это явление имеется в виду, когда слово в словаре (толковом или двуязычном) снабжается двойной пометой *обл. прост.* или *dial. fam.*

После этих предварительных замечаний обратимся к рассмотрению вопроса о включении диалектизмов в словник двуязычного словаря. Словарь обычно служит целям перевода с одного литературного языка на другой и не может одновременно выполнять функции пособия для перевода с одного диалекта или группы диалектов одного языка на другой язык. Если исходить из этого положения, то диалектизмы вообще следовало бы не включать в словник переводного словаря. Однако имеются два момента, делающие неправомерным такой прямолинейный подход. Во-первых, во многих значительных литературных произведениях на большом количестве языков широко используются диалектизмы,⁸ а в идеале «пользующийся словарем и работающий с текстом, скажем, художественной литературы вправе получить информацию о каждом слове, встретившемся ему в тексте, независимо от нормативной квалификации слова».⁹ При этом следует помнить, что в литературе (как в художественной, так и публицистической) на многих языках широко употребляются не только отдельные диалектные слова и выражения, но и даются целые реплики на диалектах, например почти у любого современного норвежского писателя, пишущего о норвежской жизни. (Мы не затрагиваем здесь вопроса о том, что в ряде стран существует богатая литература на диалектах,

⁸ Из классической русской литературы достаточно указать на Н. С. Лескова (см., в частности: С. Schwenke, 1968, 333—352).

⁹ Л. Копецкий, 1962, 523. — Эта идея осуществлена в Большом русско-чешском словаре, вышедшем под редакцией Л. В. Копецкого. При составлении словаря использована обширная картотека, в которой расписан ряд важнейших произведений русской литературы. Ср. критику этой установки А. М. Бабкиным (1955, 91—92).

поскольку помощь в переводе такой литературы не входит в задачу обычного переводного словаря). Во-вторых, во многих языках в разговорной речи даже образованных слоев населения используется большое число диалектизмов, в особенности региональных просторечных слов, что, в частности, отражается в литературе.

Эти обстоятельства заставляют составителей двуязычных словарей включать в словник известное количество диалектизмов. Вместе с тем приходится признать, что диалектизмы, как правило, помещаются в двуязычные словари спорадически и неполно; так что по крайней мере решение одной из намеченных задач — быть безотказным источником информации при переводе художественной литературы — достигается крайне редко. Л. В. Копецкий отмечал (1962, 523), что нет ни одного русско-иностранного словаря, который полностью охватывал бы лексику Шолохова, Есенина, Гладкова и других советских писателей.¹⁰ Проблема, с которой сталкивается составитель двуязычного словаря, состоит в том, чтобы, с одной стороны, дать читателю сведения обо всех словах в текстах, на перевод которых словарь рассчитан, т. е. в первую очередь в наиболее значительных произведениях литературы на этом языке, с другой — не допустить перегрузки словаря диалектизмами, которые не будут «работать».¹¹ Надо сказать, что все диалектизмы вряд ли в состоянии охватить даже многотомный толковый словарь, в особенности если язык характеризуется значительным количеством диалектных различий. Для двуязычных словарей такая задача явно неосуществима, в лучшем случае они включают в себя несколько форм из обширного ряда. Например, дифференциальный норвежско-датский словарь («N.-d. ordb.», 1955) из ряда диалектных форм косвенного падежа личного местоимения 2 л. мн. ч., например *dår, døkk, døk, dikkån, deka, døde, dåkk, dikan, dykker, døkkar, dokker* (H. Christiansen, 1948, 130), *dekk* и др., дает только *dokker* и *dekk*. «Норв.-п.-сл.», 1963 дает только *dokk*. Ср. далее: *vækka, vika, vike, vekka, vek, viku, vuку, vukku, vokko* (A. Bjerke, 1966, 14—15), *veke* и др. 'неделя', из которых оба названных словаря отражают только форму *veke*.

Таким образом, составитель неизбежно должен включить в словник известное количество диалектизмов. С другой стороны, учитывая явно ограниченную ценность этой информации (Е. С. Истрина, 1944, 84), важно отобрать из них только те, наличие которых в словаре определяется его задачами. Практически это означает, что при отборе диалектизмов для словника двуязыч-

¹⁰ Отмечалось, что в настоящее время также невозможно прочитать современный турецкий роман с помощью какого-либо из существующих словарей (A. Tietze, 1962, 269).

¹¹ Ср. справедливое замечание А. И. Федорова (1963, 175): «Многие областные слова, встречающиеся в языке писателей, не имеют широкого распространения по говорам, с другой стороны, значительное количество широкоизвестных областных слов не встречается в языке писателей».

ного словаря должна учитываться их функциональная роль в языке литературы,¹² т. е. составитель должен основывать свой выбор на неких объективных критериях, а не на своей интуиции, личных склонностях, либо на очень расплывчатых и субъективных понятиях «экспрессивной ценности в составе стилей литературной речи» (С. И. Ожегов, 1952, 90; текстуально то же: И. И. Лавров, 1952, 220; М. Филипова-Байрова, 1959, 233), «общественно-исторического значения» и т. п. Представляется, что решение подобной задачи непосильно составителю двуязычного словаря и, собственно, не вопрос его компетенции. Он должен иметь в своем распоряжении тщательно выработанный специалистами по входному языку список таких диалектизмов, составленный на основании анализа лексики важнейших произведений литературы на этом языке. Этот список диалектизмов будет входить в словники разных словарей с данным языком в качестве входного. Конечно, оставаясь в основе своей неизменным, этот список в зависимости от выходного языка может подвергаться некоторым модификациям, о чем будет сказано ниже.

Беря, однако, функциональную роль диалектизмов в письменных текстах на данном языке в качестве основного критерия целесообразности их включения в словник, мы должны сделать некоторые уточнения. Представляется нецелесообразным включение в словник двуязычного словаря фонетических диалектизмов.¹³ Во-первых, как уже отмечалось выше, эта задача в полном объеме для многих языков и нереальна ввиду огромного количества таких фонетических вариантов. Во-вторых, эта задача в ряде случаев невыполнима чисто технически, поскольку в диалектах могут наличествовать аллофоны и фонемы, для обозначения которых алфавит литературного языка недостаточен и требуются особые знаки. В-третьих, и это самое главное, приведение этих слов к словарному виду подчиняется правилам, носящим массовый характер, так что для определения их значения пользующемуся словарем достаточно знать эти правила перехода и не обязательно иметь эти фонетические диалектизмы в виде особых вокабул в словаре.

Последнее соображение приводит нас к одному принципиальному выводу. В словарях с входным языком, характеризую-

¹² Ср.: «Лексические варианты, представляющие диалектные различия, должны включаться в словарь, если они встречаются в текстах; при этом их включение должно в большей степени определяться их текстовой, нежели их полевой частотой» (O. L. Chavagria-Aguilar and H. Pentzl, 1962, 242). Этот же путь как один из возможных указывает А. Титце (A. Tietze, 1962, 269). Ср. также: А. И. Федоров, 1963, 181.

¹³ O. L. Chavagria-Aguilar and H. Pentzl, 1962, 242. — А. И. Федоров (1963, 180) мотивирует нецелесообразность включения фонетических диалектизмов в словник толкового словаря тем, что они понятны читателю и не имеют никаких перспектив для проникновения в литературный язык, поскольку не вносят в словарный состав языка ничего нового.

щимся наличием диалектов, отражение которых в литературе часто имеет место (например, с норвежским, пашто, турецким), словарь должен дать читателю сведения о том, как эти фонетические диалектизмы могут быть приведены к словарному виду — аналогично тому, как грамматический очерк при словаре сообщает читателю информацию о способах приведения текстовых форм слова к словарным. В приложении к словарю, таким образом, целесообразно в сжатой форме и в обозримом виде дать основные сведения по диалектным особенностям входного языка. Разумеется, не для всех языков эта задача окажется выполнимой: иногда различия между отдельными диалектами как в области фонетики, так и в области грамматики (лексические различия нас в данной связи не интересуют) могут быть очень большими, однако чем больше будут отличия диалекта от литературного языка, тем менее он будет понятен остальной части населения страны, и, следовательно, тем менее вероятно появление таких диалектизмов в литературе, рассчитанной на широкие круги читателей, без каких-либо комментариев.¹⁴

В дополнение к списку диалектизмов входного языка, независимому от выходного, в определенных случаях возникает необходимость вводить некоторые диалектизмы, важные для общения именно двух конкретных языковых коллективов — носителей входного и выходного языка. Тут играют роль следующие факторы. Во-первых, для носителей выходного языка, имеющих непосредственные торговые, хозяйственные или иные связи с пограничным районом страны, где говорят на входном языке, диалектизмы этого пограничного района особенно актуальны. Точно так же обстоит дело, если на входном языке говорит значительная часть населения страны, где основным языком является выходной (например, диалектизмы финляндско-шведского для финнов). Во-вторых, составитель словаря должен также учитывать характер тех специфических текстов, которые могут переводиться при помощи этого словаря, в дополнение к обычному для разных языков кругу текстов, например лексические особенности текстов по культуре и быту народа выходного языка.¹⁵

¹⁴ В шведском переводе романа Вайнё Линны «Неизвестный солдат» все реплики на финских диалектах переданы при помощи различных финляндско-шведских диалектов, в значительной степени непонятных шведскому читателю (в особенности жителю Швеции, а не Финляндии). В конце перевода помещено краткое описание особенностей этих диалектов и приложен словарь, в котором диалектные шведские слова переведены на литературный шведский язык.

¹⁵ Ср.: «В связи с этим представляется необходимым отобразить в словаре (русско-чувашском.— В. Б.) названия тех предметов и понятий, которые играют (или играли в прошлом) большую роль в жизни чувашского народа, характеризуют его национальный быт, обычаи, трудовые процессы и т. д. По содержанию это в основном крестьянская бытовая лексика, например отсутствующие в словаре 1951 г. *веря* (чувашские переводы для

Вышеизложенные соображения относительно места диалектной лексики в двуязычных словарях касались главным образом случаев, когда язык обладает прочной литературной традицией, и поэтому граница между общенациональной и областной лексикой относительно четка. В случаях же, когда язык не имеет такой традиции, работа лексикографа значительно усложняется. Так, например, в отношении современного китайского языка оказывается крайне трудно избежать диалектизмов, в особенности употребительных в Пекине.¹⁶ В современном греческом языке образцом считается речь образованных афинян, но местные варианты литературного языка также считаются допустимыми. Поэтому местные лексические варианты могут так же использоваться в речи образованных слоев населения, как и их афинские эквиваленты. По этой причине такие слова должны быть причислены к литературному греческому языку (Н. Каһане and R. Каһане, 1962, 254). В этом случае, по-видимому, правильнее говорить не о диалектизмах, а о регионализмах. Особенно сложна работа составителя словаря, когда язык вообще не имеет письменной традиции, как, например, язык jingphaw, на котором говорит несколько сот тысяч человек в Индии, Китае и Бирме и который является lingua franca для обширной территории. Лексикографу, составляющему словарь этого языка, крайне трудно или вообще невозможно отделить регионализмы и даже заимствования (W. S. Cornyn, 1962, 274).

В заключение представляется необходимым подчеркнуть тот самоочевидный факт, что диалектизмы, включенные в словарь, обязательно должны снабжаться специальной пометой (например, *обл.*, *диал.*). В противном случае пользующийся словарем может, запомнив это слово, употребить его в контексте, не допускающем диалектизма, или вообще оказаться непонятым. Вместе с тем в лексикографической практике это элементарное правило не всегда соблюдается. Например, в «Норв.-р. сл.», 1963 без всякой пометы даны диалектные слова lagom, skut, skvale, tråkle seg, vøgen, uven, åt и огромное множество других, имеющих, кстати, помету dial. в NRO.¹⁷ Ряд

краткости опущены. — В. Б.), *донце, обротъ, скальница, жегало, веселка, мазница* и т. п.» (М. И. Скворцов, 1963, 33). Однако эту правильную мысль М. И. Скворцов аргументирует не тем, что такая лексика встречается в русских текстах по чувашской этнографии, представляющих для чувашского читателя особый интерес, а тем, что «русско-чувашский словарь призван быть также пособием для сопоставительного изучения чувашского языка, его лексического богатства и словообразовательных средств, а также культуры и быта чувашей» (там же).

¹⁶ P. Kratochvíl, а. о., 1962, 263. — Составители чешско-китайского словаря старались избежать включения пекинских диалектизмов.

¹⁷ Впрочем, в этом словаре также сознательно не ставятся в ряде случаев пометы *редк.* (необходимые, например, при словах skumle, hustraverske, uvaersågod и др.; последнее слово создано К. Гамсуном и употреблено им

примеров на отсутствие необходимой пометы при областных русских словах в русско-шведских словарях приводится С. С. Масловой-Лашанской (1961, 103).

один раз), *уст.* или *поэт.* (*årle*) и т. д. В своей педагогической практике мы сталкивались со случаями, когда студенты, запомнив то или иное редкое диалектное слово или выражение в этом «Норв.-р. сл.», 1963, где оно не имеет никаких ограничительных помет, употребляли его в пересказах, сочинениях и т. д.

§ 9. СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА

Одним из важных вопросов, подлежащих решению при разработке словника двуязычного словаря, является вопрос о включении в него собственных имен.

До сих пор не предложено определения имени собственного, которое было бы принято по крайней мере большинством лингвистов. Более того, высказывается даже мнение, что при нынешнем уровне развития науки эта задача невыполнима.¹ Как неоднократно отмечалось в литературе (например, В. Sciacone, 1964, 73—82; М. И. Стеблин-Каменский, 1969, 99—101), в основном, существуют две точки зрения на собственные имена: одни исследователи считают, что собственные имена не выражают понятий, что они денотируют, но не коннотируют (из представителей этого взгляда в первую очередь следует назвать Дж. С. Милля и А. Гардинера), тогда как другие утверждают обратное, считая, что собственное имя выражает понятие (эта точка зрения отстаивалась, в частности, О. Есперсенем).

В качестве рабочего мы будем пользоваться здесь следующим определением. Под собственными именами будут подразумеваться существительные или тождественные им по синтаксическим функциям словосочетания, предназначенные только для наименования единичных объектов и не соотносящие эти объекты с классами однородных им объектов. Мы отдаем себе отчет, что данное определение, сходное со многими предложенными (например, Л. А. Булаховский, 1953, 102; О. С. Ахманова, 1966, 175; А. А. Реформатский, 1967, 60), имеет один существенный недостаток: в нем не отражен тот факт, что имена даются объектам, как правило, не произвольно, а таким образом, что определенный разряд имен присваивается определенному разряду объектов, объединенных одним или несколькими общими признаками. Имена *Сергей* или *Геннадий*, как правило, сообщают нам, что объект, названный этим именем, — лицо

¹ «Пока еще неосуществимо точное определение имени собственного, и скоростная погоня за ним напрасна без подготовительных работ в философии, психологии и самой лингвистике» (В. А. Никонов, 1966, 13).

мужского пола, имеющее в качестве родного языка русский. В Норвегии Inge — мужское имя, в Дании — женское.² Имена *Демидовка* или *Солнечное* — скорее всего названия населенных пунктов в русскоязычных районах СССР и т. д.

Теоретически любой материальный объект — как одушевленный, так и неодушевленный — может иметь собственное имя. Поэтому попытка дать исчерпывающую классификацию собственных имен по их значению является попыткой дать исчерпывающую классификацию материальных объектов мира, что едва ли осуществимо. Можно, например, показать, что довольно полные классификации А. А. Реформатского (1964, 22—24), Л. П. Ступина (1963, 141), В. М. Томильчика (1966, 125) не охватывают всего многообразия объектов, которые могут иметь собственные имена, и скорее являются не классификациями, а перечислениями некоторых основных групп имен собственных.

По роли в языке имена собственные можно разделить на собственные имена в узком смысле слова, т. е. слова, используемые только для наименования единичных объектов (что, разумеется, не исключает возможности использования их в переносном значении как нарицательных, т. е. для обозначения классов предметов), и собственные имена в широком смысле слова, т. е. любые слова, употребляемые в языке как в качестве собственных, так и в качестве не собственных. Среди собственных имен в узком смысле слова можно выделить первичные и вторичные, называя вторичными собственные имена, употребляемые для обозначения предметов иных классов, чем те, которым первоначально было дано имя (первичное), например гостиница «Leipzig» (В. М. Томильчик, 1966, 126).

Таким образом, собственными именами в узком смысле слова будем считать такие слова, как *Андрей*, *Sigurd*, *Пушкин*, *Волга*, «*Илиада*», «*Астория*» и т. п. Собственными именами в широком смысле назовем слова и словосочетания типа *Большой проспект*, «*Fram*», «*Известия*», «*Герой нашего времени*» и др.

Выделяются следующие разряды собственных имен по грамматическим типам:

1) существительные: *Сергей*, *Тимофеев*, *Per*, *Eldsvold*, *Сократ*, *Ленинград*, *Исландия*, *Земля*, «*Правда*», «*Бранд*», «*Астория*», «*Уют*»;

2) словосочетания: *Сергей Тимофеев*, *Михаил Иванович*, *Северная Пальмира*, *Ultima Thule*, *Могучая кучка*, *De store fire* (= 'Великая четверка': норвежские классики Ибсен, Бьёрнсон, Хьелланн и Ли), «*Литературная Россия*», «*Мои университеты*», «*У чаши*»;

² Ср.: «Ein bestimmter Vorname sagt meist dies und jenes über den Namensträger (Religion, Nationalität, Gesellschaftsschicht, Altersschicht) aus» (E. Eichler, 1966, 154).

3) любые части речи, подвергшиеся субстантивации: «Приморский», «Fram», Догоняй, Passopp, «Pourquoi-pas», Vær Glad.³

Собственные имена — разница от языка к языку тут, по-видимому, невелика — составляют значительный процент слов речи.⁴ Многие из них обладают в речи данного языкового коллектива или ряда языковых коллективов весьма высокой частотностью. Из этого следует, что в процессе перевода человек очень часто сталкивается с проблемой передачи имени собственного на другом языке.

Достаточно тривиальным будет утверждение, что наименование одного и того же единичного объекта (т. е. одно и собственное имя) будет в огромном количестве случаев произноситься различно в разных языках. Ср., например, русск. [sa'kra'tɕ], нем. [ʔo : kraʔəs], норв. [ʔu : kratəs], исп. [ʔəkratəs], болг. [ʔəkratɕ], англ. [ʔəkrəti : z], фр. [sə'kra : tɕ] и т. д.; русск. Людовик (XIV), фр. Louis, норв. Ludvig, нем. Ludwig, исп. Luis, болг. Лю́довик (или Луй); русск. Швеция, норв. Sverige, нем. Schweden, исл. Svíþjóð и т. д.⁵

Это в особенности относится к именам собственным в широком смысле: русск. «Преступление и наказание», норв. «Raskolnikov», дат. «Brøde og straf», фр. «Crime et châtiment», нем. «Schuld und Sühne».

Поскольку идеалом речи говорящего на иностранном языке является речь носителей этого языка, то и собственные имена, естественно, также должны произноситься иностранцем в соответствии с тем, как они произносятся носителями данного языка. Иное произношение их является простой ошибкой,⁶ в том числе и, казалось бы, «правильное» произношение этих имен в соответствии с произношением их в «родном» языке. С точки зрения современного русского языка, например, будут неправильны формы Хайнэ (Heine), Шейкспиа (Shakespeare), Хамсун (Hamsun), Кёбенхаун (København),

³ В переводе 'Будь весела' (имя одной из героинь романа норвежского писателя Э. Велле-Странна «Полярные люди»).

⁴ Например, в латышских газетно-журнальных текстах из 300 000 словоупотреблений 17 311 приходится на собственные имена (4966 слова). Характерно, что соответственные цифры для научно-технического текста 1176 и 473 (Т. Јакубаите и др., 1969, 21).

⁵ Ряд аналогичных примеров можно найти в статье А. В. Суперанской (1964, 35—64).

⁶ Мы не говорим уже о возможных случаях непонимания собеседниками друг друга. Нам пришлось наблюдать, как, говоря по-русски, один из собеседников произнес [ʔækrɕ], а другой не понял, что речь шла о Теккерее. Один русский, прилично владевший французским языком, слушая во Франции ежедневные сводки погоды, долго не понимал, что упоминаемый в этих сводках город Ажаксьё — по-русски называется Аяччо. Ср. далее: яп. Райнутихи (Leipzig), Уотаро (Waterloo), Нью Хампшир (New Hampshire), Цурон (Toulon), Исуразру (Israel), Сиатору (Seattle), Сёсугаковитти (Шостакович), Фува (Hoover), Руса (Reuther) и т. д. (Примеры любезно предоставлены А. А. Бабинцевым.)

Баленсья (Valencia), Услу или Ушлу (Oslo), Етеборь (Göteborg) и т. д. Точно так же неверным будет произносить, говоря по-норвежски, русские формы имен Ленинград, Толстой, Пушкин, Большой (театр) вместо общераспространенных Léningrad, Tólstoi, Bólsjoi.⁷ Поэтому, попросту говоря, немцу, говорящему по-русски, так же важно знать, что Heine называется по-русски Гейне, как то, что Hyperbel — это по-русски гипербола, а Parodie — пародия.

Из сказанного можно сделать вывод, что для процесса межъязыкового общения правильность передачи имени играет важную роль.

Отметим попутно, что с точки зрения передачи имен собственных при переводе на иностранный язык (например, с русского на французский) несущественно, имеем ли мы дело с именем объекта, принадлежащего языковому коллективу входного языка (Михаил, Толстой, Иваново, «Война и мир»), с именем объекта коллектива выходного языка (Пьер, Лафонтен, Тулуза, «Боги жаждут») или с именем объекта, принадлежащего какому-либо третьему коллективу (Чарльз, Шекспир, Глазго, «Смерть героя»). Для правильного перевода с русского на норвежский имен собственных Тяньцзинь и Конфуций нам неважно знать, как эти имена произносятся по-китайски. Это — факты русского языка, точно так же, как и соответствующие им норвежские Tientsin и Konfucius — факты норвежского языка. В дальнейшем изложении, говоря о собственных именах какого-либо языка, мы будем также иметь в виду употребляемые в этом языке собственные имена иноязычного происхождения.

Существуют две принципиальные возможности передачи имен собственных одного языка на другой: 1) звукопередача и 2) перевод (нефонетическая передача).⁸

Под звукопередачей понимается такое соотношение имени собственного определенного объекта в одном языке с именем этого же объекта в другом языке, когда звуки и звукосочетания одного языка последовательно передаются звуками и звукосочетаниями другого языка по чисто формальным правилам, носящим массовый характер. Эти правила звуковых переходов имеют, таким образом, порождающую силу; по ним осуществляется передача новых имен входного языка на выходной язык.

Разумеется, желательно, чтобы такая система переходов от звуков одного языка к звукам другого языка была наиболее рациональной с точки зрения фонематической и эвентуально

⁷ В этом последнем случае вообще было бы естественным ожидать перевод: *Det store teater*.

⁸ А. А. Реформатский считает актом перевода любой акт переинформации со сменой лингвистической ситуации, и с этой точки зрения и собственно перевод, и транскрипция — разновидности одной и той же проблемы перевода (1966, 204). Дж. Кэтфорд называет этот процесс фонологическим переводом (J. C. Catford, 1965, 56—61), а Л. С. Бархударов — переводом на уровне фонем (1969, 4—5).

1. Нерегулярная звукопередача. Нерегулярной, или неправильной, является такая звукопередача, которая в отдельных деталях противоречит действующим в данное время правилам перехода от звуков и звукосочетаний какого-либо иностранного языка к данному конкретному языку. Например, русская форма норвежского имени *Гамсун* (Hamsun) нерегулярна, поскольку в последние десятилетия стало единственно употребительным прочтение норв. h как х (ср. Heyerdahl — *Хейердал*, Hardanger — *Хардангер*, Hammerfest — *Хаммерфест*). Ср. далее нерегулярную передачу *Диккенс* (Dickens) и регулярную *Коллинз* (Collins), *Эптон Синклер* (Upton Sinclair) и *Андайк* (Updike), *Гюго* (Hugot) и *Юманите* (Humanite), *Париж* (Paris) и *Шабли* (Chablis), *Стиннес* (Stinnes) и *Штриттматтер* (Strittmatter) и т. п. Как возникают такие неправильные прочтения, впоследствии освящаемые традицией, вопрос особый, но он нас в данной связи — при синхронном подходе — не интересует. Существенно то, что, как уже подчеркивалось, иное (правильное) прочтение этих имен в данном языке будет восприниматься как ошибка.

Частным случаем такой нерегулярной звукопередачи является «перевод» личных имен, т. е. замена иностранного личного имени этимологически тождественным ему именем родного языка. Это особенно характерно для имен многих известных исторических лиц. Ср.: русск. *Авраам Линкольн* (Abraham Lincoln), *Генрих*¹² *Манн* (Heinrich Mann),¹³ *Иммануил Кант* (Immanuel Kant), и др. «Перевод» личных имен является в ряде языков правилом прежде всего в отношении библейских имен (ср. русск. *Моисей*, англ., нем., норв. Moses, фр. Moïse, исл. Móse и т. д., а также для имен королей, императоров, пап и т. п. Впрочем, замена личных имен языка — оригинала этимологически тождественными им именами языка перевода встречается иногда и при переводах художественной литературы; например, исландский перевод романа «Jean-Christophe» носит название «Jóhann Kristófer», романа «Uncle Tom's Cabin» — «Kofi Tómasar frænda», «Alice's Adventures in Wonderland» — «Lisa í Undralandi» и т. п.

Существенной чертой этой группы случаев передачи собственных имен является то, что даже тогда, когда по одним и тем же «нерегулярным» правилам передается ряд имен (например, англ. [ʌ] — русск. [e]: Huxley — *Гексли*, Kutter — *Кеттер*, Hunt — *Гент*, Huckleburry — *Геккльберри*), эти правила, бывшие некогда массовыми, не имеют сейчас порождающей силы.

¹² Немецкое имя Heinrich вообще до сих пор по традиции передается русской формой *Генрих* (ср. ставшее сравнительно недавно известным русскому читателю имя Генриха Бёлля).

¹³ Но *Томас Манн*, а не *Фома Манн*. Это, очевидно, связано с тем, что имя *Генрих* всегда воспринималось в русском как иностранное, тогда как *Фома* в последние века, в основном, крестьянское русское имя. Ср., однако: *апостол Фома*, *Фома Аквинский*, *Фома Кемпийский*.

2. Индивидуальный, или единичный, перевод. Этим термином будет обозначаться случай, когда один и тот же объект имеет в данной паре языков собственные имена, звуковые составы которых не могут быть поставлены в соответствие друг другу по каким-либо закономерностям фонетического порядка.¹⁴ Здесь имеются в виду собственные имена в узком смысле слова, т. е. случаи переводов русск. *Германия* — нем. *Deutschland*, русск. *Греция* — исл. *Grikkland*, исп. *Gibraltar* — исл. *Njörvasund* и т. п.

Характерно, что между так называемой нерегулярной передачей и индивидуальным переводом нет четкой грани. Русск. *Франция* можно рассматривать и как нерегулярную передачу, и как перевод фр. *France*. Ср. далее: фр. *Loire* и исл. *Leira*, нем. *Lübeck* и исл. *Lýbika*.

Частным случаем переводов являются народные этимологии типа ит. *Venezia* — исл. *Feneyjar* 'болотистые острова', нем. *Rostok* — исл. *Rauðstokkur* 'красное бревно', калькирование типа шв. *Göteborg* — исл. *Gautaborg*, частичное калькирование типа греч. *Athenai* (совр. *Apine*) — русск. *Афины* (с переводом показателя мн. ч.), этимологизации типа русск. *Алма-Ата* для каз. *Алматы* и т. д.¹⁵

3. Особые сложности представляет вопрос о переводе имен собственных в широком смысле, т. е. собственных имен, которые либо целиком состоят из слов, употребляемых в языке также как нарицательные («*Правда*», «*Организация Объединенных Наций*», «*Война и мир*»), либо состоят из таких слов и собственных имен в узком смысле слова («*Жизнь Клим*», «*Самги-*

¹⁴ Таким образом, перевод имени отличается от транскрипции именно несводимостью отношения звуковых составов названий объекта в разных языках к звуковым соответствиям массового характера. Поэтому представляются недостаточными определения типа «под переводом мы понимаем возможность более или менее адекватной замены слова или выражения одного языка словом или выражением другого языка» (А. В. Суперанская, 1966, 163). При таком подходе понятие перевода включает в себя также транскрипцию. Отметим попутно, что устанавливаемые в цитируемой работе А. В. Суперанской правила перевода *versus* транскрипции географических названий не столь универсальны, как это представляется ее автору; так, например, вместо ожидаемого по схеме А. В. Суперанской норв. **Det nye land* для русск. *Новая Земля* мы имеем *Novaja Zemlja* (обычно с неверным — с точки зрения русского языка — ударением *Novája Zemlja*) и т. д.

¹⁵ А. А. Реформатский (1966, 205—206) выделяет для «собственного перевода» имен 3 случая: 1) чисто лексический перевод (название мыса *Доброй Надежды* на разных языках); 2) морфологический перевод, когда в эквивалентную передачу включаются только аффиксальные элементы (суффиксы, флексии, реже префиксы), это чаще всего бывает при взаимодействии родственных языков; 3) полуморфологический — полупонетический перевод, когда дело касается только фонетического оформления тех же морфем (сюда, очевидно, следует отнести случаи типа бел. *Барысай* — русск. *Барысов*, бел. *Зялёны* — русск. *Зелёный*, приводимые у Г. П. Бондарука (1966, 244), называющего это явление морфемной заменой). В указанной работе случаи типа *France* — *Франция*, *Deutschland* — *Германия* не рассматриваются.

на», «Курьер ЮНЕСКО»). Поскольку перевод таких имен или их элементов не органичивается ими, а распространяется на различные употребления этих слов (русс. «Война и мир» = норв. «Krig og fred», русск. *война* и в других контекстах переводится норв. krig, русск. *и* — норв. og и т. д.), назовем данный тип перевода массовым.

Подобно тому как между элементами фонематической системы языка А и элементами фонематической системы языка В устанавливаются массовые правила перехода (система звукопередачи), так и в между элементами лексики двух языков устанавливаются правила перехода. По этим правилам можно предсказать, какое слово языка В будет в определенном контексте соответствовать слову языка А при переводе с языка А на язык В.

Перевод имен собственных в широком смысле по установленным для данной пары языков лексическим переходам (случай «Война и мир» — «Krig og fred») назовем регулярным переводом.

При этом необходимо отметить, что подобно принципиально возможной множественности решений регулярной звукопередачи принципиально возможно — и притом, естественно, в значительно большей степени — более одного регулярного перевода имени собственного (в широком смысле). Эти две (редко более) возможности могут иногда быть обе реализованы (обычно в разное время). Ср. англ. «Great expectations» и русск. «*Большие ожидания*» и «*Большие надежды*». Как правило, однако, реализуется лишь один из возможных переводов. Альтернативы существуют не только в отношении лексических элементов таких собственных имен, но и в отношении их грамматической структуры. Например, русскому «*Мертвые души*» соответствуют два потенциальных варианта в немецком: «Die toten Seelen» и «Tote Seelen», но реализован только первый — с определенным артиклем; ср. норвежский реализованный перевод «Døde sjeler» (без артикля) при потенциально также возможном «De døde sjeler».

С точки зрения межъязыкового общения несущественно, какой из потенциально возможных вариантов перевода употребителен в данном языке.¹⁶ Существенно то, что другие, пусть даже и более удачные переводы будут восприниматься как ошибка.

Переводы, не предсказуемые по сетке лексических переходов для данной пары языков (т. е. случаи русск. «*Преступление и наказание*» и норв. «Raskolnikov», норв. «Et dukkehjem» и русск. «*Нора*»), будем называть нерегулярными.

¹⁶ Это вообще очень сложная проблема. Ср.: «Нет надежды найти в будущем сколько-нибудь надежный критерий для сравнения переводов по степени их адекватности» (И. Бар-Хиллел, 1962, 203).

Таким образом, устанавливаются следующие случаи передачи имен собственных одного языка на другой язык:

- 1) звукопередача (регулярная);
- 2) нефонетическая передача (перевод):
 - а) нерегулярная звукопередача,
 - б) единичный, или индивидуальный, перевод,
 - в) массовый перевод,
 - α) регулярный,
 - β) нерегулярный.

* *

*

Прежде чем перейти к вопросу о месте имен в двуязычном словаре, предварительно остановимся на том, как переводятся незнакомые читателю имена (как в узком, так и в широком смысле слова). Совершенно очевидно, что при переводе с иностранного языка на родной трудности будут значительно меньшими, нежели при переводе с родного языка на иностранный. Во-первых, все случаи регулярной звукопередачи не будут представлять затруднений. Во-вторых, основная масса случаев нерегулярной звукопередачи также не представит особой сложности. В-третьих, легко будут поняты случаи регулярного массового перевода. Трудности, таким образом, представят только имена собственные, находящиеся в соотношении индивидуального перевода и нерегулярного массового перевода. Вместе с тем в последнем случае знание объекта часто поможет найти правильный перевод, даже когда человек заранее и не знает, какое имя собственное в его родном языке соответствует данному иностранному имени. Так, например, по-видимому, без обращения к специальным статьям словаря русский читатель, знающий норвежский язык, сможет понять значение следующих норвежских имен, не встречавшихся ему ранее: *Karpp Gode N  r* 'Мыс Доброй Надежды', *Hviterussland* 'Белоруссия', *Forbundsrepublikken Tyskland* 'Федеративная Республика Германия', *den vantro Tomas* 'Фома неверный', «*Den innbilte syke*» '«Мнимый больной», «*Intet nytt fra vestironten*» '«На Западном фронте без перемен»' и т. п. и часто даже случаи типа «*Raskolnikov*» '«Преступление и наказание»' и «*Veien til livet*» '«Педагогическая поэма»'. Именно знание объекта, различных его качеств, т. е. экстралингвистические моменты, помогают при переводе на родной язык найти правильный перевод (русскому читателю чаще всего известно, что Раскольников — главный герой «Преступления и наказания» и т. д.).

Однако при переводе с родного языка на иностранный дело обстоит иначе. Если у антропонимов перевод исключен для фамилий, то перевод имени в принципе не исключен (например, при переводе с английского на русский имени *Abraham Lincoln*). При передаче имен другого языка, пользующегося тем же алфавитом, нередко опускаются диакритические знаки,

что приводит к иному прочтению имени; ср. норв. Dvorak — чеш. Dvořák (русс. *Дворжак*). Далее, заранее неизвестно — по крайней мере для имен наиболее известных исторических лиц или наиболее известных географических названий, — будет ли соответствие в данном случае «правильной звукопередачей» или «неправильной». Для ряда языков, кроме того, дополнительную сложность создают особые правила тонического ударения в собственных именах, например в норвежском и шведском.¹⁷ Особые трудности представляют случаи, когда какое-либо имя принадлежит языковому коллективу, пользующемуся иной графической системой, чем алфавиты данной пары языков (входного и выходного), например передача китайских, корейских или японских имен при переводе с русского на норвежский (ср. *Гоминдан* — Kuo-min-tang, *Синь-цзян* — Sinkiang, *Пхеньян* — Pyongyang, *Ким Ир Сен* — Kim Il Sung, *Ли Сын Ман* — Syngman Rhee, *Фудзияма* — Fudsjijama, *Рюкю* — Riu Kiu и т. д.).

Что же касается собственных имен в широком смысле, то, строго говоря, при переводе с родного языка на иностранный никогда нельзя заранее предугадать, будет ли здесь иметь место «регулярный» перевод или «нерегулярный». Ср., например, названия некоторых романов Достоевского в норвежских переводах: «*Бедные люди*» — «Fattige folk» (регулярный перевод, но одинаково вероятен был бы перевод «Fattige mennekker»), «*Униженные и оскорбленные*» — «De ydmykede og forurettede» (нерегулярный перевод, наиболее вероятно было бы «De ydmykede og fornærmede»), «*Идиот*» — «Idioten» (регулярный перевод), «*Записки из мертвого дома*» — «Opptegnelser fra det døde hus» (регулярный перевод), «*Преступление и наказание*» — «Raskolnikov» (нерегулярный перевод, регулярным было бы «Forbrytelse og straff»), «*Бесы*» — «De besatte» ('одержимые' — нерегулярный перевод), «*Братья Карамазовы*» — «Brødrene Karamasov» (регулярный перевод). Таким образом, из семи переводов регулярными можно признать только четыре; при этом один из них («*Бедные люди*») с равной вероятностью мог бы иметь другой вид. Следует также иметь в виду, что употребление артикля в заглавии художественного произведения трудно предсказуемо, т. е. например, можно было бы ожидать вариантов «En idiot» и «Idiot» (ср. приведенный выше пример: нем. «Die toten Seelen» — норв. «Døde sjeler»).

Сложность предсказания типа передачи имен собственных в широком смысле может быть проиллюстрирована случаем, когда собственное имя одного языка может транскрибироваться в другом языке и переводиться на третий. Так, например,

¹⁷ При описании распределения акцентов в норвежском и шведском ряд фактов просто не поддается обобщению. Это, в сущности, явления словаря (ср., например: 'Ibsen, 'Jensen, 'Hansen, 'Nilsen, 'Knutsen, но Larsen, 'Einat, 'Gunnar, 'Ragnar, 'Reidar, 'Steinar, 'Ivar, но 'Hjalmar и т. д.).

названия китайских газет и журналов транскрибируются по-русски, но переводятся на норвежский и исландский. Ср.: русск. «Женьминьжибао» и норв. «Folkets dagblad» 'народная газета' и исл. «Dagblað alþýðunnar» или «Alþýðudagblaðið» (в прессе нам встречались оба названия) и т. п.

Изложенное выше, как нам кажется, показывает ряд трудностей передачи разного рода собственных имен при переводе с одного языка на другой. Из этого следует, что говорящий или читающий на иностранном языке должен иметь пособие, которое позволило бы ему получить необходимую информацию о собственных именах в этом языке. Никто из лингвистов, насколько известно, не отрицает, что имена собственные входят в словарный состав языка, но практический вывод о необходимости их включения в двуязычные словари (исключение представляют географические названия) делается далеко не всегда.

Если поэтому среди лексикографов нет единого мнения о необходимости включения имен собственных в толковые словари,¹⁸ так как часть из них считает собственные имена объектом только энциклопедических словарей, то невнимание составителей двуязычных словарей к этим именам не может быть оправдано какими-либо теоретическими мотивами (ср. Н. М. Терещенко, 1967, 13). Вместе с тем взгляды составителей толковых словарей отражаются и на взглядах составителей переводных словарей. Так, например, невключение собственных имен в толковые словари, характерное для одноязычной лексикографии в СССР (ср. словари Ушакова, Академический и Малый академический), по-видимому, и является причиной того, что в двуязычных словарях, издаваемых у нас, из всех имен включаются только географические названия и — в единичных случаях — личные имена (в частности, в «Ан.-р. сл.», 1960).¹⁹

Очевидно, как велико и практическое неудобство подобного подхода. Отсутствие имен собственных в толковом словаре родного языка читателя — в общем беда, на практике легко исправимая, так как читатель может обратиться к энциклопедическому словарю; отсутствие же имен собственных в двуязычном словаре фактически означает невозможность для читателя узнать, как звучит данное имя в интересующем его языке, потому что наличие энциклопедических словарей на иностранных языках в домашних библиотеках или даже небольших библиотеках общего пользования — вещь очень ред-

¹⁸ Сводку некоторых взглядов по этому вопросу см.: Л. П. Ступин, 1963, 133—145.

¹⁹ Если, разумеется, не считать случаев, когда собственное имя либо употребляется в переносном смысле (и, следовательно, является нарицательным), либо входит в состав устойчивых словосочетаний, где оно тоже во многих случаях (типа *валять Ваньку*) не обозначает объекта, носящего данное имя; А. И. Молотков (1967, 23) предлагает в последнем случае использовать строчную букву (*валять ваньку, перейти рубикон, вот те христос*).

кая, а главное сам поиск интересующего читателя имени по энциклопедическому словарю может быть крайне сложен и трудоемок, в особенности при переводе с родного языка на иностранный, и зачастую требует большой изобретательности. Для того, например, чтобы определить, как по-русски называется тот китайский журнал, который по-норвежски называется «Den gode tape», надо, видимо, прочитать в энциклопедии в статье о Китае раздел о современной прессе. При переводе с русского на немецкий для правильной передачи имени *Бомарше* (Beaumarchais) недостаточно даже знания особенностей французской орфографии. Существенно в особенности то, что многих имен, актуальных для общения данных двух языковых коллективов, в энциклопедических словарях вообще может не быть.²⁰

Таким образом, отсутствие собственных имен в двуязычных словарях наносит значительный вред делу перевода и не может быть оправдано какими-либо теоретическими соображениями. К сожалению, в нашей переводной лексикографии в отношении собственных имен сложилась неправильная традиция. Нельзя не согласиться с Л. П. Ступиным (1967, 61), считающим, что «имена собственные остаются какой-то *terra incognita*, доступ к которой закрыт нашими лексикографами, причем закрыт искусственно».²¹ Представляется естественным и необходимым широкое включение имен собственных в словники двуязычных словарей.²² Предложение Л. П. Ступина (1967, 62) о создании двуязычных словарей имен собственных заслуживает серьезного внимания, тем более, что прецеденты уже имеются; ср., например: А. С. Кара-Моско, М. К. Токарський. Російсько-український словник географічних назв. Київ, 1953 (рец.: Л. С. Паламарчук, 1954, 68—72); С. П. Левченко, Л. Г. Скрипник і Н. П. Дзятківська. Словник власних імен людей (Українсько-російський і російсько-український), 3-е вид. Київ, 1967; Н. Капул. Словарь японских фамилий. М., 1949; Е. А. Фолькман. Словарь японских имен и фамилий. М., 1953, 2-е изд., 1958; А. П. Аболмасов и Л. А. Немзер. Словарь японских географических названий. М., 1959. В книге «Справочник по орфографии и орфоэпии иноязычных имен собственных в латыш-

²⁰ В этом параграфе речь идет лишь о передаче имени собственного. Вопрос о значении, культурных коннотациях имени собственного рассматривается во II части работы.

²¹ Справедливость требует отметить, что отечественная лексикография прошлого (например, в XVIII—XIX вв.) уделяла собственным именам значительно больше внимания, чем современная.

²² О необходимости включения ряда классов собственных имен в переводной словарь (в том числе имен исторических деятелей, названий наиболее известных произведений мировой литературы и др.) мы писали еще в 1960 г. в заявке на составление «Русско-норвежского словаря», что нашло отражение в издательском договоре (№ 94, 16 ноября 1960 г., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей).

ском литературном языке» (чч. 1—10. Рига, 1960—1963) даны с переводом на латышский собственные имена эстонские, чешские и словацкие, немецкие, литовские, польские, английские, испанские, французские, финские и географические названия США. Правда, по чисто издательским причинам такие словари обычно практикуются только для пар «больших» языков, т. е. когда тот или иной входной язык изучается достаточно большим числом носителей выходного языка, например для пар «английский — русский», «русский — немецкий» и т. д.; ср., однако, названное выше латышское справочное издание.

Родно-иностранный словарь должен включать в себя все собственные имена, которые по критерию употребительности признаются важными для общения данных двух языковых коллективов. При этом совершенно неважен тот момент, каким из возможных способов передается данное имя в выходном языке (регулярная звукопередача, нерегулярная передача, регулярный или нерегулярный перевод), поскольку, подчеркиваем еще раз, по виду данного имени нельзя определить, каким способом оно будет передаваться в интересующем нас иностранном языке.²³ Напомним еще раз, что для ряда языков читатель сможет только в словаре найти сведения о суперсегментных характеристиках имени; ср.: норв. 'Heine, 'Morse, 'Rilke, 'Noske, 'Heyse, 'Goethe, 'Dante и др.

В иностранно-родном словаре набор собственных имен может, разумеется, при необходимости быть сокращен за счет имен, находящихся в данной паре языков в отношениях звукопередачи и регулярного массового перевода. Ряд имен, передаваемых посредством нерегулярной звукопередачи и нерегулярного массового перевода (при достаточной близости в двух языках), также может быть опущен. Однако это целесообразно только тогда, когда не предусматривается возможность эффективного использования этого словаря в качестве родно-иностранного для носителей другого из данной пары языков.

Поскольку в практике перевода несомненно может возникнуть потребность в передаче имен, в силу тех или иных причин отсутствующих в словаре (из-за недостаточной их актуальности для массового читателя, возникновения их или приобретения ими актуальности после окончания составления словаря и т. п.), в приложении к словарю целесообразно помещать

²³ В целях экономии места, впрочем, в принципе возможен и иной подход, аналогичный подходу в дифференциальных словарях. Можно не включать в словарь все случаи регулярного чтения или перевода (ср., однако, сказанное выше о принципиальной неединственности регулярных переводов), а помещать только случаи нерегулярной передачи, сделав, таким образом, само отсутствие имени собственного в словаре указанием на регулярность передачи. Такой подход страдает рядом недостатков, самым существенным из которых, по-видимому, будет психологический момент: читатель всегда сможет сомневаться в том, имеет ли он дело со «значимым» пропуском или со случайным.

правила транскрипции имен входного языка на выходной.²⁴ При увязке таблицы таких правил транскрипции с фонетическим очерком при словаре она может быть очень компактной, а польза от нее будет несомненной, так как наличие авторитетного и, главное, общедоступного руководства по транскрибированию будет препятствовать той кустарной самодеятельности в передаче иноязычных имен, которая, как широко известно, приносит много вреда.

В ряде случаев при транскрибировании имя подверглось неоправданной деформации, вызываемой разными причинами (в том числе и недостаточной квалификацией первого транскриптора). Наиболее употребительные из таких неверных транскрипций становятся традиционными, и изменить их, как бы это ни было целесообразно, практически невозможно. Вряд ли теперь привелись бы в русском языке «правильные» написания *Хайдельберг* (*Гейдельберг*), *Уотерлу* (*Ватерлоо*), *Шико-гоу* (*Чикаго*), *Иллиной* (*Иллинойс*), *Пари* (*Париж*), *Услу* (*Осло*) и т. д.²⁵ Но словарь может исправить неправильную транскрипцию в случае, когда она еще не стала традиционной из-за сравнительно малой употребительности имени. В таких случаях полезно указать, что употребляемая форма неправильна. Таким образом, двуязычный словарь может быть в определенной степени нормативным в отношении транскрипции.

Список имен входного языка, естественно, будет в сильной степени зависеть от выходного языка. Очевидно, что тематика межязыкового общения разных пар языковых коллективов будет существенно различной. Имена вроде *Ставангер*, *«Отцы и дети»*, *Хлестаков*, *Харальд Прекрасноволосый* и т. д., актуальные для русско-норвежского языкового общения, мало актуальны для общения, например, голландцев с португальцами или венгров с мальгашами. Античная мифология актуальна для общения языковых коллективов европейского культурного ареала, но, по-видимому, не будет полезным широкое включение древнегреческих и римских мифологических имен в монгольско-китайский словарь. Это достаточно очевидно, и нет нужды дольше останавливаться на этом.

Необходимо подчеркнуть, что двуязычные словари должны также отражать употребительные во входном языке перифрастические обозначения единичных объектов (в том числе и поэтические наименования). Подобные обозначения в особенности характерны для обозначения стран и городов, например: *Белокаменная* (Москва), *Северная Пальмира* и *город на Неве* (Ленинград), *Вечный город* (Рим), *(Туманный) Альбион* (Ан-

²⁴ Известный нам пример включения такой информации — таблица правил транскрипции русских собственных имен в русско-эстонском словаре («*Vene-eesti sõnaraamat*», 1967, 830—831).

²⁵ Ср., однако, «Р.-нем. сл.», 1965, дающий для русск. *Севастополь* только перевод *Sewastopol*, игнорируя традиционное *Sebastopol*.

тлия), Страна восходящего солнца (Япония), нем. Messestadt (Лейпциг), Blumenstadt (Эрфурт), Elbestadt (Дрезден),²⁶ норв. Tigerstaden 'город-тигр' и byen med det store hjerte 'город с большим сердцем' (Осло), Rosenes by 'город роз' (Молде), Plankebyen 'город досок' (Фредрикстад), Sagaöya 'остров sag', (Исландия), den grønne øy 'зеленый остров' (Ирландия, перевод англ. the Green Isle), Kiellands og Bjellands by 'город Хьелланна и Бьелланна'²⁷ (Ставангер), исл. borgin við Sundið 'город у Эресунда' (Копенгаген), Frón 'земля' и Ísafold 'земля льдов' (Исландия), англ. Erin (Ирландия) и т. п. Ср. далее *Король-солнце* (калька фр. le roi-soleil — Людовик XIV), нем. der eiserne Kanzler (Бисмарк), англ. Peasant Bard (Роберт Бернс), Bard of Avon или Swan of Avon (Шекспир) и т. п.

* *

*

В ряде стран, в том числе и у нас, стало традицией географические названия и эвентуально другие имена, например личные, давать отдельным списком (отдельными списками) после корпуса двуязычного словаря.²⁸ Так, например, в «Isl.-sv. ordb.», 1955 отдельными списками в конце словаря даны исландские географические названия и личные имена. В пользу такой подачи материала обычно выдвигаются следующие два довода. Во-первых, отдельная подача списка того или иного разряда имен позволяет лучше обозреть всю совокупность имен, делает этот список своего рода самостоятельным справочником или даже пособием по изучению этой группы имен. Во-вторых, практически удобнее редактировать (например, проверить полноту, внести необходимые уточнения и т. д.) совокупность имен данного разряда, когда они собраны в одном месте, а не рассеяны по всему корпусу словаря. Против этих соображений можно выдвинуть несколько аргументов.

Во-первых, словарь не ставит перед собой цели служить специальным пособием по изучению той или иной категории слов. Если, исходя из эвентуальных потребностей читателей, точку зрения сторонников отдельной подачи начать проводить последовательно, то можно было бы отдельно дать список зоологических терминов, отдельно ботанических и т. д. Думается, что непоследовательно считать имена равноправными элементами лексики языка и выделять их в словаре в особую группу. Безусловно, есть случаи, когда целесообразно подавать

²⁶ Немецкие примеры взяты у В. М. Томильчика (1966, 120).

²⁷ Действие произведений А. Хьелланна происходит, в основном, в Ставангере. Кр. Бьелланн основал в Ставангере крупнейшую рыбоконсервную фирму.

²⁸ Впрочем, в СССР этому принципу следуют не всегда; например, в «Нем.-р. сл.», 1955 и в 4-м издании словаря «Vene-eesti sõnaraamat», 1967 географические названия даны в корпусе. Ср. также: Н. М. Терещенко, 1967, 13.

определенные группы слов (не имен) в приложении после корпуса словаря, но, на наш взгляд, это полезно делать лишь тогда, когда для понимания значения слова требуется графическое изображение, невозможное по техническим причинам в корпусе словаря. Необходимым условием при этом является наличие этих слов на своем алфавитном месте в корпусе словаря.

Во-вторых, выносить имена отдельным списком или отдельными списками в приложение нерационально также потому, что при этом очень часто искусственно разрывается связь между именем и содержащими это имя словосочетаниями, а некоторые из таких словосочетаний из-за этого вообще выпадают из словаря. Например, при вынесении географических названий в русско-норвежском словаре в особый список после корпуса нам некуда было бы поместить такие важные словосочетания, как *житель Осло, житель Трёнделага* и т. п., ибо давать патронимы в списке географических названий не принято, да и нелогично. При необходимости дать идиоматику в случаях, когда опорным словом является топоним (типа *Москва не сразу строилась, Париж стоит мессы, на Шипке все спокойно, ездить в Тулу со своим самоваром*²⁹ и т. п.), некоторые топонимы пришлось бы давать дважды — и в приложении, и в корпусе, так как помещать идиоматику в списке географических названий явно нецелесообразно. В случаях, когда в словаре осуществляется гнездовая подача материала и орфография (правила написания прописных букв) позволяет это, помещение имени в корпус может также дать определенную экономию места. Ср. «Eng.-norsk ord.», 1948: **Shak(e)spear|e... ian...**; **Morocc|an... o...**; **Athen|æum... e... ian... s** и т. п. Подобная подача имени в корпусе не приводит и к неизбежному в противном случае разрыву переносных значений и конвертированных форм. Ср. в том же словаре: **Hebe** 1... 2. ung, skjønn kvinne; dagl., oppvarterske, bargpike 'молодая, красивая женщина; разг. официантка, барменша'; **Chippendale...** A C. furniture; **Vichy...** V. water (тут следовало бы перед V. water поставить помету A).

В-третьих, существенное возражение о неудобстве проверки полноты и редактирования списков имен при подаче последних в корпусе снимается при осуществлении простого практического приема, применяемого нами при составлении «Р.-норв. сл.», — на каждое имя составляются две карточки, одна из которых идет на свое алфавитное место в корпус, тогда как другая помещается в специальный контрольный список имен данного разряда (например, географических названий, мифологических имен, личных имен и т. д.).

Наконец, в-четвертых, имеет смысл учитывать один практи-

²⁹ Мы сейчас оставляем в стороне вопрос о принципиальной возможности подачи некоторых из этих фразеологизмов под другими опорными словами (*месса, самовар*), поскольку это не меняет существа дела.

ческий момент: поиск имени в специальном списке после корпуса (а таких списков должно быть несколько, если взять все необходимые разряды имен) отнимает, как правило, больше времени, чем поиск слова на его алфавитном месте в основной части словаря: такие списки помещаются обычно между корпусом и грамматическим очерком, так что сначала читатель должен найти список, а затем нужное имя на его алфавитном месте. Особенно затруднен поиск собственных имен в специальном списке, помещенном после корпуса, когда в языке отсутствуют прописные буквы (как, например, в арабском шрифте) и имя, следовательно, лишено характерной приметы. В таких случаях имена обычно вводятся в корпус; так это сделано, в частности, в «Перс.-р. сл.», 1970, где географические названия, имена мифологических героев и богов, а также имена героев иранского национального эпоса, встречающиеся в пословицах, поговорках и идиомах, даются в корпусе (Ю. А. Рубинчик, 1963, 194).

Переходим к рассмотрению отдельных разрядов имен, которые целесообразно включать в двуязычные словари.

Как уже говорилось выше, теоретически любой материальный (и не только материальный) объект может иметь собственное имя, и поэтому классификация собственных имен по сути дела означает классификацию материальных объектов действительности. Отказываясь поэтому сознательно от попытки дать строгую и логически выдержанную классификацию всех возможных разрядов собственных имен, мы рассмотрим ниже те основные группы этих имен, которые особенно важны для межкультурного общения и по этой причине в первую очередь подлежат включению в словарь. Рассматриваться будет в основном набор имен для родно-иностранного словаря.

1. Топонимы. По-видимому, это — единственная группа собственных имен, которую лексикографы разных стран более или менее единодушно включают в переводные словари.

Часто наблюдаемым недостатком набора географических названий в двуязычных словарях является их пестрота, объясняемая либо недостаточно четко выработанным критерием отбора, либо непоследовательным применением пусть даже четкого критерия. Так, «N.-eng. ordb.», 1965, в общем выполненный довольно тщательно, в области топонимов (как, впрочем, и вообще в отношении собственных имен) обнаруживает ряд непоследовательностей. Насколько можно судить, составители включали только те норвежские географические названия, написание которых (но не произношение, оно не учитывалось) отличается от соответствующих им английских. В словаре отсутствуют названия London, Paris, Berlin, Madrid, Budapest, Washington, Peking, но есть København (англ. Copenhagen), Moskva (Moscow), Warszawa (Warsaw), Roma (Rome), Praha (Prague), Köln (Cologne), Venezia (Venice). Однако отсутст-

вуют такие расходящиеся с английским в орфографии названия, как Kairo (Cairo), Genova (Genoa), Firenze (Florence), Nürnberg (Nuremberg), Bucuresti (Bucharest). В словарь включен Stockholm (Stockholm), не включен Reykjavik, есть Uppsala, но нет названий Lund и Malmö и т. д. Известная непоследовательность наблюдается в этом же словаре и в отношении названий стран: есть Chile и Cuba, но отсутствуют Canada и Mexico, есть Syria и Israel, но нет Jordan, есть Ghana и Tunis, но не включены Mauretania и Libya, при наличии названий Tibet и Laos отсутствуют Nepal, Burma и Thailand и т. д.

Столь же непоследовательно охватывается микротопонимия. В названном словаре указаны, например, такие районы Осло и окрестностей, как Sagene, Fornebu, Bygdøy, Ljan, Blindern, Holmenkollen, Oslo vestkant (обычное в речи Vestkanten), Oslo Østkant (чаще Østkanten), Studentbyen på Sogn, Ullevål, но нет Frognerseter, Kolsås, Sinsen, Lambertseter, Tøyen, Smestad, Grønland, Røa и др. На микротопонимию вообще в двуязычных словарях почти не обращается внимание, тогда как некоторые из микротопонимов известны каждому культурному человеку и часто фигурируют в письме и речи, например: *Красная площадь, Елисейские поля, Унтер-ден-Линден, Гайд-парк, Уолл-стрит, Бродвей, Большие бульвары* и т. п. В этой же связи уместно подчеркнуть важность включения в двуязычные словари названий всемирно известных зданий, сооружений, памятников и т. п.,³⁰ как, например: *Зимний дворец, Кремль, Бастилия, Колизей, Падающая башня, Нотр-Дам, Вестминстерское аббатство, Эйфелева башня, Тауэр, Тадж-Махал, Карлов мост, Пентагон, Белый дом, Медный всадник, Бранденбургские ворота, Великая китайская стена* и т. д.

Другая важная группа топонимов, обычно недостаточно охватываемая двуязычными словарями, — это исторические топонимы. Под данным термином здесь понимается ряд географических названий, важных для исторического описания, поскольку обозначаемые ими объекты играли важную роль в истории. К ним можно отнести названия несохранившихся географических объектов (*Карфаген, Троя*), названия объектов, существующих и поныне, но носящих в настоящее время иное название (*Галлия, Малороссия, Петербург*);³¹ названия объек-

³⁰ Собственно микротопонимами эти названия не являются; ср.: Микротопонимия, 1967, 3, 5 и др.

³¹ Словарные издательства обычно стремятся к тому, чтобы географические названия в словаре были новейшими, упуская из виду, что читателю может быть необходимым знать и старое название — например, то, как называлось данное государство, когда оно было колонией (*Золотой Берег*), когда оно было оккупировано другим государством (*Область государственных интересов Германии*) и т. п. Это, собственно, часть более широкого вопроса о целесообразности включения в словарь только нормативного материала. В качестве примеров правильных решений приведем статью *Ревель* (старое название Таллина) в «Vene-eesti sõnaraamat», 1967, статьи *Peterburi, Petrograd* в «Eesti-vene sõnaraamat», 1955.

тов, актуальных только тем, что с ними связаны важные исторические события — восстания, битвы, конгрессы, договора и т. п. (*Бородино, Пуатье*) и т. д. Разумеется, часть исторических топонимов является также актуальной как собственно топонимы (*Ленинград — блокада Ленинграда, Лейпциг — битва под Лейпцигом*). Для точного определения необходимого набора таких исторических топонимов целесообразно произвести специальное обследование школьных учебников истории (последних десятилетий) на входном и выходном языках. Например, в русско-норвежский словарь, по-видимому, следует включить, с одной стороны, такие исторические топонимы, как *Русь, Персия, Золотой Берег, Вавилон* (вопрос о переносном значении этих географических названий в этой связи не существен), *Ватерлоо, Фермопилы, Курская дуга, Грюнвальд, Гастингс, Византия, Бородино, Полтава, Чудское озеро, Дюнкерк* и т. п., с другой — *Сволдер, Хаврсфьорд (Havsfjord!), Кальмар* и пр. Для языков вроде русского, где широко употребительны относительные прилагательные, важно учитывать и их; ср.: *Аугсбургский религиозный мир, Авиньонское пленение пап, Нантский эдикт, Ништадтский мир, Ленский расстрел, Кальмарская уния* и т. д.

2. **Антропонимы.** Для удобства изложения можно пользоваться условным делением антропонимов на единичные и массовые. Под первыми будем понимать такие собственные имена, которые в сознании членов данного языкового коллектива или нескольких языковых коллективов (а теоретически даже в сознании всего человечества) связываются с одним и только одним конкретным лицом. Таковы, например, имена *Сократ, Бисмарк, Достоевский, Эйнштейн, Чингис-Хан, Рембрандт, Вольтер* и т. п. Массовыми именами назовем антропонимы, которые у данного языкового коллектива или данных языковых коллективов не имеют такой связи с единичным объектом, а обозначают множество лиц: *Владимир, Валерий, Kåge, Сергеев, Остапенко, Hansen, Müller* и т. д. Подчеркиваем еще раз, что четкой границы между этими группами нет и зачастую не может быть, так как лицо, получившее при рождении «массовое» имя, потом может стать «историческим лицом», и тем самым «массовое» имя расщепляется на «массовое» и «единичное» (например, *Пушкин*). Разные лица с одним и тем же именем могут стать известными в равной или разной степени (норвежские писатели *Alexander Kielland* и *Axel Kielland, Thomas Krag* и *Vilhelm Krag*) и т. д.

Из единичных имен в словаре целесообразно представлять следующие группы: имена наиболее известных исторических лиц, деятелей культуры, науки и т. д., бесспорно известные имена литературных и фольклорных героев, мифологические имена, библейские имена, имена богов и т. д. В «Р.-норв. сл.» (рукопись) нами включаются, например, имена: *Нано-*

леон, Аристотель, Эйнштейн, Бранд, Иванушка-дурачок, Золушка, Геракл, Ной, Будда и т. д.³² Существенно, что с рядом имен деятелей науки связано обозначение открытых ими законов, констант и т. д.; ср.: закон Архимеда, теорема Пифагора, число Авогадро, модуль Юнга, бином Ньютона, ряды Фурье и т. д.³³

Включение в переводной словарь массовых имен (личных, фамилий и отчеств) особенно важно для языков, где по форме имени нельзя определить пола его носителя (ср. норв. мужские имена Helge, Inge, Tore, Åge и женские Signe, Åste, Mette, Appе; фин. мужское Toivo и женское Aino; русск. Никита — Анна, Миша — Машиа). Для ряда языков важно указание произношения, в том числе и вид акцента. В языках, где распространено употребление уменьшительных имен, читателю очень важно иметь информацию о том, от какого полного имени образовано данное уменьшительное (*Шура — Александр, Ленья — Леонид*; исл. Nonni — Jón, Gvendur — Guðlundur и т. п.). В ряде языков чтение фамилий представляет ряд сложностей как в отношении звукового состава (англ. Maugham [mɔːm], норв. Vogt [fukt]), так и ударения и акцента (*Иванов, Макаров, Сидоров* и т. д.; норв. Nilsen, no- Larsen, Eriksen, no Fredriksen, Ottosen, no Ottesen и т. п.). Целесообразно указывать распространенные разговорные варианты, нередко встречаемые в литературе при воспроизведении непринужденной речи; ср.: *Михал Пал(ы)ч, Владим Владим(и)ч* и т. п.

У нас в стране, как уже упоминалось, в отношении антропонимов установилась традиция почти полного их игнорирования в переводных словарях. В лексикографии многих стран, однако, антропонимы (как единичные, так и массовые) включаются в словники переводных словарей. Например, в «Eng.-п. ordb.», 1948 включены следующие антропонимы, начинающиеся с буквы J: Jack (-in office), Jacob, Jago, Jahveh, James, Jameson, Jamieson, Japhet, Jaques, Jason, Jasper, J. C., Jean, Jehoshaphat, Jehovah, Jekyll, Jenkins, Jeremiah, Jerrold, Jesus, Jezebel, Jill, Jim, Jimmy, Joan, Joanna, Job, Jocelyn, Joe, John, Johnny, Johnson(ese), Jelyon, Jon, Jonah, Jonas, Jonathan, Jones, Joseph, Josephine, Josephus, Joshua, Jove, Jowett, Joyce, Juan, Juanita, Judas, Jude, Judith, Judithy, Juggernaut, Julia, Juliet, Julius, June, Jupiter, т. е. на 6 страниц корпуса приходится свыше

³² Отсутствие таких имен в словаре представляется многим вполне естественным явлением. Ср. M. Vencovská, 1963, 93: «Удивляет множество греческих мифологических имен (в I томе Большого р.-слов. сл., 1960. — В. Б.): Гера, Геракл, Гераклит (sic! — В. Б.), Геркулес, Гермес; нашим читателям больше затруднений причиняют имена мировых художников и писателей, но тем не менее мы их не включаем в двуязычные словари».

³³ Для лексикографии важно, что в одних языках в таких названиях могут фигурировать собственные имена, а в других нет. Ср.: нем. Braunsche Röhre = фр. tube oscillographique (A. Schorf, 1963, 346; там же утверждается, что 'число Лошмидта' — нем. Loschmidtsche Zahl — не употребляется во французской специальной литературе, где используется лишь nombre d'Avogadro 'число Авогадро').

50 имен. К сожалению, несмотря на общую установку включать массовые имена, эта часть словника редактируется обычно недостаточно тщательно; так, в «N.-eng. ordb.», 1965, включившем в себя большое количество норвежских личных имен, пропущены такие распространенные имена, как Erik(!), Siri(!), Terje, Martin, Truls, Sonja, Marta и мн. др.³⁴ Такие списки имен, подлежащих включению в словари, должны составляться не на глаз, как это пока делается в большинстве случаев, а по результатам ономастических исследований типа Þorsteinn Þorsteinsson, 1961, где обследован весь массив исландских личных имен, данных с 1921 по 1950 г., и где содержатся составленные по убывающей частоте списки всех мужских и женских имен этого периода.

3. Прочие группы. Представляется оправданным включение в словник двуязычного словаря также следующих разрядов собственных имен:

а) названия наиболее известных в обоих данных языковых коллективах произведений литературы и искусства; например, в «Р.-норв. сл.»: *«Шинель»*, *«Песнь о Гайавате»*, *«Тихий Дон»*, *«Столпы общества»*, *«Возвращение блудного сына»*, *«Броненосец „Потемкин“»*;

б) названия наиболее часто упоминаемых газет, журналов и т. п., а также телеграфных агентств: *«Правда»*, *«Таймс»*, *Рейтер*, *ТАСС* и др.;

в) названия организаций, партий, учреждений, фирм, театров и т. п., обладающие достаточно высокой частотностью в языковом общении данных коллективов. Например, для «Р.-норв. сл.»: *КПСС*, *Комсомол*, *Норвежская рабочая партия*, *ООН*, *ЮНЕСКО*, *НАТО*, *Армия Спасения*, *Шевроле*, *Большой театр* и т. п.

³⁴ Ряд примеров аналогичной непоследовательности в помещении собственных имен в «Vel'ky rusko-slovensky slovník» (1 часть, 1960) приводит М. Венцовská (1960, 93): есть имена *Анна*, *Витя*, *Варя*, *Евгений*, *Женя*, но нет *Александр*, *Алексей*, *Алеша*, *Варвара*. Неполон и список географических названий в этом словаре: есть *Дамаск*, *Дания*, *Дели*, но нет *Дарданеллы*, *Джакарта*, *Детройт*.

§ 10. ЭКЗОТИЗМЫ

Под экзотизмом в работе в первую очередь подразумевается употребляемое в данном конкретном языке слово, обозначающее реалию — явление быта, социальных отношений, природы и т. п., специфическую для иного языкового коллектива и чуждую для данного языкового коллектива. В этом же значении нередко употребляется также термин «варваризм»

(А. А. Реформатский, 1967, 137—138), имеющий, однако, наряду с этим значением еще и другие (ср. О. А. Ахманова, 1966, 70; Ж. Марузо, 1960, 50). Обычно, правда, термин «экзотизм» употребляют в более узком значении, понимая под ним в первую очередь слова из малоизвестных языков и подчеркивая стилистическую функцию экзотизмов — придание речи особого колорита (например, О. С. Ахманова, 1966, 214; А. А. Реформатский, 1967, 137—138. Ср. также: Л. В. Щерба, 1957, 119—120). В настоящей работе термину «экзотизм» такого ограничительного толкования придаваться не будет; возможно, что тут уместнее было бы предложить иной термин, например «алиенизм». Таким образом, по определению экзотизмами будут считаться не только такие слова русского языка, как *паранджа, сирдар, феска, раджа, иглу, вигвам, пагода, сакэ*, но и такие слова, как *фьорд, тролль, альтинг, бундестаг, мафия, конфедератка, кломп, сабо* и т. п.¹

К экзотизмам далее будут причисляться слова, которые обозначают явления жизни иных языковых коллективов, но к которым в данном языке есть параллели, обозначающие то же явление, но в «своем» коллективе; так, например, *гарсон* — это французский официант, *кельнер* — немецкий официант, *бюргер* — немецкий обыватель, мещанин, *феллах* — крестьянин в странах арабского Востока (б. ч. в Египте). Ср. далее: *горилка* — украинская водка, *глечик* — горшок для молока, сметаны на Украине, *оберефрейтор* — старший ефрейтор в немецкой армии, *кэб* — одноконный извозчикий экипаж в Англии и т. п. При этом экзотизм может быть полностью синонимичен, за исключением дополнительного значения «в такой-то стране», со «своим» словом (например, *господин* — *мистер, мсье, герр, пан, сеньор, синьор*) или, гораздо чаще, быть идеографическим синонимом; ср.: *сакля (фанза)* и *дом, эль* и *пиво, кишлак (аул)* и *деревня, арака* и *водка, камча* и *плетка, мечеть (кирха, костел, синагога)* и *церковь*. Часто экзотизм по отношению к «своему» слову обладает дополнительным эмоциональным оттенком; ср.: *фатерлянд* и *родина, райх* (ранее *рейх*) и *империя, фюрер (каудильо)* и *вождь* и т. д.

Наконец, к экзотизмам, как, впрочем, в равной степени и к иноязычным вкраплениям (в особенности для пары языков, пользующихся одним алфавитом), можно отнести передачу специфических иноязычных приветствий, междометий, обращений и т. п. типа *салам, гамарджоба, кацо, генацвале, о-ля-ля, каррамба, перкеле* и т. п.²

¹ По существу в аналогичном смысле употребляется термин «экзотическая лексика» у А. Е. Супруна (1957 б, 139—144; 1958, 51—54), понимаемый автором как «лексика, характеризующая быт (и не только быт) разных стран и народов».

² Об использовании таких слов в художественной литературе см.: А. Е. Супрун, 1957а, 97. Ср. также использование транслитерации японских междометий (и целых реплик) в романе Диковского «Патриоты».

Определяя экзотизмы (алиенизмы) как слова, обозначающие реалии, специфические для иного языкового коллектива, мы должны, чтобы быть последовательными, отнести к ним также слова данного конкретного языка, обозначающие реалии, которые ранее были характерны для жизни данного языкового коллектива, но которые впоследствии исчезли, так что эти реалии уже стали носителям языка чуждыми. В самом деле, ведь экзотизмы выделяются именно по признаку чуждости обозначаемого ими понятия для данного коллектива, а не по этимологическому принципу. Поэтому к экзотизмам можно отнести и кальки, такие, как, например, *орден почетного легиона, палата общин* (А. Е. Супрун, 1957 б, 140; 1958, 52), норв. *kulturhus* 'дом культуры', *partibyrå* 'партбюро', и слова родного языка, обозначающие в своем единственном или в одном из своих значений только чуждые реалии типа, например, норв. *landsby* 'деревня'³ или русск. *земля* 'административная единица в ФРГ'. Поэтому мы могли бы отнести к экзотизмам и такие русские слова, как *стрелец, городошой, дума, околоток, вотчина, боярин*.

В этой связи необходимо отметить условный, ограниченный во времени характер чуждости явления данному языковому коллективу. Предметы и явления, характерные для иных стран, могут получить распространение в жизни другой страны, и слово, бывшее еще недавно экзотизмом, перестает быть им; ср., например: русск. *мотель, кемпинг*. Последнее явление особенно характерно для различных мод, танцев, блюд и т. п.

В ряде случаев условна грань между экзотизмами и другими классами лексики языка. В языках, распространенных на большой, географически неоднородной территории, населенной также иными народами, для реалий, отсутствующих в жизни основной массы носителей этого языка, используются слова из смежных языков. Таким образом, слова, являющиеся в литературном языке экзотизмами (или вообще неизвестные литературному языку), в территориальных диалектах или локальных вариантах языка могут быть диалектизмами. Таковы, например, следующие заимствованные из киргизского слова, употребительные в речи русского населения Киргизии: *арык, мираб, айран, карагач, дувал, камча, шакар, арча, буза, кочкор, казан, кетмень, кийик, чебак, курай, альчик, курсак, насвай, каурдак, бешбармак*.⁴ Ср. также заимствования из русского в речи немецкого населения СССР: *Kalatsch, Samowar, Troike, Schi* 'щи',

³ В Норвегии нет деревень.

⁴ Г. И. Хоролец, 1957, 155—156; В. Д. Скирдов, 1956, 351—357; В. Е. Зимовнова, 1957, 326—328. — В качестве примеров нами отобраны у этих авторов из довольно больших списков слов, встречающихся в русских деревнях в Киргизии, слова, представляющиеся употребительными также в речи русского городского населения, не живущего постоянно в окружении киргизской языковой среды.

Borsch, Dulup 'тулуп', Banje 'баня', Kuter 'хутор', Fortoschke и др. (G. Sessler, 1967, 565—570). Характерно, что такие облатные диалектизмы иногда выступают не только для обозначения новой реалии, но и для понятий, имеющих в данном языке свое наименование; ср. диал.: *кочкор* — *баран-производитель*, *джорго* — *иноходец*, *каймак* — *сливки*.⁵ Ср. далее слова, употребительные в речи русских эмигрантов во Франции и их потомства: *банлье*, *синема*, *ажан* и т. п. Ср. далее англицизмы в речи исландцев Канады и США: *address*, *basement*, *farmari* (*farmer*), *tóstari* (*toaster*), *steibla* (*stable*), *blakkbord* (*blackboard*), *kar* (*car*), *skar* (*scar*), *ambjúlians* (*ambulance*), *kliner* (*cleaner*), *önderteiker* (*undertaker*) и др. (H. Bessason, 1967, 121—127). С другой стороны, слова, относимые к экзотизмам, часто можно отнести и к специальным терминам (А. Е. Супрун, 1958, 51). Мы классифицируем слова как экзотизмы или как специальные термины в первую очередь в зависимости от их функции в контексте. Слово, обозначающее чуждое явление, в художественном тексте может использоваться в колористических целях (А. А. Реформатский), а в научном — для стилистически нейтрального обозначения объекта исследования. Например, условна грань между историческими экзотизмами, обозначающими явления, исчезнувшие из жизни коллектива, в котором эти слова возникли, и специальными историческими терминами, такими, как *далер* (упразднен в Норвегии в 1875 г.), *шляхта*, *идальго*, *тори* и *виги*, *макй*, *аркебуза*, *мушкетер*, *эфеб*, *берсерк(er)* и т. п. В художественном тексте слова типа *шванк*, *фабльо*, *альба*, *канцона*, *виса*, *драпа*, *нида* и т. п. будут скорее экзотизмами (историческими), тогда как в литературоведческом исследовании это, конечно, специальные термины. Аналогично по-разному можно квалифицировать слова вроде *ярл*, *бонд*, *хавдинг*, *годи*, *лагретта*, например в переводе древнеисландских саг на русский язык и в работе, посвященной истории древней Исландии.

Степень освоенности экзотизмов, естественно, может быть самой различной. Некоторые из них, обозначающие важные явления жизни иных языковых коллективов, обладают довольно высокой частотностью, тогда как множество других имеют окказиональный характер. А. Е. Супрун (1958, 53) подсчитал, что в произведениях четырех русских советских писателей (Леонова, Павленко, Инбер и Паустовского), посвященных среднеазиатской тематике, употреблено 140 среднеазиатских слов (467 случаев использования), причем у всех четырех авторов общи-

⁵ В. Д. Скирдов, 1956, 351. — Вряд ли правильно объяснять такие заимствования только недостаточным знанием литературного родного языка, как это делает, например, G. Sessler (1967, 568—569); сам автор приводит ряд примеров, где маловероятно незнание немецким населением немецких названий (Polutschke, Banke, Predsedatel, Natschalnik, Sud 'суд', Bolniza, Wokzal, Maline, Warenje и др.).

ми оказываются всего 7 слов (110 случаев употребления, т. е. 24%), и еще 7 повторяются у трех писателей.

Для теории двуязычного словаря целесообразно ввести одно дополнительное разделение экзотизмов. Для нас существенно, что слова, считаемые нами экзотизмами в одном языке, являются обычными словами в том языке, из которого они взяты. Так, например, слово *lord* — экзотизм в норвежском,⁶ но обычное слово в английском, а являющееся экзотизмом в английском *fiord* (из норв. *fjord*) — самое обычное слово в норвежском. Но для русского языка как *лорд*, так и *фьорд* — в равной степени экзотизмы. Поэтому по отношению к каждой конкретной паре языков экзотизмы можно разделить на внешние и внутренние. Внешними экзотизмами будем называть слова, являющиеся экзотизмами для каждого из данной пары языков — при условии, разумеется, что они равно употребительны в обоих языках. Внутренние экзотизмы — слова, являющиеся обычными, употребительными словами в одном языке и экзотизмами в другом языке данной пары. Примерами внешних экзотизмов для пары русский—норвежский являются слова *иглу* (*igloo*), *минарет* (*minaret*), *шейх* (*sjeik*), *траттория* (*trattoria*), *бундесвер* (*Bundeswehr*), *рекетир* (*racketeer*), *негус* (*negus*). Для той же пары языков внутренними экзотизмами будут, с одной стороны, *крона*,⁷ *эре*, *фьорд*, *фюльке*, *халлинг*, *фру*, *фрёкен*, *квен*, *фенрик*, *шхеры*, *стортинг* (вместо правильного *стуртинг*), *лагтинг*, *одедьстинг* (правильнее *удельстинг*), исторические экзотизмы: *викинг*, *ярл*, *биркебейнер*, *конунг*, *скальд*, специальные географические термины: *оз*, *страннфлат*⁸ (*странфлат*)⁹ *фьельды*¹⁰ и др., с другой — *kolkhos* (*kollektivbruk*), *sovkhos* (*statsbruk*), *rubel*, *kopek*, *troika*, *kosakk* и др.

В вопросе о включении экзотизмов в словник двуязычного словаря следует, так же как и при решении вопроса о включении тех или иных пластов книжной и специальной лексики, руководствоваться критерием употребительности. Однако есть несколько моментов, нуждающихся в уточнении. При составлении словника двуязычного словаря следует исходить не только из данных обследования употребительности слов входного языка вообще, но также и из данных частотного обследования текстов, предметом которых является специфика языкового коллектива выходного языка (его география, история, быт, политическое устройство, искусство и т. д.), поскольку слова, отражающие данную специфику, какой бы низкой частотностью они в выход-

⁶ Мы оставляем в стороне разнывшиеся из этого значения диал. разг. значение 'английский турист', имеющее, кстати, отличное произношение [iɪŋd] (встречается, в частности, у Гамсуна).

⁷ То обстоятельство, что одно и то же слово может быть распространено в нескольких (родственных) языках, ничего принципиально не меняет.

⁸ В. В. Похлебкин. Норвегия. М., 1957, 7.

⁹ Р. А. Ермаков. Норвегия. М., 1950, 46.

¹⁰ Там же, 44.

ном языке вообще ни обладали, могут иметь весьма высокую встречаемость в названных текстах. Естественно, что в русских текстах, касающихся Норвегии, слова *фьорд*, *стортинг*, *викинг*, *эре* будут обладать высокой частотностью, подобно тому как высокой частотностью будут обладать в норвежских текстах о Нидерландах слова *gylden* 'гульден', *marskland* 'марши', *generalstatene* 'генеральные штаты', *polder* 'польдер', *g(u)euser* 'гёзы'. Наоборот, в русских текстах, особой темой которых не является Норвегия, весьма маловероятно встретить слова *странн-флат*, *ланнсмол*, *халлинг*, а в норвежских текстах, не описывающих Индию, слова *maharaja* 'махараджа', *braman* (*brahmin*) 'брамин', *sikh* 'сикх'.

Отсюда следует принципиально важный для двуязычной лексикографии вывод, что при составлении словника подход к внутренним экзотизмам должен быть отличным от подхода к внешним экзотизмам. Внутренние экзотизмы должны широко включаться в двуязычный словарь ввиду их особой важности для общения коллективов входного и выходного языка. По-видимому, следует считать недочетом, к примеру, отсутствие в словнике «Р.-голл. сл.», 1961 слов *гез*, *польдер*, *кломп*, *гест*. Ссылка на то, что эти слова в русском являются заимствованиями из голландского, не может служить оправданием, поскольку, во-первых, мы, строго говоря, никогда не можем со стопроцентной уверенностью предсказать перевод слова с родного языка, а во-вторых, при заимствовании слов неизбежны искажения, которые при «обратном переводе» могут не быть устранены говорящим. Ср.: норв. *gylden* [j-] 'гульден' и голл. *gulden*, норв. *marskland* и голл. *marstrand* 'марши', русск. *гест* и голл. *geest* (*grond*), нем. *Geest* (*land*), норв. *икон* и русск. *икона* и т. д. В «Р.-новогр. сл.», 1966, где через весь корпус последовательно проводится разграничение вариантов димотики (≈ разговорной нормы) и кафареvusы (≈ книжной нормы), нет словарных статей *димотика* и *кафареvуса*.

Внешние экзотизмы вводятся в словник, как уже говорилось, по критерию употребительности. Однако и тут следует сделать оговорку. Представляется целесообразным произвести среди внешних для данной пары языков экзотизмов их разделение на более и менее актуальные для данных языковых коллективов. Это определяется в первую очередь языковой, культурной, экономической и политической близостью стран. Так, например, слово *danebrog* — название датского национального флага — экзотизм как для норвежского, так и для русского языка, но для первого гораздо более актуально, сравнительно часто фигурируя в норвежской речи.¹¹ Поэтому включение слова *данеброк* в русско-норвежский словарь оправдано, тогда как весьма со-

¹¹ Ср. индивидуальное *danebroget* 'цвета датского флага', т. е. 'красно-белый' (с игрой слов: *broget* 'пестрый') в художественном тексте (Gunnar Bull Gunderson, *Vi som frakter oljen*, Oslo, 1960, 66).

мнительна была бы целесообразность включения его, скажем, в русско-тагальский словарь.¹² Вообще некоторые экзотизмы имеют ареальный характер как в силу того, что одно слово может принадлежать сразу нескольким языкам (русс. *фрёкен* и дат., норв. *frøken*, шв. *fröken*; русск. *скальд* и норв., шв. *skald*, исл. *skáld*, дат. и устар. норв. *skjald*; русск. *берсерк(ер)* и норв. *berserk*, дат. *bersærk*, шв. *bärsärk*, исл. *berserkur*), так и в силу того, что данный экзотизм обозначает явление, характерное не только для жизни коллектива, из языка которого он заимствован, но и для других в известных отношениях близких коллективов. Например, мы называем *пиалой* сосуд, по-киргизски именуемый *чыны*; независимо от местных названий правящий оленьей упряжкой называется по-русски *каюром*, а шест, которым погоняют оленей, *хореем* (по-ненецки он, к примеру, называется *тюр*) (см. Н. М. Терещенко, 1967, 16). А. Е. Супрун (1957, 141—142) правомерно говорит о кавказской и среднеазиатской лексике (безотносительно к ее национальному происхождению).

¹² Вряд ли имело смысл помещать это слово в словник «Р.-яп. сл.», как это сделал С. Ясуги.

§ 11. СЛОВСОЧЕТАНИЯ

В § 1 словник был определен как совокупность единиц входного языка, включаемых в словарь в качестве подлежащих переводу. При таком определении словник включает в себя, следовательно, не только вокабулы (заглавные слова статьи, черные слова), но и различные словосочетания, которые в тексте статьи снабжаются переводом.

В словарях с достаточно основательно разработанными статьями словосочетания занимают значительное место и, возможно, даже превосходят количественно вокабулы. К сожалению, лингвостатистика пока в состоянии — и то в весьма ограниченных масштабах — определить частотность только отдельных слов, и поэтому языкознание не располагает — ни для одного, насколько нам известно, языка — статистическим материалом, который показывал бы частотность различных словосочетаний.¹ Однако можно априорно утверждать, что множество словосочетаний имеет в языке гораздо более высокую частотность, нежели многие отдельные слова (например, *железная до-*

¹ И. Бар-Хиллел (1957, 247) полагает, что для английского и русского языков число «словесных диаграмм, т. е. последовательностей из двух слов (словосочетаний), составляет несколько миллиардов». Он, однако, оглавливает отсутствие у него проверенных сведений по данному вопросу.

рога, с одной стороны, и антропоним — с другой).² По этой причине правильность отбора словосочетаний для словника играет в переводной лексикографии важнейшую роль.

Вопрос о принципах отбора словосочетаний — один из сложнейших в лексикографии. Именно отбором словосочетаний двуязычные словари с одним и тем же входным языком чаще всего отличаются один от другого, именно отбор словосочетаний представляет собой наиболее спорную и уязвимую часть каждого переводного словаря.

Причины этого явления очевидны. Ни в одном языке нет слов, которые могли бы сочетаться с любыми другими словами данного языка — ограничения накладываются как правилами грамматики, так и, в первую очередь, реальными отношениями объективной действительности. По-видимому, ни в одном языке не употребляются словосочетания со значениями 'быстрый стол' или 'тугоплавкий календарь', потому что сознание людей, говорящих на самых различных языках, отражает тот факт, что стол не обладает способностью к самостоятельному передвижению, а календарь не подвергают плавке. Для двуязычной лексикографии важно, что у разных языковых коллективов принципиально одинаковые представления о внеязыковой действительности.³ Составитель русско-норвежского словаря исходит, например, из того, что и русское слово *молния*, и его норвежский эквивалент *lup* могут сочетаться соответственно с русскими и норвежскими прилагательными, обозначающими цвет, яркость, интенсивность, продолжительность, форму, удаленность от наблюдателя, внезапность и т. п., но не могут определяться прилагательными, обозначающими вес, рост, плотность, твердость, текучесть, плавкость, вкус и т. п. С другой стороны, во всех языках, надо полагать, есть слова *мужчина* и *высокий* и во всех языках можно образовать из этих двух элементов по правилам грамматики этого языка сочетание (не существенно в данной связи, будет ли этот эквивалент словосочетанием или сложным словом) со значением 'высокий мужчина'. Двуязычные словари, дающие в первую очередь переводы отдельных слов, хотя их конечная цель состоит прежде всего в том, чтобы при их помощи переводились предложения, возможны и целесообразны именно потому, что,

² Количество повторяющихся (рекуррентных) единиц даже на уровне предложения, как показали Л. А. Леонова и Э. П. Шубин (1970, 11—21), весьма высоко: из каждых пяти предложений в английском литературном диалоге в среднем одно оказывается «готовым» (там же, 16).

³ Поэтому, в частности, возможны фразеологизмы с одинаковой семантической структурой в самых разных языках; их одинаковость «предопределена стабильностью реалий и их свойств, а также опытом любого человеческого коллектива» (Л. И. Ройзензон, С. И. Ройзензон, 1967, 111; ср. приводимый в их статье устойчивый компаративный оборот *сладкий как мед* или *сахар*, имеющийся в русском, английском, монгольском, хинди и других языках). Ср. также: А. К. Рейцак, 1967, 165; Ф. Вакк, 1968, 153 (сравнение эстонского и эве).

зная грамматические правила выходного языка, пользующийся словарем может составлять из найденных им в словаре эквивалентов в основном лексически правильные предложения на выходном языке. В огромное большинство случаев лексическая правильность этих переводов обусловлена тем, что в обоих данных языках слова, находящиеся в эквивалентном соотношении, могут вступать в одинаковые комбинации по грамматическим правилам каждого из этих языков.

Такой случай, когда словосочетанию одного языка в другом языке соответствует словосочетание, каждый (не служебный) элемент которого, будучи взят изолированно, переводится тем же словом, что и в таком словосочетании, будем называть *регулярным*, или *поэлементным*, переводом (то же означает бытовое название *буквальный перевод*), а такие словосочетания в двух языках будем называть находящимися в *поэлементном соответствии*.

Для теории и практики переводной лексикографии широкая встречаемость регулярного поэлементного перевода имеет принципиальное значение. Ни один, даже самый большой по объему двуязычный словарь не в состоянии охватить все те словосочетания входного языка, которые регулярно переводятся по элементам на выходной язык.⁴ Но это не только практически неосуществимо в силу совершенно необозримого количества таких словосочетаний (ср. цитированное выше предположение И. Бар-Хиллела),⁵ но и излишне, потому что читатель словаря по опыту своего родного языка знает валентность одних понятий по отношению к другим. Если мы в русско-немецком словаре будем сообщать русскому читателю, что (ein) Buch может быть neues, altes, gutes, interessantes, langweiliges и т. д., то в этом для читателя, знающего слова neu, alt и т. д., фактически не будет никакой новой информации, даже если ему никогда и не встречались немецкие словосочетания (ein) neues Buch, (ein) altes Buch и т. д. Для переводящего словосочетание наиболее естественным и ожидаемым является именно регулярный поэлементный перевод, а чем более вероятно событие, тем меньше информации в сообщении о том, что оно имеет место (ср.: А. М. Яглом и И. М. Яглом, 1960, 81—85). На уровне словосочетаний поэтому все двуязычные словари могут быть, и фактически являются, в значительной степени дифференциальными, так как за некоторыми исключениями (см. ниже) они в эксплицитной форме фиксируют лишь случаи расхождений, число которых, по-видимому, на много порядков меньше числа словосочетаний, находящихся в поэлементном соответствии. Например, ни один из русско-иностранных словарей не дает в статье *комната* переводов сочетаний этого существительного с такими при-

⁴ «Статистический вес» свободных словосочетаний в сотни раз превышает «вес» фразеологизмов в тексте (М. В. Данейко и др., 1965, 28).

⁵ Достаточно взять сочетания числительных с существительными.

лагательными, как *хорошая, плохая, большая, маленькая, светлая, темная, теплая, холодная, чистая, грязная* и т. д. и т. п.

Говоря о регулярной переводимости словосочетаний одного языка на другой, мы должны в явной форме оговорить тот момент, что правильное выполнение такого перевода возможно, разумеется, только в том случае, если словарь, при помощи которого перевод осуществляется, дает для этого достаточную информацию, т. е. для разных значений слов входного языка дает соответствующие им эквиваленты выходного языка с указанием на их употребление и эвентуальные грамматические особенности. Основная масса ошибок в области словосочетаний у говорящих на иностранном языке вызывается интерференцией в сочетании слов (Л. А. Новиков, 1969б, 47—48), т. е. тем, что, запомнив одно (обычно основное) значение иностранного слова, учащиеся бессознательно отождествляют смысловую структуру обоих членов этой эквивалентной пары, например соотносят все значения русского слова *стол* с английским *table*, предлога *на* с английским *on* и т. п. (Р. С. Гинзбург и С. С. Хидекель, 1958, 14). Следовательно, понятие регулярной переводимости в значительной мере зависит от объема словаря (ср. ниже). Говоря в дальнейшем о переводе свободных словосочетаний, мы будем подразумевать, что словари дают для их перевода достаточную информацию.

Таким образом, по повсеместно принятой лексикографической практике отсутствие в словнике входного языка какого-либо сочетания слов должно в принципе являться для читателя указанием на регулярную переводимость этого сочетания слов. Наиболее частый случай — приведение в словаре только эквивалента (или эквивалентов) черного слова — в идеале должен означать, что все эти словосочетания переводятся на выходной язык эквивалентами элементов этих словосочетаний во входном языке (с учетом возможных ограничений при переводе других элементов этих словосочетаний). Если, например, русско-английский словарь для слова *каватина* дает только перевод *cavatina* и не приводит никаких сочетаний этого слова с другими, то это информирует читателя о том, что для правильного перевода на английский словосочетания *исполнить каватину, превосходная каватина, слушаю каватину, две каватины* и т. д. он должен только знать английские эквиваленты слов *исполнить, превосходный, слушать, две* и т. д. и определенные правила английской грамматики.

Несколько выше, исходя из общих соображений, констатировалось, что если словосочетание входного языка и его эквивалент в выходном языке находятся в поэлементном соответствии, то помещение такого словосочетания в переводной словарь не дает читателю никакой дополнительной информации и, следовательно, излишне. Однако анализ двуязычных словарей показывает, что, несмотря на кажущуюся неинформативность таких

словосочетаний, они все же нередко встречаются в словарях. Рассмотрим эти случаи.

Зачастую пользующийся словарем, в особенности когда он не обладает опытом лингвистического анализа, не сознает того, что интересующее его слово обладает более сложной смысловой структурой, чем это ему представляется, что оно имеет ряд частных значений, которые он для себя никогда не дифференцировал. Например, далеко не все говорящие по-русски четко представляют себе, что в слове *рот* следует различать по крайней мере два значения: 1) ротовое отверстие, 2) ротовая полость. Если слово входного языка и его эквивалент совпадают по объему значений, то часто оказывается практически нецелесообразным в явной форме разграничивать некоторые оттенки значений входного слова только для того, чтобы затем приписать им один и тот же переводной эквивалент, тем более, что отграничение этих значений может потребовать громоздких пояснений. Например, в основном значении русского слова *книга* и его немецкого эквивалента *Buch* можно выделить два частных значения: а) «печатное произведение (в старое время также рукопись) в форме сброшюрованных или переплетенных вместе листов с каким-нибудь текстом, иногда и рисунками» (Уш.),⁶ б) «сочинение, литературный труд более или менее значительного объема, напечатанный в виде отдельного издания или предназначенный для печати в таком виде» (Уш.). Если составитель, например, немецко-русского словаря находит необходимым сообщить читателю, что и немецкое слово *Buch*, и русское слово *книга* обладают обоими этими частными значениями, он может вместо вышеприведенных многословных (и не исчерпывающих) определений дать примеры, из которых будут ясны эти значения, например *das Buch ist schon herausgekommen* и *er schreibt ein neues Buch* или аналогичные. Иногда краткие пояснения оказывается полезным дополнять примерами, чем, с одной стороны, достигается четкое разграничение значений без громоздких определений, а с другой — облегчается пользование словарем для лиц, которым эти определения могут быть не совсем понятны.⁷ Например, «Р.-норв. сл.» (рукопись): «аварийн|ый прл. 1. (для предотвращения аварии) nød»; ~ое торможение nødbremsing -en; 2. (на случай аварии, запасной) nød», resérve»; ~ый выход nødutgang -en, -er; 3. (для ликвидации аварии) reparasjóns»

⁶ Отметим попутно, что из этого определения не явствует различие между *книгой* и *брошюрой*, *книгой* и *журналом*, а это означает, что определение должно быть еще более сложным.

⁷ Ср.: «Показу значения и употребления слова много помогают наглядные примеры, типичные сочетания. Но словари почти не пользуются этим средством. Многочисленные слова сплошь и рядом представлены в своих значениях только рядами переводных синонимов, разделяемых цифрами» (Е. С. Истрина, 1944, 91). Ср. также S. Peciar, 1960, 114—115.

(...); 4. (*критический*) *nøds*; ~ое положение *nødstillstand -en*; в ~ом случае *i nødsfall*;...»

В таких случаях представляется целесообразным в качестве примера приводить наиболее обычное, наиболее частое словосочетание.⁸

Таким образом, свободное словосочетание, поэлементно переводимое на выходной язык, может приводиться с целью уточнения значений, свойственных черному слову, в частности для более наглядного отграничения одного значения от другого. Это позволяет избежать многословных пояснений как лексического, так и грамматического характера и облегчает пользование словарем.

Очевидно, что регулярно переводимые словосочетания целесообразно включать в словарь только тогда, когда они несут в словаре определенную информационную нагрузку. Однако можно привести бесчисленное количество примеров, когда в словарь включаются такие регулярно переводимые на выходной язык словосочетания, которые носят совершенно случайный характер и несколько не способствуют уточнению смысла переводимого (черного) слова, фактически являясь в словаре лишь балластом. Ср. примеры из «Норв.-р. сл.», 1963:

«*boikott -en, -er* бойкот; *økonomisk* ~ экономический бойкот.» Поскольку в словаре, естественно, имеется слово *økonomisk*, снабженное переводом *экономический*, информационной ценности это словосочетание здесь не имеет.

«*troppene* *r -ne pl* войска, воинские части; *fiendtlige* ~ неприятельские войска; *fremmede* ~ иностранные войска; *irregulære* ~ нерегулярные войска; *føre ut* ~ выводить войска; *kaste friske* ~ *inn i kampen* ~ вводить свежие войска в бой; *trekke troppene ut av landet* ~ выводить войска из страны». Значение всех этих словосочетаний выводится из значений составляющих

⁸ Большинство лексикографов сходится на том, что в двуязычных словарях примерами должны быть не цитаты, а типичные словосочетания (А. В. Исаченко, 1953, 45; О. Malíková, 1953; 124; S. Pešiar, 1960, 119). Противоположная точка зрения в работах украинских лексикографов (например, Н. М. Зайцева, 1951, 27; М. М. Пилинский, 1963, 101—104); аргументация у них различная: одни считают, что это придает словарю научный характер, другие — что они дают слову «паспорт», т. е. оправдывают его включение в словарь. Ряд неоправданных, с нашей точки зрения, цитат, преследующих чисто иллюстративные цели, есть в «N.-eng. ordb.», 1965; часто они не вносят ничего нового в понимание значения слова, не являются крылатыми словами, обычно ассоциируемыми с данной вокабулой. Ср. статью *dum* 'глупый', где в дополнение к переводным эквивалентам *dumb*, *stupid* дана цитата из Ибсена: «se, det fikk fanden fordi han var d-, og ikke beregnet sitt publikum that's what the devil got because he was stupid, and didn't take his audience into account». Ср. также статью *mjød* 'мед (напиток)': «mead (fermented drink including honey); mjøden farver fortidens skygge blek mead brightens the pale shadow of the past (Wergeland)». Подобных примеров в этом словаре множество.

их элементов. Характерно, что их нет в толковом словаре норвежского языка (NRO).

«**moment** -et, -er... 2) факт, обстоятельство, фактор; et vesentlig [viktig] ~ существенный [важный] факт.»

«**melk** -en молоко; blårent ~ снятое молоко; breste ~ квасить молоко (...).». Словосочетания *снятое молоко*, *квасить молоко* никакой дополнительной информации о слове *молоко* не сообщают. Напомним, что это иностранно-родной словарь для русского читателя и что частотность слова *melk* на много порядков выше частотности слов *blårent* и *breste*. Поэтому читатель будет искать их значение на своем алфавитном месте, а не в статье *melk*.⁹

Ср. также «Кирг.-р. сл.», 1965; «**жанчык** I карман; жанчыгымда бар эле сары алтындан бир калта *фольк* 'у меня в кармане был мешочек с желтым золотом'». Эта цитата несколько не модифицирует перевода слова *жанчык* и поэлементно переводится. Ср.: «**калта** I ир. I. мешочек...»; «**алтын** золото; сары алтын или кызыл алтын¹⁰ чистое золото...» и т. д.

Приведенные выше примеры из «Норв.-р. сл.» и «Кирг.-р. сл.» касались иностранно-родного словаря. То же явление мы находим в родно-иностранных словарях. Получаемый за счет дублирования информации, данной в других местах, внушительный размер словарных статей на деле отнюдь не увеличивает переводческой компетенции словаря. Ср. «Р.-нем. сл.», 1965:

«**вал** III м *тех.* Welle f (11), Walze f (11); коленчатый ~ Kurbelwelle f, gekröpfte Welle; приводной ~ Antriebswelle f; гребной ~ мор. Schraubenwelle». В том же словаре, в статьях *коленчатый* и *приводной* мы находим эти же словосочетания; в статье *гребной*, правда, словосочетание *гребной вал* не дано. Если цель помещения этих словосочетаний состояла в том, чтобы дать грамматический образец перевода сочетания прилагательного со словом *вал*, то достаточно было бы одного примера; кроме того, следовало бы дать сочетание существительного в род. п. + *вал*, например *вал пропеллера*. Скорее всего просто некритически переведены примеры толкового словаря русского

⁹ Попутно отметим, что эти примеры не только неудачны из-за своей неинформативности, но и фактически неверны. Слово *blårent* — диалектное, и, кстати, поэтому сочетание его с книжной (консервативной) формой *melk* — вместо радикальной *mjøl* — стилистически неточно. На своем алфавитном месте оно дается в этом же словаре следующим образом: «*blårent a диал.*: ~ *melk* снятое молоко»; однако *blårent* означает 'жидкий до голубизны (о молоке)' и в принципе может употребляться и о цельном молоке. *Снятой* по-норвежски *skummet*. Глагол *breste* также диалектный, что, впрочем, не отражено в «Норв.-р. сл.». На своем алфавитном месте он дан так: *breste -et -et* квасить (*молоко*); следует «*brèst e -et -et диал.* створаживать (*молоко кипячением*)». Вообще слова *blårent* и *breste* — весьма редкие, первое из них даже не включено в словарь Э. Хэугена («N.-eng. ordb.», 1965). В статье *melk* это, разумеется, просто балласт.

¹⁰ Знак ~ (тильда) в этом словаре не используется. Подача сары {кызыл} была бы экономнее.

языка; ср. Мал. ак. сл.: «ВАЛ² ... Коленчатый вал. Мельничный вал. Гребной вал».

«финноз...ный мед. finnig; ~ное мясо finniges Fleisch».

«барда ж. с.-х. Treber pl, Trester pl, Schlempe f (11); ~ идет на корм скоту die Treber dienen als Viehfutter».

Ряд случаев неоправданного включения свободных словосочетаний русского языка в русско-румынский словарь (Dicționar rus-romîn. Vol. 1—2. București, 1959—1960) критикует Н. Г. Корлэтяну (1964, 20—21) (см. также: О. С. Истрина, 1944, 91). По подсчетам В. Г. Гака (1964, 75—77) в «Рум.-р. сл.», 1953, примерно 15% материала падает на ненформативные для читателя словосочетания.

В отечественной лексикографической практике нам известна только одна попытка сознательного введения в состав словаря большого числа свободных словосочетаний, буквально (поэлементно) переводимых на выходной язык.¹¹ Это — «Нем.-р. сл.» под ред. И. В. Рахманова (1955); на этом примере особенно отчетливо видны некоторые слабые стороны данной лексикографической концепции.

Из предисловия (3) следует, что словарь рассчитан «прежде всего на преподавателей немецкого языка и студентов факультетов иностранных языков педагогических институтов», т. е. на русского читателя, стремящегося активно овладеть немецким языком. Отмечается, что в отличие от всех издававшихся до сих пор иностранно-русских словарей читатель может найти в нем не только переводы слов и фразеологии немецкого языка, но также и употребление слов в свободных сочетаниях. Включение в словарь свободных сочетаний дает возможность, во-первых, понять значение немецкого слова, а во-вторых, правильно употребить его для выражения своей мысли в устной и письменной форме. Из этих употребительных свободных сочетаний «более или менее точно вырисовывается, с одной стороны, значение немецкого и русского слова и, с другой стороны, возможность его употребления в сочетании с другими словами, например: **Haus** и дом {1) großes большой, kleines маленький, neues новый, altes старый, mehrstöckiges многоэтажный, 2) bauen строить, abbrechen ломать¹² и т. д.» (3).

Приведем еще несколько примеров, из которых будет ясна установка авторов (из словарной статьи берутся только свобод-

¹¹ О необходимости издания словарей словосочетаний см.: О. С. Ахманова и Э. М. Медникова, 1965, 12. (Вряд ли, однако, можно согласиться с авторами, утверждающими, что понятие лексической сочетаемости «фактически еще не нашло не только применения, но и даже общего признания».) Обзор работ по сочетаемости слов как лексикографической проблеме см.: И. Г. Ольшанский, 1969, 53—71. По подсчетам В. Г. Гака (1946, 75—77), в «Рум.-р. сл.», 1953 примерно 15% материала падает на ненформативные для читателя словосочетания.

¹² В тексте самой словарной статьи (которая, кстати, отличается в некоторых деталях от варианта в предисловии, см. ниже) дан более удачный перевод *сносить*.

ные словосочетания, так как в остальной части словарь не отличается от обычных):

«**Laune** / 1. настроение, расположение духа [gute хорошее, heitere, frohe веселое, übersprudeinde неудержимо веселое, schlechte, böse плохое, düstere мрачное, gedrückte подавленное]...; **groß** I a 1. большой, обширный [ein Land страна, ein Gebäude здание, ein Buch книга, ein Stück кусок, eine Reise путешествие, eine Volksmasse толпа народа, ein Gefolge свита], большой, крупный [ein Apfel яблоко, перен. eine Freude радость, eine Dummheit глупость, ein Irrtum заблуждение, ошибка]... 4. великий [ein Mensch человек, ein Geist ум, ein Redner оратор, ein Dichter поэт, писатель, ein Künstler художник]... благородный [ein Charakter характер; eine Tat поступок]...; **singen*** vi, vt петь [1) ein Lied песню, eine Arie арию, ein Duett дуэт, ein Solo (партию) соло; die zweite Stimme второй голос; die ersten Partien первые партии; 2) Alt альт, Baß басом, Sopran сопрано, Tenor тенором; 3) der Sänger певец, die Nachtigall соловей; eine Stimme голос, die Geige скрипка; der Teekessel чайник; 4) schön красиво, falsch фальшиво, (un)rein (не)чисто; auswendig наизусть; zweistimmig в два голоса; 5) im Chor в хоре, хором; vom Blatt с листа; mit Ausdruck с выражением, выразительно; mit schwacher (starker) Stimme слабым (сильным) голосом]...».

Авторы указывают в предисловии, что на мысль создать такой словарь, который они определяют сами как «стилистика-переводной»,¹³ их натолкнуло высказывание Л. В. Щербы об основных недостатках существующих переводных словарей: «во-первых, обычные переводные словари не дают настоящего знания иностранных слов, а лишь помогают догадываться об их смысле в контексте». Во-вторых, «переводные словари, переводя иностранное слово тем или другим своим словом, совершенно не заботятся о многозначности этого последнего». Очевидно, что, приводя большое количество свободных словосочетаний с данным немецким словом, авторы пытались преодолеть эти недостатки, характерные для двуязычных словарей.

Для выполнения первой задачи свободные словосочетания должны были бы быть максимально разнообразными, иллюстрируя различные оттенки значений слова, не выделяемые в слова-

¹³ Первая часть этой формулировки неточна, представляя собой буквальный перевод немецкого термина Stilwörterbuch. Однако немецкие Stilwörterbücher (например, «Der Große Duden», 1963) представляют собой словари управления и сочетаемости, и информация о стилистической характеристике слова дается в них не в большем объеме, нежели в обычных толковых словарях. Сочетаемость в словаре «Der Große Duden» указывается при словах типа Haus, естественно, не полная, а лишь типичная. Как и в больших толковых словарях (например, Словарь Уэбстера, 1961), фактически используются два основных способа указания лексической сочетаемости: а) прямое указание, т. е. перечисление всех тех слов, с которыми сочетается данная вокабула (для единичной или ограниченной сочетаемости); б) косвенное указание — при помощи иллюстраций (Л. П. С т у п и н, 1964, 37).

ре эксплицитно — посредством пояснений (типа примеров со словом *Buch*). Однако нанизывание однотипных слов, с которыми может сочетаться заглавное слово статьи, не дает дополнительной информации о семантике последнего, а лишь указывает на его лексическую сочетаемость,¹⁴ или валентность (ср. Л. Н. Засорина, В. П. Берков, 1961, 133—139). Остановимся на примере статьи *Haus*, поскольку она цитируется в предисловии к словарю, по-видимому, как четкая иллюстрация установок авторов. При первом значении («I. дом, здание»¹⁵) указано 20 свободно сочетающихся с ним прилагательных и 11 глаголов. Прилагательные и глаголы разбиты на группы, отделенные друг от друга точкой с запятой; значение этого знака в ряду иллюстрирующих примеров нигде в словаре в явном виде не оговарива-

¹⁴ Попытка формального определения сущности лексической сочетаемости имеется в работе: Н. В. Коссека, 1966, 97: «Сочетаемость каждого отдельного слова внутри заданной синтаксической структуры зависит от частичного совпадения/несовпадения семем соседних слов. Если представить семему в виде набора сем (элементарных смыслов, семантических множителей), то вопрос о лексической сочетаемости слов сведется к подбору таких синтагм, соседние члены которых имеют хотя бы один общий семантический множитель». В данной статье анализируются с этой точки зрения конструкции «глагол перемещения+предлог+имя» в современном болгарском языке (типа *отивам в града*). Очевидно, что эффективность такого подхода в конечном счете будет определяться инвентарем используемых семантических множителей, для установления которого, насколько нам известно, пока не предложено общепринятой процедуры. Например, для доказательства того, что в русском языке возможно сочетание *высокий мужчина*, «семема» *мужчина* должна иметь «сему» трехмерности. Неясно, можно ли вообще предложить универсальный метод разложения всех слов на семантические множители. Ср. тот факт, что в одной модели семантического языка без определений была оставлена «вся конкретная и семантическая лексика, в особенности слова, обозначающие конкретные предметы: ср. *стол, иволга, собака, метла, дерево, кастрюля* и т. п. ... Предметом семантического анализа (разложения на элементарные смыслы) являются слова с более или менее абстрактным значением, обозначающие отношения...» (Ю. Д. Апресян, 1966, 257; см. также: А. К. Жолковский, 1964, 6). Метод, предложенный Н. В. Коссеком, по существу аналогичен методу синтеза осмысленных предложений на ЭЦВМ, где значение слов представляется в виде конъюнкции признаков (RX-кодов) и предложения синтезируются на основе наличия у двух соседних слов общего RX-кода или общих RX-кодов (Л. Э. Пшеничная и Э. Ф. Скороходько, 1963, 261—273). Для этого опыта тоже характерно, что набор RX-кодов (т. е. семантических множителей, сем) определялся требованиями эксперимента: понятие *самолет* составлялось из понятий: 1) летательный аппарат тяжелее воздуха; 2) силовая установка, создающая тягу; 3) крыло и отношений: 1) быть элементом класса; 2) иметь в своем составе и т. д. (Эти понятия разворачивались затем в элементы более элементарного кода). Такой набор RX-кодов, например, не может быть использован для создания словосочетаний *тень самолета* (не указан признак непрозрачности); *грузовой самолет* (не указано назначение этого аппарата, если не исходить, конечно, из того, что понятие транспортировки имплицитно содержится в понятии *летательный аппарат*), *ненадежный самолет*, *красивый самолет* и т. д.

¹⁵ Точнее было бы «дом (здание)», так как в немецком есть более точный эквивалент русского слова *здание* — *Gebäude*.

ется, но очевидно, что так группируются слова, обозначающие разную степень какого-либо общего признака. Прилагательные, сочетающиеся с существительным Haus, составляют следующие группы (буквенная нумерация наша; переводы для краткости опускаем): а) großes, riesiges, hohes; б) schönes, gemütliches, reiches; в) neues, altes; г) festes, baufälliges, morsches, zerfallenes; е) stilvolles, modernes, altmodisches; ф) einstöckiges, vielstöckiges, mehrstöckiges; г) geräumiges; h) eigenes, privates. Глаголы делятся на группы: а) bauen, umbauen, verschieben, abbrechen, niederreißen, instand setzen, renovieren; б) verziehen, anstreichen; в) bewohnen, besetzen. Из этих словосочетаний можно извлечь только ту информацию, что существительное Haus сочетается с прилагательными, обозначающими: а) размер; б) эстетическую оценку, эмоциональное воздействие, количество содержащихся в нем ценных вещей или количество вложенных в него средств; в) возраст; г) прочность и т. д. Ничего дополнительного этими сведениями в понимание семантики слова Haus не вносится; например, не выясняется, можно ли о шалаше, элеваторе или киоске сказать Haus и т. п. Список групп прилагательных, сочетающихся с этим существительным, разумеется, неполный: русский читатель не получает сведений о том, могут ли определять это существительное прилагательные, обозначающие цвет (grau, braun), стоимость (teuer, billig), материал (например, допустимо ли сказать ein hölzernes Haus или ein steinernes Haus), чистоту (rein, schmutzig) и т. д. Даже и в отношении тех групп, которые приведены в словаре, могут оставаться неясности: можно ли сказать ein schmales (breites) Haus? Этот большой список, таким образом, не уточняя значения слова Haus по сравнению с его русским эквивалентом дом, перечисляет лишь некоторую часть немецких слов, с которыми сочетается существительное Haus. А информация, содержащаяся в вышеприведенном списке, уже в имплицитном виде содержится в краткой формуле нем. Haus = русск. дом.

Что касается другого указанного Л. В. Щербой недостатка переводных словарей — многозначности переводящих эквивалентов, который составители пытались преодолеть при помощи помещения в словарь свободных словосочетаний, то и в этом отношении рассматриваемый словарь не лишен недочетов. Для того чтобы читатель получил сведения о том, какое из значений переводящего эквивалента соответствует значению переводимого слова, а какое — нет, недостаточно привести в качестве иллюстраций только те сочетания, в которых реализуется одно или несколько из этих значений, но следует в явной форме указать, какие сочетания с ним невозможны, либо, проще, дать ограничивающие пояснения. Схематически это можно выразить так, что если в языке А слову X_A соответствует в языке В эквивалент X_B , причем объем значения последнего больше объема значения X_A , то в эксплицитной форме должен быть оговорен

остаток $X_B - X_A$. Например, в этом словаре дается:

«**bedrängen** *vt* осаждать [mit Bitten просьбами, mit Forderungen требованиями]; преследовать; er wird von den Feinden bedrängt его преследуют враги».

Из этой статьи в явной форме не следует, что *осаждать* в значении 'подвергать осаде' (например, крепость) не может быть переведено при помощи немецкого глагола *bedrängen*, равно как из статьи *belagern* не следует, что по-немецки нельзя сказать mit Bitten *belagern*. Ср.: «**belagern** *vt* осаждать [eine Stadt город, eine Festung крепость]; er wird von allen Seiten belagert *перен.* его осаждают со всех сторон».

Такой нечеткости можно было бы до некоторой степени избежать, если бы в этом словаре имелось формальное средство для разграничения словосочетания иллюстративного и словосочетания уникального (ср. Н. Wissenmann, 1961, 255), в частности единственно возможного с данным словом. Ср., например, одинаковую подачу таких принципиально различных случаев, как глагола *braten*, сочетающегося с множеством дополнений, и глагола *bohren*, сочетающегося только с существительным *Diele* (или *Zimmer* и т. п.): «**braten** I *vt* 1. жарить [Fleisch мясо, eine Gans гусь], с одной стороны, и «**bohren** *vt* натирать воском [die Diele пол]»¹⁶ — с другой.

В целом приходится признать, что приведение в словарной статье большого числа свободных сочетаний, пословно переводимых на выходной язык в том виде, как это сделано в «Нем.-р. сл.», 1955, представляется недостаточно эффективным. Неясно, может ли вообще этот метод быть полезным для иностранно-родного словаря. Из технических моментов отметим явную ненужность переводов словосочетаний (типа *großes* 'большой' и т. п.).

Противоположного взгляда придерживается З. В. Лапшина (1965, 18—27), считающая только что рассмотренный словарь лучшим образцом немецко-русской лексикографии. Основное его достоинство З. В. Лапшина видит в том, что в нем указаны «наиболее часто употребляемые сочетания лексем» (20); на основании этого делается вывод, что наличие в этом словаре большого количества свободных словосочетаний позволяет учесть «немецко-русскую идиоматику в области сочетания лексем» (21). Приведенное рассуждение представляется неверным, поскольку не доказан (и, с нашей точки зрения, не может быть доказан) тезис о том, что наиболее высокочастотные сочетания обладают межъязыковой идиоматичностью. Как мы постарались показать, дело обстоит, в общем, как раз наоборот. Немецкое существительное *Haus*, можно предполагать, чаще всего сочетается с притяжательными местоимениями (*mein, dein, unser* и т. п.) и качественными прилагательными (*neues, großes*

¹⁶ В «Нем.-р. сл.», 1958 это слово (в другой основной форме) подано точнее: «**bohren** *vt* натирать воском (*пол*)».

и т. п.), равно как и русское существительное *дом*. Именно в таких случаях реже всего встречается межъязыковая идиоматичность.

В только что рассмотренном «Нем.-р. сл.», 1955 большое число свободных словосочетаний было введено по теоретическим соображениям — предполагалось, что таким образом будет более точно и четко очерчена сфера употребления слова. Однако возможен и другой подход. В принципе возможен словарь наиболее употребительных словосочетаний или предложений одного языка с их переводом на другой язык. Таким образом составляются разговорники. В последних материал располагается обычно тематически,¹⁷ и берутся наиболее употребительные предложения входного языка, которые особенно актуальны для общения представителей данных двух языковых коллективов. Как правило, такого типа словари (разговорники) имеют небольшой объем и являются пособиями для лиц, только начинающих изучать язык.

Фактически тем же целям служат и большие «словари предложений». Примером такого справочника является словарь К. А. Raffen, 1966.¹⁸ Цель этого обширного пособия (1469 стр.), охватывающего несколько десятков тысяч немецких предложений с русскими переводами, состоит, как ее определяет автор, в том, чтобы дать читателю различные предложения, «нужные нам в путешествиях, беседе и переписке» (V). В отличие от фразеологических словарей рассматриваемый словарь содержит по преимуществу «простые предложения» (schlichte Sätze), например: «**Bahnhof** *¹⁹ Bahn, Eisenbahn — Wie komme ich zum Bahnhof? Как пройти (просхать) мне на вокзал? — Ist es weit von hier bis zum Bahnhof? Далеко ли отсюда до вокзала? — Ich gehe zu Fuß zum Bahnhof. Я иду пешком на вокзал. — Ich werde zum Bahnhof fahren. Я поеду на вокзал. — Ich werde dich vom Bahnhof aus anrufen. Я позвоню тебе с вокзала. — Ich ging in den Bahnhof hinein. Я вошел в вокзал. — Ich sitze jetzt in Leningrad auf dem Bahnhof. Сажу теперь в Ленинграде на вокзале».

При почти полном отсутствии работ, в которых бы исследовалась частотность предложений (единственная известная нам работа — уже упомянутая статья Л. А. Леоновой и Э. П. Шуби-

¹⁷ Впрочем, тематическое расположение материала (включающего обычно не только предложение, но и отдельные слова и словосочетания) — не единственный способ подачи материала. Так, например, «Langenscheidts Metoula-Sprachführer. Niederländisch» (1960) построен последовательно по тематическому принципу, тогда как изданный в этой же серии «Langenscheidts Metoula-Sprachführer. Norwegisch» (1958) представляет собой по преимуществу алфавитный словарь, где под отдельными вокабулами (например, Arzt, Geschäft, Hotel, Körper, Platz и т. п.) даются слова, словосочетания и целые предложения, относящиеся к данной теме.

¹⁸ Русский подзаголовок этой работы — «Немецко-русский фразеологический словарь» — неточен, так как в русском языке термин «фразеологический словарь» используется в ином смысле.

¹⁹ Знак * означает: см. также.

на, 1970), отбор предложений в этом словаре, разумеется, весь-
ма субъективен и может оспариваться. Ср.: «**Fußgänger.** — Ein
Fußgänger überschritt die Straße an e—r verbotener Stelle. Ein
Milizionär hielt ihn an. Один пешеход перешел улицу в недозво-
ленном месте. Милиционер его задержал. // **Garderobenmarke.** —
Verlieren Sie nicht Ihre Garderobenmarke! Не теряйте гардероб-
ного номерка! // **Zündung.** — Die Zündung hat zeitweilig ausge-
setzt <Auto>. Зажигание барахлило» и т. п.

Насколько можно судить по материалу, кроме цели, указан-
ной выше, автор стремился также показать употребление,
в частности управление, русских эквивалентов заглавных немец-
ких слов. Отсюда обилие примеров с типичными грамматически-
ми конструкциями, но едва ли являющихся наиболее вероятны-
ми предложениями с данной вокабулой, например: «**nordöstlich** —
Kostroma liegt nordöstlich von Moskau. Кострома расположена
[лежит] к северо-востоку от Москвы. // **ohnedem** — Ich hätte es
auch ohnedem getan. Я это и без того бы сделал».

В словаре нередко встречаются и группы однотипных приме-
ров; ср. «**verzeihen:** Verzeih mir, Katja! Прости меня, Катя! —
Ich kann dir nicht verzeihen. Я не могу прощать (лучше: про-
стить. — В. Б.) тебя. — Iwan hat dem Sohne verziehen. Иван про-
стил сына».

Установка на то, чтобы каждое слово в этом словаре сопро-
вождалось бы предложением, которое иллюстрировало его упо-
требление, или, точнее, стремление включить в «словарь пред-
ложений» возможно большее число слов приводит неизбежно к
обилию предложений, никоим образом не раскрывающих специ-
фики этого слова (очень часто у слова и нет специфики), пред-
ложений, с легкостью конструируемых из отдельных элементов.
Эти предложения не дают читателю никакой дополнительной
информации, если ему известно значение данного заглавного
слова или если он пользуется обычным переводным словарем.
По замыслу автора, этот «словарь предложений не заменяет,
а дополняет словарь» (V). Однако значительная часть материа-
ла в «Satzlexikon» только дублирует словарную информацию.
Ср.: «**Neffe.** — Ich bin ihr Neffe. Я их племянник // **objektiv.** —
Der Mensch soll objektiv sein. Человек должен быть объекти-
вен. — Sie ist nicht objektiv. Она не объективна // **Notausgang.** —
Wo ist der Notausgang? Где запасный выход? // **Breitwandfilm.** —
Ich habe schon oft Breitwandfilme gesehen. Я часто видел широ-
коэкранные фильмы. // **Arbeitstag.** — So beginnt mein Arbeits-
tag. — Так начинается мой рабочий день.²⁰»

²⁰ Попутно упомянем, что в русской части словаря встречаются и язы-
ковые ошибки; ср.: *мы жарили гусь* (421); *он поет романс Глинки с сопро-
вождением рояля (оркестра)* (143); *он ни с кожи, ни с рожи* (1148); *паро-
ход потонул до одного* (723); *в пятом году своей жизни она потеряла
зрение* (674); *wir haben keinen Mangel an Arbeitskräften* переведено как *у
нас нет недостатка рабочих рук* (79) и т. д.

Оценивая словарь К. А. Паффена в целом, мы должны признать, что попытка совместить в одном пособии функции разговорника, справочника по управлению и той части двуязычного словаря, где переводятся словосочетания, приводит как к значительной разнохарактерности материала, так и к тому, что расматриваемый «Satzlexikon» в огромном числе случаев лишь повторяет те сведения, которые дает обычный двуязычный словарь. Словарь изобилует предложениями, поэлементно переводимыми с немецкого на русский и к тому же далеко не всегда являющимися безусловно наиболее типичным лексическим окружением для заглавного слова. Этот избыточный материал подтверждает идею, лежащую в основе всех двуязычных словарей, что для точного установления значения слова иностранного языка далеко не всегда необходим широкий контекст: если это слово имеет точный и однозначный эквивалент, то экзemplификация не вносит ничего нового.

Регулярная поэлементная переводимость какого-либо сочетания слов или каких-либо сочетаний слов одного языка может иметь место по отношению к одному другому языку или по отношению к ряду языков (теоретически — ко всем другим языкам). Однако для переводной лексикографии, объектом которой являются элементы лексики двух языков, существенно только соотношение словосочетаний данной пары языков. Весьма часта ситуация, когда вся совокупность словосочетаний с определенным словом в языке А поэлементно переводится на язык В, но только частично, поэлементно на язык С. Например, немецким словосочетаниям с прилагательным *braun* в норвежском соответствуют словосочетания с прилагательным *brun*: *braune Wände*—*brune vegger*, *braune Bücher*—*brune boker*, *braune Autos*—*brune biler*, *braune Augen*—*brune øyne*, *braune Haut*—*brun hud*, *braunes Haar*—*brunt hår* и т. д. Поэтому в немецко-норвежских словарях обычно дается только перевод *braun* = *brun* без каких-либо словосочетаний, а в норвежско-немецких — также без словосочетаний — *brun* = *braun*. Однако не все эти немецкие словосочетания с *braun* переводятся на русский при помощи прилагательного *коричневый*, являющегося основным эквивалентом прилагательного *brun* в этих словосочетаниях; ср.: *braune Augen*—*карие глаза*, *braune Haut*—*смуглая кожа*, *braunes Haar*—*каштановые волосы*. Другой пример. С точки зрения русского и украинского языков русские словосочетания глагола *хотеть* с инфинитивом переводимы регулярно, тогда как для пары русский — норвежский дело обстоит иначе; ср.: *хочу пить*—*jeg vil synge*, *хочу читать*—*jeg vil lese*, *хочу лежать*—*jeg vil ligge* и т. д., но *хочу пить*—*jeg er tørst* (*tørst* 'испытывающий жажду'), *хочу есть*—*jeg er sulten* (*sulten* 'голодный'), *хочу спать*—*jeg er søvnig* (*søvnig* 'сонный, которого клонит в сон').

Выше рассматривались словосочетания, которые в лингвистике принято называть свободными. Под свободными словосо-

четаниями подразумеваются такие сочетания слов, где каждое слово употреблено в своем основном номинативном значении (В. В. Виноградов, 1953, 12; О. С. Ахманова, 1957, 166). Использование слова в его основном номинативном значении «нормально ограничивается только логикой вещей» (О. С. Ахманова, там же).

Несвободным словосочетаниям (фразеологическим единицам, устойчивым словосочетаниям, идиомам, идиоматизмам и т. д., ср.: О. С. Ахманова, 1966, 503 «фразеологическая единица») посвящена очень большая литература. Вместе с тем вопрос об идиоматизмах в двуязычном словаре менее разработан. Весьма полезным для переводной лексикографии представляется подход к этой проблеме И. А. Мельчука (1960, 73—80), где в качестве одного из возможных критериев выделения идиоматизма используется перевод на другой язык. И. А. Мельчук предлагает разграничивать устойчивость и идиоматичность как различные характеристики словосочетания. Устойчивость трактуется им как вероятность, с которой данный элемент предсказывает совместное появление остальных элементов сочетания (в определенном порядке относительно предсказывающего элемента). Удобнее всего вычислять устойчивость по тому элементу, который лучше других элементов этого же сочетания предсказывает появление остальных; например, в словосочетании *бить баклуши слово баклуша* со 100%-й вероятностью предсказывает слово *бить* (73). Сочетания считаются устойчивыми или неустойчивыми, в зависимости от выбранного «порога устойчивости». Устойчивость возможна по двум и более элементам; например, в словосочетании *выносить сор из избы* ни один из элементов не предсказывает с достаточно большой вероятностью остальные, но два вместе взятые *выносить сор* предсказывают остальные (74).²¹ Предлагаемое И. А. Мельчуком определение идиоматичности является развитием определения И. Бар-Хиллела (1957, 259). Сущность определения состоит в том, что сочетание идиоматично только тогда, когда его переводной эквивалент не совпадает с суммой переводных эквивалентов его частей. Идиоматичность зависит от языка, по которому она определяется («межъязыковая» идиоматичность — при другом языке; при синонимических заменах в пределах одного языка мы имеем дело с «внутриязыковой» идиоматичностью). Она зависит далее от словаря (степень учета им значений, реализуемых только в со-

²¹ Оговорка о предсказуемости словосочетания лишь по определенному числу элементов (≥ 1) принципиальна. В противном случае утверждение о предсказуемости того или иного словосочетания теряет смысл. Ср., например, формулировку: «Пословицы, поговорки, т. е. предложения типа *Волков бояться, в лес не ходить, Семь бед один ответ, Тише едешь, дальше будешь, Один в поле не воин*, составляющие часть фразеологического фонда языка, также характеризуются стопроцентной предсказуемостью» (Э. М. Медникова, 1968, 157). Слово «предсказуемость» употреблено здесь, по-видимому, в смысле «невариабельность».

четаниях) и от требований к качеству перевода (75). В работе И. А. Мельчука предлагается следующее определение идиоматичности: «Сочетание является идиоматичным, если и только если в него входит хотя бы одно такое слово, которому при переводе сочетания в целом пришлось бы приписать переводной эквивалент, возможный для данного слова только при появлении этого слова одновременно со всеми остальными элементами сочетания (в определенном порядке), причем данное слово может встречаться также без остальных элементов и имеет тогда другой перевод» (76).²² Поскольку устойчивость и идиоматичность — независимые свойства сочетаний, возможны четыре типа последних: 1) устойчивые идиоматичные: *бить баклуши* (выделен элемент, по которому определяется устойчивость); 2) устойчивые неидиоматичные: *закадычный друг*; 3) неустойчивые идиоматичные: *была не была*;²³ 4) неустойчивые неидиоматичные, к которым относятся так называемые свободные (*белая стена*), а также ряд несвободных сочетаний — сложные термины (*дифференциальные уравнения*), штампы или клише, пословицы, поговорки, «крылатые слова» и т. д. (79—80).

И. А. Мельчук сам отмечает, что требование о единственности сочетания как критерий его идиоматичности, может быть, слишком жестко и что его возможно видоизменить, введя в него представление о степени идиоматичности. Произвольно выбирается «порог идиоматичности», и словосочетания с высокой степенью идиоматичности (выше этого порога) будут условно называться идиоматичными (78). М. М. Копыленко (1964, 165) предлагает считать «порогом идиоматичности» наличие 3—5 сочетаний со специфическим переводом общего слова.

Уточним, что причисление пословиц, поговорок и «крылатых слов» к неустойчивым неидиоматичным словосочетаниям верно только в том случае, если брать устойчивость их по одному элементу (ср. приведенное выше рассуждение И. А. Мельчука об устойчивости словосочетания *выносить сор из избы* по двум

²² Н. Н. Амосова отмечает, что «эти операции не обеспечивают четкой формальной дифференциации узуальных и окказиональных, идиоматических и образных комбинаций слов» (1966, 72). Это справедливо при применении внутриязыковой перифразы, но не межъязыковой. Действительно, выражение Маяковского *версты улиц взмахами шагов мну* можно перефразировать по-русски так, как это предлагает Н. Н. Амосова: *версты улиц* + [*взмахами шагов* = пропуск] + [*мну* = единичный перевод 'прохожу']. Однако вполне мыслим «дословный» перевод этой цитаты на иностранный язык, и, следовательно, здесь не будет межъязыковой идиоматичности, например: *jeg krøller gatenes kilometer med skrittenes sving* (перевод наш).

²³ Хотя это с очевидностью следует из вышензложенного, во избежание недоразумений еще раз подчеркнем, что устойчивость определяется И. А. Мельчуком как вероятность, с которой данный элемент предсказывает появление других, а не как стабильность, невариабельность сочетания. «Неустойчивость» сочетания *была не была* вовсе не означает возможности замены одних элементов другими, их вариабельность. Соглашаясь с И. А. Мельчуком, В. Н. Телля (1966, 55), чтобы не нарушать терминологическую традицию, предлагает термин «лексически маркированный фразеологизм».

элементам *выносить сор*). И пословицы, и поговорки, и крылатые слова очень часто устойчивы уже по двум-трем первым элементам, например, *молчание — знак (согласия)*; *слово — серебро, (а молчание золото)*; *семеро одного (не ждут)*; *что посеешь, (то и пожнешь)*; *государство — это (я)*; *разделяй и (властвуй)*; *счастливые часов (не наблюдают)*; *унтер-офицерская вдова (сама себя высекала)* и т. п.²⁴

Такой подход, несмотря на его известную схематичность, признаваемую, впрочем, самим И. А. Мельчуком (73), имеет то преимущество, что из определений исключаются понятия смысла и значения, для непосредственного исследования которых нет пока объективных методов (75). Ср. высказывание И. Бар-Хиллела (1927, 260): «Понятие идиомы, которое может находиться в подсознании лексикографа, является досистемным, смутным и неясным».²⁵ Вместо них используются являющиеся объективной реальностью переводные эквиваленты.

Обычно при определении идиоматизма семантический критерий пытаются дополнить иными, например фонетическим, грамматическим, стилистическим и т. д., утверждая, что только применение их всех в совокупности (хотя каждое из этих дополнительных условий может не соблюдаться) позволяет отграничить свободное словосочетание от фразеологического (например, В. П. Остапенко, 1958, 7—12; П. А. Лекант, 1968, 91). Конечно, делались и делаются попытки выделения фразеологизмов на основе иных формальных критериев. Например, М. Т. Тагиев (1966, 66—74) предлагает в качестве критерия для приписания словосочетанию статуса фразеологизма наличие у него собствен-

²⁴ Это обстоятельство, имеющее для переводной лексикографии принципиальное значение, о чем будет говориться ниже, может использоваться, в частности, для экономии места в словаре. Так, С. Фоллеста (S. Follestad, 1962) в словнике иногда приводит только первую часть пословицы, исходя из того, что для норвежского читателя этого достаточно; ср. (в скобках приведена та часть пословицы, которая опущена С. Фоллеста): *den som graver en grav for andre... (faller selv i den)* (48) 'тот, кто роет яму другим'... (т. е. 'не рой другому яму'...); *på en snakker om sola... (skinner den)* (282) 'когда говорят о солнце... (оно светит)' (≈ 'легко на помине'); *krukken går så lenge til vanns... (at den kommer hankeløs hjem)* (242) 'повалился кувшин по воду ходить...'; *det som hjertet er fullt av... (60)* 'у кого что болит...'

²⁵ О понимании английскими лингвистами идиомы как «любой особенности языка, не поддающейся логическому обоснованию» см.: Н. Н. Амосова, 1963, 78—79; в общем сходное понимание фразеологии находим у Н. Янко-Триницкой (1969, 429—436) («фразеология — это интеграция языковых единиц значимых уровней языка, выходящая за пределы системы, но принятая нормой» — 434). Ср. также А. М. Бабкин, 1964 б, 17: «За словами „фразеологизм“, „идиома“ еще не закреплено отчетливого терминологического значения ни в теоретических работах по вопросам фразеологии, ни тем более в практике составления словарей. Употребление выражений „устойчивое сочетание слов“, „фразеологическая единица“ также характеризуется некоторой сбивчивостью. Под понятие „идиоматизм“ подводится самый широкий круг лингвистических объектов... таким образом в понятие идиомы совмещаются весьма разные типологически и понятийно объекты».

ного окружения, не вытекающего из валентных отношений слов-компонентов: *дети просят каши* (субъект — лицо), *ботинки просят каши* (субъект — не лицо). Во многих случаях этот метод может быть полезен, но в ряде ситуаций мы при его помощи не можем определить, имеем ли мы дело со свободным словосочетанием или с фразеологизмом, лишь на основе тех лексико-грамматических элементов, с которыми в данной конфигурации выступает это словосочетание; ср., например, двусмысленность внешнеширокого контекста таких предложений: *если бы Петр Петрович не подставил мне ножку, все было бы в порядке*; *Николай дал задний ход и извинился; я паду пред ним на колени и буду просить...*; *оставшись один, он вскоре сбился с пути*. С другой стороны, при таком подходе выпадают из класса фразеологизмов словосочетания типа *тяжел на подъем, не тяни кота за хвост, не укладывается в голове, не лыком шит* и т. п., не имеющие соотносительных с ними по составу свободных словосочетаний (ср. также: Н. М. Шанский, 1968, 10). М. А. Пеклер (1964, 102) выдвинул предположение, что «идиоматичность сочетания (с данным стержневым словом) обратно пропорциональна статистическому рангу слова, сочетающегося со стержневым». Он полагает, что это даст возможность «формализовать интуитивные представления о степени идиоматичности сочетаний и дать им числовую оценку, не прибегая к внеязыковым определениям». Недостаточность примеров в работе М. А. Пеклера не позволяет проверить правильность этого предположения, представляющегося сомнительным. По М. А. Пеклеру, например, словосочетание *брать на себя*, по-видимому, должно быть признано менее идиоматичным, чем *брать на десерт*, а *собачья жизнь* — менее идиоматичным, нежели *собачья лимфа*.

Хотя понимание идиоматичности как нерегулярной переводимости впервые было сформулировано в явном виде И. Бар-Хилелом и И. А. Мельчуком, сам такой подход, разумеется, вовсе не нов ни для теоретической лексикологии,²⁶ ни для практической лексикографии. В особенности это касается родно-иностраных фразеологических словарей. Характерным примером из множества может служить уже упомянутый словарь С. Фоллеста (S. Follestad, 1962). Цель этого справочного пособия состоит в том, чтобы сообщить норвежскому читателю такие английские словосочетания, которые нельзя получить при поэлементном переводе эквивалентных им по значению норвежских словосочетаний. Таким образом, критерием, по которому то или иное норвежское словосочетание включается в словник, является именно его «межъязыковая» идиоматичность по отношению к английскому. Поэтому в словник включены даже некоторые отдельные норвежские слова (не словосочетания), если переводной английский эквивалент — словосочетание. Композиционно книга имеет

²⁶ Ср.: Л. А. Булаховский, 1953, 33—34; А. А. Реформатский, 1967, 123—124.

следующий вид: расположенным в алфавитном порядке (по первому члену) норвежским словосочетаниям (и отдельным словам) приписываются их английские эквиваленты; в большинстве случаев приводятся примеры (без перевода). Например:

«i adamsdrakt in a state of nature; in nature's garb; stark naked; in one's birthday clothes. — The natives go about their work in a state of nature. The children ran about the beach in their birthday clothes.

i akseptert tilstand duly accepted. (Пример).

i aldri så lang tid for a considerable period of years; for donkey's years (dagl.) (=разг.). (Примеры).

i all evighet to all eternity. (Пример).²⁷»

При вышеприведенной трактовке идиоматичности для каждого конкретного языка набор возможных в нем словосочетаний, определяемых как свободные, оказывается не постоянным, а зависящим от языка, с которым проводится сравнение. Так, например, упоминавшиеся выше немецкие словосочетания *braune Augen*, *braunes Haar* по отношению к норвежскому (*brune øyne*, *brunt hår*) являются свободными, но идиоматичными по отношению к русскому (*карие глаза*, *каштановые волосы*), так как в последнем случае слову *brun* приписываются эквиваленты, возможные только при появлении других элементов сочетания (*Augen*, *Haar*). Ряд аналогичных примеров приводится М. М. Копыленко (1964, 164—168). Из этого для лексикографии следует вывод, что каким бы естественным (свободным) с точки зрения входного языка словосочетание ни представлялось, составитель словаря обязан проверить перевод этого словосочетания на выходной язык, убедиться в том, что тут нет межъязыковой идиоматичности. Для того чтобы, как говорилось выше, отсутствие в словнике переводного словаря какого-либо свободного словосочетания входного языка было точным, недвусмысленным указанием читателю на допустимость регулярного поэлементного перевода, т. е. было бы значимым, необходимо, чтобы составитель словаря проверил эти словосочетания (ср.: Л. В. Щерба, 1959, 6; Е. С. Истрина, 1951, 86) на межъязыковую идиоматичность. Это — колоссальная работа, результаты которой в огромном большинстве случаев не находят никакого материального отражения в составе словаря, поскольку именно в огромном большинстве случаев проверка показывает возможность поэлементного перевода. Вместе с тем только перебор всех словосочетаний с их переводами на выходной язык может гарантировать то, что составитель случайно не пропустит такое словосочетание, которое с внутриязыковой точки зрения является

²⁷ Отметим попутно, что дифференциальный характер словаря выдержан у Фоллеста не до конца: в словник оказались включенными и некоторые норвежские словосочетания, не обладающие «межъязыковой» идиоматичностью по отношению к английскому; ср.: *alle gode ting er tre* all good things are three. (Пример). *intet under at...* (it is) no wonder (that). (Примеры). *tilby hjelp* offer help. (Пример).

свободным, но с межъязыковой является идиоматичным. Работа по перебору словосочетаний с переводом на выходной язык крайне трудоемка и сложна, в особенности потому, что составитель данного двуязычного словаря не имеет в распоряжении готового перечня таких свободных словосочетаний входного языка: толковые словари дают всего несколько примеров, не ставя целью исчислить все такие словосочетания, а затем дают сведения о внутриязыковой идиоматичности;²⁸ переводной словарь с другим выходным языком в идеальном случае дает только информацию о межъязыковой идиоматичности для другой пары языков, а в области идиоматичности даже между близкородственными языками немало расхождений (см.: М. М. Копыленко, 1964, 164—168). Именно этим колоссальным объемом работы, которую необходимо проделать фактически без опоры на какие-либо источники, объясняется значительная часть досадных пропусков в двуязычных словарях.

Так, например, норвежский перевод русского словосочетания *первенство мира (Европы, СССР и т. п.)* + *но* + название вида спорта (в дат. п.) на первый взгляд однотипен: *verdensmesterskap* (Europa-mesterskap, SU-mesterskap и т. д.) + *i* + название вида спорта. Ср.: *verdensmesterskap* (VM) *i* turn (по гимнастике), VM *i* boksing (по боксу), VM *i* stup (по прыжкам в воду), VM *i* friidrett (по легкой атлетике) и десятки других. Однако при полном переборе обнаруживаются исключения (вместо предлога *i* употребляется предлог *på*: VM *på* ski (по лыжам), VM *på* skøyter (по конькам), VM *på* sykkel (по велосипеду).

Рассматривая в качестве примера межъязыковой идиоматичности различные сочетания с глаголом *взойти* и их переводы на разные языки, М. М. Копыленко (1964, 167—168) ограничивается десятью примерами, однако отмечает, что для полной объективности и точности исследования этого недостаточно и требуется установление полной дистрибуции глагола *взойти* и перевод всех полученных таким образом словосочетаний. За этим следует характерное признание: «Излишне упоминать о том, что выполнение этих операций пока не представляется возможным» (168). Между тем именно такие требования следует предъявлять к двуязычному словарю, что, кстати, М. М. Копыленко делает на той же странице.

Одним из частных случаев межъязыковой идиоматичности является ситуация, когда словосочетание во входном языке представляет собой «единое, но расчлененное понятие или представление» (О. С. Ахманова, 1966, 426), имеющее несколько признаков, а в выходном языке ему соответствуют два (или бо-

²⁸ Словари сочетаемости имеются для очень немногих языков, и даже они указывают только небольшую часть возможных сочетаний. Например, если сравнить количество только прилагательных, которые могут сочетаться с немецким словом *Haus* (их несколько десятков групп), с перечисленными в «*Stilwörterbuch*» (1963) и в «Нем.-р. сл.» (1955), то видно, что оба названных словаря не отражают и их десятой части.

лее) эквивалента, в каждом из которых ведущим является один из этих признаков. Например, русское словосочетание *большой город* с точки зрения русского языка имеет одно значение: 'город, характеризующийся значительными размерами'; этому основному значению может как следствие сопутствовать дополнительное — 'город, характеризующийся большой плотностью населения, интенсивным движением транспорта, большими зданиями и т. п.' В норвежском языке русскому словосочетанию соответствуют два эквивалента — словосочетание (en) stor by и сложное слово storby, первое из которых указывает на размеры города, а второе характеризует его «урбанистические» черты. По-норвежски о каком-либо городе можно сказать dette er en stor by men ingen storby ≈ 'это — большой город, но он лишен черт, характерных для современного крупного города'.²⁹ Аналогично соотношение словосочетания en liten by 'маленький город' и сложного слова småby 'провинциальный городок' (små — в сложных словах 'маленький'). Иногда свободное сочетание входного языка имеет в выходном два эквивалента, различающиеся степенью терминологичности. Русскому *горячая вода* в норвежском соответствуют два перевода — varmt vann и сложное слово varmtvann, последний из которых является техническим термином и употребляется по отношению не ко всякой воде, имеющей высокую температуру, а к горячей воде, подаваемой по трубам, нагреваемой специальными установками, отводимой от источников тепла и т. п., т. е. о воде, которая в данном месте технической системы обычно должна быть горячей. Ср. также: *холодная вода* — kaldt vann и kaldtvann, с тем же различием в употреблении. В русском и норвежском слово, недавно возникшее в языке, называется соответственно *новое слово*, nytt ord, тогда как исландский язык наряду с точным эквивалентом этого словосочетания nýtt orð имеет особое слово nýugði (буквально 'новословие'), которым называются специальные термины, созданные из средств исландского языка для обозначения новых понятий науки, техники, искусства и т. д., т. е. недавно созданные переводы интернациональных специальных терминов: например, þota 'реактивный самолет', fruma 'клетка', ritleysa 'аграфия' и т. п. (В. П. Берков, 1961, 73—83; 1969, 26—31).

Эти примеры показывают, насколько важно и насколько сложно тщательно проводить перебор свободных (с внутриязыковой точки зрения) словосочетаний при проверке их на межкультурную идиоматичность.

С другой стороны, формальный критерий проверки идиоматичности словосочетания по переводу может вступать в противоречие с нашим интуитивным пониманием идиоматичных словосочетаний как обладающих смысловой неразложимостью, «яв-

²⁹ Об Осло в шутку говорят, что это den minste av storbyer og den største av småbyer ≈ 'самый маленький из современных крупных городов (мира), но самый крупный из мелких (=провинциальных) городков'.

ляющихся по своему употреблению цельными и едиными по смыслу» (Л. А. Булаховский, 1953, 33), отличающимися «семантическим обособлением, т. е. немоделируемой структурой содержания» (Н. Н. Амосова, 1966, 68). Словосочетание, идиоматичное с внутриязыковой точки зрения, может не быть таковым с межъязыковой, если состав эквивалентных словосочетаний в обоих языках находится в поэлементном соответствии. Ср.: англ. point of view, русск. *точка зрения*, фр. point de vue, ит. punto de vista, польск. punkt widzenia, рум. punct de vedere, узб. (из перс.) нуқтаи назар (Н. З. Котелова, 1965, 54). Это имеет место при калькировании одним языком идиомов другого, при калькировании обоими данными языками идиомов третьего, при генетическом родстве языков. Например, с точки зрения современного норвежского языка словосочетание slå poen brun og blå 'избить до синяков, разукрасить, разделать кого-л.', букв. 'избить кого-л. коричневым и синим' ощущается идиоматичным как обладающее смысловой спаянностью и цельностью, но оно находится в соотношении поэлементного перевода с немецким j-n braun und blau schlagen (ср. сходное английское beat one black and blue). Это норвежское словосочетание, однако, употребляется значительно чаще в форме slå poen gul og blå (gul 'желтый'). Если быть последовательным, то мы должны были бы для пары норвежский—немецкий признать первый (гораздо менее употребительный) вариант — slå poen brun og blå — неидиоматичным и, следовательно, не подлежащим включению в норвежско-немецкий словарь, а второй — slå poen gul og blå — идиоматичным и заслуживающим включения в этот словарь, хотя для норвежского языка эти оба варианта совершенно одинаковы с точки зрения идиоматичности. Целесообразность такого подхода, однако, спорна.

Строго говоря, для целей перевода на родной язык человеку не обязательно иметь в иностранно-родном словаре идиоматические словосочетания, переводимые поэлементно на его родной. Для правильного перевода немецкого ins Gras beißen 'умереть', например на датский, достаточно знать соответствия in = i, Gras = græs, beißen = bide, потому что этому немецкому словосочетанию соответствует датское bide i græsset (аналогично норв. bite i gresset, шв. bita i graset). Более того, обычно бывают ясны переводы словосочетаний, отличающихся от соответствующих им эквивалентов в родном языке переводящего лишь некоторыми деталями; ср. то же самое немецкое словосочетание ins Gras beißen и англ. bite the dust (dust 'пыль'), голл. in het zand bijten (zand 'песок')³⁰. Ср. далее русск. *ночью все кошки серы* и

³⁰ Ряд сходных примеров для русского и чешского (*обливаться слезами* — *topout v slzách* и т. п.) см. в работе: Я. Бездек и И. Коут, 1965, 30. Ср. также: Л. Ф. Козырева, 1965, 73 (для русского и немецкого). А. В. Кунин (1964, 5—6) называет такие переводы частичными эквивалентами.

норв. i mørket er alle katter grå (i mørket 'в темноте'), *рвать на себе волосы* и норв. rive seg i håret ('рвать себя за волосы'), *как сквозь землю провалился* и норв. som sunket i jorden (synke 'погружаться'), *жить на широкую ногу* и норв. leve på en stor fot (stor 'большой') и т. д.³¹ Оставим, однако, в стороне эти случаи небольших расхождений в составе идиоматических словосочетаний входного и выходного языка — степень этих расхождений может быть различной, и «понятность» их в значительной мере зависит от переводческого опыта читающего, его сообразительности и т. д.³² Чтобы гарантировать точное понимание идиома, составители словарей должны исходить из того, регулярно ли он переводится на выходной язык, а не из трудно поддающейся учету сообразительности читателя.

Однако и в случае точного поэлементного соответствия переводящего эквивалента сочетания, которое во входном языке интуитивно воспринимается говорящими на нем как идиоматичное, целесообразно включать его в словарь переводного словаря.³³ Как уже неоднократно приходилось отмечать в разной связи, для очень многих пар языков издание четырех переводных словарей является, и еще, по-видимому, долгое время будет являться, утопией, вследствие чего словари должны учитывать интересы разных потребителей. При переводе же с родного языка на иностранный переводящий никогда не может быть уверен в том, что то или иное идиоматичное словосочетание будет переводиться поэлементно, более того, человек, имеющий опыт перевода, будет ожидать нерегулярный перевод даже там, где на деле имеет место регулярный. Конечно, и в родно-иностранном языке пропуск идиоматичного словосочетания можно сделать

³¹ М. Пеклер и Х. Саматов (1967, 115), анализируя с точки зрения межъязыковой идиоматичности перевод русских конструкций «переходный глагол + сущ. в вин. падеже» на немецкий, английский и таджикский языки, вводят понятие неполного идиоматизма, например для случаев, когда существительное переводится своим основным словарным эквивалентом, а глагол — иным (*делал доклад* 'hielt einen Vortrag', *принять ванну* 'to have a bath', *протянуть руку* 'даст дод' при тадж. додаи 'давать') и т. д. В статье предлагается также различать межъязыковой лексический, грамматический и лексико-грамматический идиоматизм. З. В. Лапшина (1964, 86, 87) градуирует межъязыковую идиоматичность, предлагая 5 степеней ее оценки (4—0): 4 — пропуск лексем (Abschied nehmen von j-m 'прощаться с кем-л.'): 3 — несоответствие семем двух лексем (Notiz nehmen von j-m 'обращать внимание на кого-л.'): 2 — несоответствие семем в одной лексеме (Маß nehmen 'снять мерку'); 1 — несоответствие управлений; 0 — соответствие семем обеих лексем. В общем аналогичный способ оценки используется для установления коэффициента близости славянских языков у М. М. Копыленко (1964, 96—101).

³² Попытку разделить русские фразеологизмы по степени их понятности «для того, кто имеет определенный запас слов, но, как правило, не знаком с фразеологией» (например, уровень чехов, окончивших 9-летнюю школу), делают Я. Бездеж и И. Коут (1965, 31).

³³ Противоположного взгляда придерживаются словацкие лексикографы, например О. Маликова и А. В. Исаченко (Л. И. Ройзензон, 1964, 238—239); ср. также: В. Г. Гак, 1964, 72.

значимым—он должен служить указанием на регулярность перевода. Однако этот путь не представляется целесообразным для идиоматичных словосочетаний, хотя, как уже говорилось, фактически применяется для свободных: существующие двуязычные словари в силу трудности перебора словосочетаний при составлении словника грешат такой неполнотой и такими недопустимыми случайными пропусками, что превращение пропуска идиома в значащий, во-первых, накладывало бы на составителя словаря обязательство гарантировать значащий характер любого пропуска и, во-вторых, и это, пожалуй, главное, потребитель современных словарей всем своим опытом работы с ними психологически настроен на то, что отсутствие идиоматичного словосочетания в словаре—случайный пропуск, недосмотр или ошибка составителя, а не значащее указание на регулярную переводимость; нерегулярный перевод идиома—более вероятное событие, чем перевод регулярный.

Таким образом, в лингвистической теории и практике представлены две концепции фразеологичности (идиоматичности) словосочетания. Как это в четкой форме выразил Г. И. Богин (1966а, 153—155), первая концепция исходит из того, что устойчивость словосочетания связана со степенью спаянности его компонентов и существует независимо от перевода этого словосочетания на другие языки, тогда как вторая, находящая широкое применение в практике составления двуязычных словарей, относит к устойчивым те словосочетания, которые не имеют «точного структурно-семантического эквивалента в родном языке лексикографа» (153).

Последовательное применение на практике каждой из этих концепций имеет свои отрицательные стороны. Г. И. Богин (1966а, 155) справедливо видит недостаток второй концепции, снижающей, по его мнению, ценность двуязычных словарей, в том, что «искусственное различие в характеристике примеров на одну и ту же модель, приводящее к тому, что одни из подобных примеров рассматриваются как иллюстрации специфической полисемии слова (например, *to fall*³⁴), а другие—как устойчивые словосочетания,³⁵ затрудняет построение рядов сходных, взаимно соотносимых образцов лексической сочетаемости». Характерно, однако, что объектом критики в статье Г. И. Богина являются фразеологические словари, хотя выводы распространяются на обычные переводные. Действительно, неправомерно из всего ряда *to fall* + прилаг. или *to fall* + *into* + существ. приводить в англо-русском фразеологическом словаре (А. В. Кунин, 1955, цит. по Г. И. Богину, 1966а) только *to fall mad* или *to fall into the habit*, совершенно аналогичные другим, отсут-

³⁴ Имеются в виду случаи типа *to fall dumb*, *to fall ill*.

³⁵ Имеются в виду словосочетания типа *to fall mad*, с точки зрения английского языка входящие в ряд *to fall* + прилаг., но переводимые на русский язык иным способом, чем остальные члены этого ряда.

ствующим в словаре. Однако для обычных двуязычных словарей (в особенности для родно-иностранных) неприемлем и естественный логический вывод, который следует из хода рассуждений Г. И. Богина, но которого тот сам не делает, а именно что двуязычный словарь должен только указывать способ перевода словосочетания определенной структуры, не фиксируя индивидуальных (т. е. отклоняющихся от типовой схемы) переводов отдельных конкретных реализаций этого словосочетания.

Для лексикографической практики многих стран, в особенности в последние десятилетия, стало характерным издание специальных фразеологических словарей — как одноязычных, так и двуязычных.³⁶ Поскольку среди языковедов нет единого понимания фразеологизма (ср. Н. Н. Амосова, 1966, 67—68), то состав словников этих словарей весьма различен.³⁷ Например, одни авторы включают в эти словари пословицы, поговорки, афоризмы, тогда как другие их не включают (ср. А. И. Молотков, 1967, 7). Характерно, что в параграфе «Фразеологические словари» Л. А. Булаховский (1953, 148—149) рассматривает только словарь М. Михельсона, а Н. М. Шанский в аналогичном параграфе (1963, 10—16) — тоже словарь М. Михельсона и сборники крылатых слов С. В. Максимова и Н. С. и М. Г. Ашукиных.

В данной работе, посвященной общим большим переводным словарям, нас, естественно, в первую очередь интересует вопрос о том, в какой мере целесообразно создание специальных переводных фразеологических словарей. Ответ на этот вопрос зависит от ответов на следующие вопросы: Обладают ли фразеологизмы (идиоматизмы) какой-либо спецификой, которая делает невозможным достаточно точный перевод их в рамках обычного переводного словаря? Дает ли специальный переводный справочник по фразеологии какие-либо практические преимущества по сравнению с обычным двуязычным словарем?

Мы вынуждены признать, что в специальной литературе, посвященной лексикографической разработке фразеологии, нам не встретилось аргументов, которые убедительно доказывали бы с теоретической точки зрения целесообразность создания особых фразеологических словарей. В специальной литературе по этой проблеме внимание исследователей в основном сосредоточено на вопросе о том, каким должен быть фразеологический словарь (одноязычный или двуязычный), а о том, для чего нужен такой словарь, обычно говорится очень мало, скороговоркой, поскольку авторам этих работ положительный ответ на вопрос

³⁶ Библиографию русско-иноязычных фразеологических словарей, вышедших за десятилетие (1953—1963), приводит А. М. Бабкин (1964: 4—5).

³⁷ В одной рецензии отмечалось, что три одновременно вышедших англо-нем. и нем.-англ. фразеологических словаря отличались разным пониманием идиомы (Lexicographical information, 1961, 43). В современных западославянских словарях наблюдается весьма различная трактовка фразеологии (Л. И. Ройзензон, 1964, 246—248).

о целесообразности такого словаря кажется очевидным.³⁸ Действительно, часто встречающиеся утверждения о том, что создание того или иного фразеологического словаря — одна из насущных задач языкознания (например, Л. Я. Орловская и А. Г. Лау, 1968, 27), что лишь данный словарь раскрывает все богатства фразеологии данного языка, что описание фразеологии того или иного языка возможно только в рамках специального фразеологического словаря, что отсутствие фразеологических словарей затрудняет чтение иностранной литературы в оригинале и т. п., — эти утверждения независимо от того, справедливы ли они, голословны. Обратимся к рассмотрению тех немногих аргументов, которые выдвигаются в пользу специальных фразеологических словарей.

Один из доводов сторонников фразеологических словарей состоит в том, что «обычные» (переводные или толковые) словари «включают сравнительно небольшое число фразеологических единиц и лишь в незначительной степени отражают их особенности» («Англ.-р. фраз. сл.», 1956, 4; ср. также А. М. Бабкин, 1964а, 9—10). Однако в действительности дело обстоит не совсем так.

Во-первых, фразеология занимает значительное место в современных словарях,³⁹ и все без исключения фразеологические словари в большей части даваемого ими материала лишь дублируют толковые и двуязычные словари. Не имея возможности провести широкое сопоставление словника какого-либо переводного словаря со словником параллельного фразеологического переводного, мы ограничились сравнением начала буквы G в «Нем.-р. сл.», 1958 и «Нем.-р. фраз. сл.», 1956.⁴⁰ Из 100 первых фразеологизмов (№ 1 — 101, № 76 — отсылочный) «Нем.-р. фраз. сл.» в «Нем.-р. сл.» имеется 67; с другой стороны, в «Нем.-р. сл.» в том же алфавитном отрезке есть свыше 20 фразеологизмов, отсутствующих во фразеологическом словаре (например, *einen Gang machen, wieder seinen alten Gaul reiten, den Bock zum Gärtner machen, das ist nicht in seinem Garten gewachsen, man hört es auf allen Gassen, die dritte Garnitur* и т. д.). Беглый просмотр показывает, что такое соотношение ($\approx 9:10$) в общем

³⁸ Ср., например, А. Вурм, 1965, 74—75: «Фразеологические словари, толковые и переводные, совершенно необходимы как в целях практических, так и теоретических. В них нуждаются студенты, учителя и школьники и, главным образом, переводчики, работающие в области художественной литературы... Что фразеологические словари необходимы школе, не нужно и доказывать».

³⁹ Например, в русско-немецком словаре под ред. Х. Х. Бильфельдта («Russisch-deutsches Wörterbuch, Berlin, 1964) одних только устойчивых фраз (пословиц, поговорок и крылатых слов) содержится около 500 (Л. Ф. Козырева, 1965, 73).

⁴⁰ То обстоятельство, что «Нем.-р. сл.» издан позднее «Нем.-р. фраз. сл.» и что в нем использованы материалы последнего, в настоящей связи ничего не меняет, поскольку сейчас рассматривается вопрос о принципиальных отличиях этих двух видов словарей.

характеризует соотношение словников обоих сравниваемых словарей. Точно так же, с одной стороны, большая часть фразеологизмов, приводимых в «Фраз. сл. р. яз.», 1967, наличествует в толковых словарях русского языка (А. М. Бабкин, 1970, 253) и «переводных» с русского, а с другой — в русско-иностранноязычных словарях есть весьма употребительные русские фразеологизмы, не вошедшие в «Фраз. сл. р. яз.». Например, в «Р.-рум. сл.», 1967 включены следующие фразеологизмы, отсутствующие в рассматриваемом фразеологическом словаре: *резать слух, резать правду в глаза, посадить за решетку, сидеть за решеткой, рано или поздно, в чистом виде, в чистом поле, еще во чреве матери, работать над собой, не разгибая спины, (плакать, реветь) в три ручья, быть в растрепанных чувствах, растекаться (мыслью) по древу* и др. Таким образом, различия в словниках между фразеологическими словарями, с одной стороны, и толковыми и переводными, с другой — в общем случайны и при отсутствии ограничений в объеме не вызываются принципиальными соображениями.

Во-вторых, разработка статьи во фразеологических словарях принципиально не отличается от разработки статьи в толковом или двуязычном словаре. Разумеется, можно привести немало примеров, когда статья во фразеологическом переводном словаре будет давать более точную информацию, нежели подача того же фразеологизма в обычном переводном; однако есть и примеры обратного, т. е. случаи, когда общий двуязычный словарь более адекватно переводит какой-либо фразеологизм и точнее очерчивает сферу его употребления. В конечном счете решающими оказываются здесь не тип словаря, а опытность, добросовестность и знания составителя. Ср., например:

«Нем.-р. сл.», 1958

«seinen Gang gehen идти своим порядком [своим чередом]

in Gang kommen 1) заработать (*о машинах*); прийти в движение (*тж. перен.*); 2) начаться; 3) начать преуспевать (*о предприятии и т. п.*)».

«Нем. р. фраз. сл.», 1956

«seinen Gang gehen идти своим путем; zu Hause ging alles noch seinen alten Gang (H. Marchwiza. Meine Jugend) Дома все шло по-старому.

in Gang kommen а) заработать, прийти в движение; б) преуспевать; Das Geschäft kam in Gang. Предприятие начало преуспевать».

В этих примерах статьи фразеологического словаря выполнены менее полно и строго, чем в общем переводном. Для фразеологических переводных словарей характерно приведение значительного числа примеров, однако для того чтобы последние выполняли свое назначение, они должны вносить нечто новое в понимание фразеологизма по сравнению с уже данным переводом. У одноязычных фразеологических словарей оправдательные примеры-цитаты должны служить следующим целям: убеждать

читателя в правильности толкования фразеологизма и данной ему стилистической квалификации, содействовать осмыслению его значения, показывать характерные для этого фразеологизма синтаксические связи, лексическое окружение, выявлять принадлежность его к той или иной области употребления (А. М. Бабкин, 1964а, 45). Для переводных словарей первая из этих задач не актуальна, поскольку в них вообще не принято давать «оправдательный» материал: считается, что он достаточно выверен, и читатель должен верить ему без примеров. Анализ двуязычных фразеологических словарей показывает, однако, что многие примеры в них по существу являются в словаре лишь оправдательным материалом, дублируя данный выше перевод. Ср., например, «Нем.-р. фраз. сл.», 1956:

«hängen wie der Löffel am Galgen висеть как на вешалке, висеть мешком (*об одежде*); Das Kleid hängt ja wie der Löffel am Galgen. Платье висит (на ней), как мешок.»

«das Kind beim rechten Namen nennen называть вещи своими именами; Lieber, Lenz, man muß sich hüten, das Kind beim rechten Namen zu nennen (G. Weerth. „Humoristische Skizzen”). Дорогой Ленц, надо остерегаться называть вещи своими именами».

«sieh auf j-s Seite schlagen статья, перекинуться на чью-л. сторону; Der Schwager, der Beamte war, schlug sich prötzlich auf Diderichs Seite (H. Mann. Der Untertan). Зять, служивший чиновником, неожиданно стал на сторону Дидериха».

«Англ.-р. фраз. сл.», 1956:

«hard words break no bones *посл.* \approx брань на ворота не виснет; I often tell'em how wrong folks are to say that ... hard words break no bones (A. Trollope. The Last Chronicle of Barset, book II, ch. XLII). Я часто говорю им, как неправы те, кто считает, что... „брань на ворота не виснет”».

«(as) hungry as a hawk (as a hunter или as a wolf) голодный как волк; If I had known you had been coming, Tom, I would have had something for breakfast. I would rather have such a surprise than the best breakfast in the world myself; but yours is another case, and I have no doubt you are as hungry as a hunter (Ch. Dickens. Martin Chuzzlewit, ch. XXXVI). Если бы я знал, что вы приедете, Том, я бы заказал что-нибудь к завтраку. Для меня лично такой сюрприз лучше всякого завтрака, но вы — дело другое, не сомневаюсь, что вы здорово проголодались. — I made a hearty supper, for I was as hungry as a hawk (R. Stevenson. Treasure Island, ch. VI). Я плотно поужинал, так как был голоден, как волк».

Число подобных примеров может быть легко увеличено.

Конечно, вышеприведенные длинные цитаты, по сути дела только обременяющие словарь, сами по себе отнюдь не доказывают ненужности детальной лексикографической обработки фразеологизмов. Но, с одной стороны, они, с другой — обилие в

переводных фразеологических словарях фразеологизмов, снабжаемых только переводами без примеров, показывают, что, по крайней мере для очень многих фразеологизмов, в переводных фразеологических словарях примеры не являются необходимыми и достаточен только точный перевод. Из этого следует, что число случаев, где примеры важны, ограничено; более того, если это необходимо, не фразеологические переводные словари тоже в принципе могут давать и дают примеры. Таким образом, мы не находим в разработке словарной статьи фразеологического переводного словаря каких-либо приемов, применение которых было бы необходимо для успешной передачи читателю необходимой информации, но которые в силу специфики обычных переводных словарей были бы в последних невозможны.

Как мы постарались показать, многие фразеологические словари как по охвату материала, так и по разработке статьи мало отличаются от обычных словарей. Разумеется, больший объем фразеологических словарей по сравнению с объемом, уделяемым фразеологии в обычных словарях, позволяет включить в них ряд сравнительно мало употребительных фразеологизмов, которые не могут войти в обычный переводной словарь, однако, как показано выше, на примере «Нем.-р. фраз. сл.», речь идет здесь о сравнительно невысоком проценте.

Основная ценность фразеологических словарей состоит, по-видимому, именно в том, что в них сконцентрирована в обозримом виде фразеология того или иного языка. Они являются полезным пособием для лиц, желающих изучать фразеологию какого-либо языка практически или научно. Некоторая часть их материала является ценным дополнением к существующим переводным словарям, но эта часть будет относиться к вошедшей в не фразеологический словарь фразеологии, как, например, слова из словаря большего объема, отсутствующие в словаре меньшего объема, к словам последнего.

Важным моментом в составлении переводного словаря является учет фактора устойчивости (в понимании И. А. Мельчука).

Наиболее тривиальный случай — когда какое-либо слово употребляется только в составе одного определенного словосочетания или очень ограниченного числа словосочетаний. В лексикографической практике в таких случаях принято такое слово отдельным переводом не снабжать, а приводить полностью все словосочетание, которому и приписывается перевод; например: «закадычный разг.: ~ друг *bosom-friend*» («Р.-англ. сл.», 1961); «рентгенов: ~ *ы* лучи *Röntgenstrahlen pl*» («Р.-нем. сл.», 1965); «читальный: ~ зал *leeszaal f ...zalen*» («Р.-голл. сл.», 1961); «посаженный: ~ отец *Brautvater m*; ~ ая мать *Brautmutter f, pl-mütter*» («Нем.-р. сл.», 1958). Это общеизвестное разумное правило, применение которого позволяет пользующемуся словарем узнать, что данное слово неупотребительно вне приводимого

словосочетания, и которое предостерегает его от употребления этого слова в иных контекстах, правда, не всегда соблюдается, в результате чего читатель, исходя из переводного эквивалента слова, может затем неправильно его употреблять (ср. Н. Wisselmann, 1961, 254). Такая ошибка весьма распространена, но достаточно ограничиться всего несколькими примерами. Так, «Р.-дат. сл.», 1968 дает: «**закадычный** разг. fortrolig; intim; hjerte; ~ друг perleven -nen, -ner, stald||broder -broderen, -brødre»; «**краеугольный** hoved-; ~ камень hjørnsten -en, grunden -en». «Норв.-р. сл.», 1963: «**stjeler** -en, -e, вор, похититель», хотя это слово употребляется только в пословице *heleren er ikke bedre enn stjeleren* 'укрывающий краденое не лучше вора' («N.-eng. ordb.», 1965 дает перевод этой пословицы, не снабжая слово *stjeler* переводом). «**brodden a -t** сломанный, поломанный; (det er) *brodne kar i alle land... de fikk brodne rappen...*», однако это слово совершенно неупотребительно вне этих двух словосочетаний, на что указывает толковый словарь (NRO); та же ошибка допущена в словаре «N.-eng. ordb.», 1965: «**brodden...** broken, damaged...»; **døyt** -en разг. грош; ikke (aldri) en ~..., *det bryr jeg meg ikke en ~*; слово *døyt* в прямом значении сейчас никогда не употребляется; ср.: «**døyt en: ikke en d-... jeg gir ikke en d- for alle dine argumenter...**»

Менее явен другой, обратный случай, где также нередко в двуязычных словарях встречаются ошибки: слово во входном языке может употребляться в большем числе словосочетаний, нежели его эквивалент в выходном языке, а для перевода составитель выбирает, исходя из удобства перевода, такой контекст на входном языке, который переводится устойчивым сочетанием на выходной. При этом у пользующегося словарем естественно создается иллюзия, что это слово выходного языка не употребляется вне приведенного в словаре словосочетания. Например, «Дат.-р. сл.», 1960: «**faren I: være ilde faren** попасть в трудное [неприятное] положение (на деле возможны и иные сочетания, например, *ikke være bedre faren end...*); **håndhæver** -en, -e: retens ~ блюститель закона»; не обозначено употребительное *ordenens håndhæver* 'блюститель порядка'. «Dansk-norsk — tysk» ordbog», 1919: «**Håndgribelighed: det kom til — er es kam zu Handgreiflichkeiten el. Tätigkeiten**»; в действительности датское слово *håndgribelighed* имеет два значения: 1) осязаемость (от *håndgribelig* 'осязаемый'); 2) *pl* 'рукоприкладство' и во втором значении, помимо указанного словосочетания, часто встречается в сочетании *gå til håndgribeligheder* 'пустить в ход кулаки'. Впрочем, подобное ошибочное сужение сочетательных возможностей входного слова не всегда вызывается удобством перевода, ср. «Норв.-р. сл.», 1963: «**kabal: legge ~ раскладывать пасьянс**» (эта словарная статья дана в качестве примера также во введении «О пользовании словарем»), тогда как на деле норвежское существительное *kabal* 'пасьянс' может употребляться с

определенным и неопределенным артиклем (kabalen, en kabal), во множественном числе (kabaler) и совершенно необязательно в составе словосочетания legge kabal; ср. kabalen gikk (ikke) opp 'пасьянс (не) вышел' и т. п.

Подобное неоправданно суженное представление о сочетаемости слова входного языка может вызываться не только лексическими особенностями перевода, но также и грамматическими. В «Исл.-р. сл.», 1962 мы поместили прилагательное *kasóléttur* в форме женского рода, исходя из русского перевода: «*kasólétt* [...] a fem: hún eg ~ разг. она на сносях.» В одной из рецензий на этот словарь справедливо указывалось, что это прилагательное может в исландском употребляться и в мужском роде; например, *kasóléttur kvenmaður*: существительное *kvenmaður* 'женщина' в исландском мужского рода (Hreinn Benediktsson, 1964, 166). Добавим, что при нашей подаче создается впечатление, что прилагательное *kasólétt(ur)* употребляется только в качестве предикатива, тогда как оно, как это явствует из второго примера, может употребляться атрибутивно.

В этой связи необходимо остановиться на значении знака «:» (двоеточие) в переводной лексикографии. Сейчас он употребляется в двух принципиально различных случаях: 1) когда для данного слова или значения слова нет обобщающего перевода; 2) когда данное слово встречается только в сочетании с другими словами («Норв.-р. сл.», 1963, 12; «Исл.-р. сл.», 1962, 12 и др.). В первом случае обычно дается один пример (реже больше), являющийся свободным (т. е. неустойчивым) словосочетанием, которое и снабжается переводом на выходном языке словаря (например, «Р.-дат. сл.», 1968: «**таки** разг.: он сумел ~ прийти han kom dog»). Во втором случае, напротив, дается одно или несколько устойчивых по данному слову словосочетаний (например, «Р.-дат. сл.», 1968: «**таксомоторный**: ~ парк taxavognpark -en, -er»). Различие между этими совершенно отличными случаями в словарях никак формально не выражено, и чтобы отличить их, читатель должен руководствоваться только своим опытом.

Этот частный вопрос приводит нас к сложнейшей и до сих пор удовлетворительно не решенной проблеме двуязычной лексикографии — к проблеме отграничения в словаре переменного от постоянного. В неизмеримо большей степени, чем черных слов, это касается подачи материала внутри словарной статьи.

Рассмотрим один общий случай. В языке А имеются слова $C_A, D_A, E_A, F_A, \dots, N_A$, которым в языке В соответствуют их эквиваленты $C_B, D_B, E_B, F_B, \dots, N_B$. Эти слова языка А могут образовывать сочетания $C_A D_A, C_A E_A, \dots, C_A N_A$. В языке В этим словосочетаниям соответствуют сочетания их соответственных эквивалентов и/или другие слова словосочетания, например: $C_A D_A = C_B D_B, C_A E_A = C_B E_B, C_A F_A = C_B F_B, \dots, C_A K_A =$

$=C_B K_B, C_A L_A = C_B L_B$ или $X_B, C_A M_A = Y_B, C_A N_A = Z_B$.⁴¹ Принципиально в двуязычном словаре возможны следующие способы передачи этой информации:

1. Перечисление всех словосочетаний языка А с элементом С ($C_A D_A, \dots, C_A N_A$) с их эквивалентами на языке В ($C_B D_B, \dots, Z_B$).

2. Перевод сочетания $C_A D_A = C_B D_B$ как не оговоренная специально презентация всего ряда $C_A D_A, \dots, C_B N_B$ без учета индивидуальных переводов $C_A L_A, C_A M_A, C_A N_A$.

3. Перевод сочетания $C_A D_A = C_B D_B$ без оговорки того, что это презентация ряда, и индивидуальные переводы $C_A L_A, \dots, C_A N_A$.

4. Указание на способ перевода (и, возможно, толкование на выходном языке) типа сочетания $C_A + D_A, \dots, N_A$.

5. То же с примером: $C_A D_A = C_B D_B$.

6. То же с примером $C_A D_A = C_B D_B$ и переводами $C_A L_A, \dots, C_A N_A = C_B L_B$ или X_B, \dots, Z_B .

Очевидно, что наиболее полную информацию для пользующегося словарем дают способы 1 и 6. Способ 6 имеет те преимущества по сравнению со способом 1, что при нем, во-первых, в явной форме указывается способ перевода данного типа словосочетаний, тогда как при способе 1 читатель должен сам выводить правило перевода из приводимых примеров, и, во-вторых, этот способ значительно экономичнее. Впрочем, для достаточно обширных групп однотипных словосочетаний способ 1 в словарной практике обычно и не применяется.

Способы 2—3, несмотря на их явную некорректность, широко распространены в лексикографической практике, и поэтому на них следует задержаться. В словарной практике большинства стран не применяются какие-либо специальные способы отграничения словосочетаний, являющихся примерами и, следовательно, репрезентантами регулярно переводимого ряда, от словосочетаний, переводимых уникально. Для того чтобы отличить регулярное от индивидуального, читатель фактически должен распо-

⁴¹ Например, для пары языков норвежский (А) — русский (В): C_A — bli, D_A, \dots, N_A — качественные прилагательные, C_B — *стать*, D_B, \dots, N_B — соответствующие русские эквиваленты норвежских прилагательных D_A, \dots, N_A ; $C_A D_A = C_B D_B$ — bli ubehagelig = *стать неприятным*, $C_A E_A = C_B F_B$ — bli mørkegrønn = *стать темно-зеленым*, $C_A F_A = C_B F_B$ — bli spennende = *стать увлекательным*, ... $C_A L_A = C_B L_B$ или X_B — bli gammel = *стать старым* или *постареть*, $C_A M_A = Y_B$ — bli trett = *устать* (не *стать усталым*), $C_A N_A = Z_B$ — bli gal = *сойти с ума* (не *стать сумасшедшим*). Возможная полисемия норвежских прилагательных и как следствие этого вероятность разных русских эквивалентов у них для простоты изложения не принимается в расчет, так как это не меняет принципиально сути дела.

лагать дополнительной информацией по сравнению с той, которую дает ему словарная статья. В отношении иностранно-родного словаря такая практика в какой-то степени еще может быть оправдана, потому что, установив по приводимым переводам значение данной конструкции, читатель сам сможет сконструировать нужный ему эквивалент, так как он знает, какие сочетания в его родном языке допустимы, а какие запрещены. В случае же родно-иностранного словаря читатель такой дополнительной информации не имеет и должен получить четкое указание на то, что является типичным переводом и что — индивидуальным. Понимание читателем того, какая переводящая схема является типичной, затрудняется двумя весьма распространенными в словарях ошибками, связанными с рассматриваемой проблемой.

Во-первых, для случая $C_A L_A = C_B L_B$ или X_B словари очень часто, если не сказать обычно, ограничиваются только переводом $C_A L_A = X_B$, что вызывает ложное представление о невозможности в языке В словосочетания $C_B L_B$.⁴² Ср. «Р.-дат. сл.», 1968: «беспечн||ый sorglös, ubekymret; letsindig (легкомысленный); skødesløs (халатный); он ~ый человек han tager sig tingene let; han lader fiolen sørge (разг.)». На деле, разумеется, возможен регулярный перевод — han er et sorgløst menneske. «каменист||ый stenet, stenrig; ~ая почва stengrund -en; ~ое дно stenhund -en». Сочетания stenet или stenrig grund, stenet или stenrig bund вполне употребительны.

«Шв.-р. сл.», 1959: «ironisera vi¹ иронизировать: ~ över ngt подтрунивать над чем-л.». У шведского читателя может создаться впечатление, что сочетание *иронизировать над кем-л., чем-л.* в русском языке невозможно.

Примеры подобной ложной идиоматизации можно в большом числе найти почти в каждом словаре.

Во-вторых, двуязычные словари не всегда подают модели именно как таковые, т. е. модели подменяются случайными иллюстрациями, что, как справедливо пишет Г. И. Богин, «порождает гипертрофированное представление о почти каждом предложении, иллюстрирующем употребление того или иного слова, как о якобы уникально бытующем в языке» (1966б, 141; ср. также Г. И. Богин, 1967, 54—55).

Между тем многих недоразумений можно было бы избежать, введя специальную помету для словосочетания, являющегося типичным, иллюстрирующего правило, при помощи которой такое словосочетание можно было бы отличить от нетипичного, индивидуального, уникального. Какой вид она будет иметь, — ломаные скобки, слово *напр.*, знак \circ или др. — разумеется, совершенно несущественно. Х. Виссеманн

⁴² Этот недостаток переводных словарей отмечается также Ю. Г. Таишвили (1961а, 196; 1963, 29) и В. Г. Гаком (1964, 75).

предлагает, например, давать фразеологизмы отдельными вокабулами, т. е. выводить их из статьи, посвященной опорному слову (Н. Wissemann, 1961, 253); в другом месте для них предлагается жирный шрифт (255).

Для случая $C_A L_A = C_B L_B$ или X_B весьма разумно использовать простейший прием, который, кстати, нередко применяется в лексикографической практике некоторых стран: использовать знак *тж.* (также) перед переводом X_B , что будет означать допустимость как перевода $C_B L_B$, так и перевода X_B . Тем самым читатель не получает ложного впечатления о том, что данное словосочетание входного языка имеет только идиоматичный (с точки зрения «межъязыковой» идиоматичности) эквивалент в выходном языке. Это позволяет вместе с тем сэкономить место за счет исключения перевода $C_B L_B$. Например, цитированная выше статья из «Р.-дат. сл.», 1968 могла бы иметь более строгий вид: «**беспечный**...; он ~ человек *тж.* han tager sig tingene let; ...». Этот прием иногда применяется — в целях экономии места — для того, чтобы не снабжать словосочетание, имеющее два значения — прямое и переносное, переводом прямого значения, поскольку оно выводимо из значений слагающих его элементов. Например, «Eng.-norsk ord.», 1948; «*shin* [...] S 1. skinnene; *break one's s. s. dagl.* (=разг.), *ogs.* (=тж.) ha bråhast 'страшно торопиться'».

Разумеется, многие лексикографы понимали и понимают необходимость отграничения в словаре типичного, иллюстративного от индивидуального, единичного. Однако трудности, с которыми сталкивается составитель двуязычного словаря, пытающийся последовательно провести через весь словарь такое отграничение, столь велики, что пока еще таких словарей не создано. Некоторые шаги мы пытались в этом направлении осуществить в «Р.-норв. сл.», но достигнутые результаты не можем признать удовлетворительными. Основная трудность состоит в том, что в типичном словосочетании (образце) элемент, интересующий нас в данной статье, может заменяться лишь определенным контингентом слов, исчислить который или дать четкое описание которого крайне сложно.

Стремление преодолеть это свойственное двуязычным словарям неразличение типического и индивидуального характерно для концепции Ю. Г. Татишвили, которая изложена им в ряде работ (1961а; 1961б; 1961в; 1963) и которая практически осуществлена в его рукописном русско-немецком словаре сочетаемости слов для русского читателя. Несмотря на ряд спорных моментов, она в целом интересна для родно-иностранной лексикографии.⁴³ Ход рассуждений Ю. Г. Татишвили сводится к следующему. Слова соединяются в словосочетания по правилам как

⁴³ Ввиду того, что реферируются взгляды Ю. Г. Татишвили, изложенные им в ряде работ, мы не всюду ссылаемся на отдельные работы.

грамматической, так и лексической сочетаемости. Правила лексической сочетаемости слов весьма различны от языка к языку, вследствие чего знание словарных эквивалентов каждого из элементов словосочетания на входном языке и грамматики выходного языка не обеспечивает в очень большом числе случаев правильного перевода. Поэтому задачей переводной лексикографии является установление соответствий между словосочетаниями входного и выходного языка. Поскольку, разумеется, словарь не может охватить все словосочетания входного языка, вводится сокращенный вариант записи — так называемые лексико-грамматические конструкции, где при помощи различных скобок — круглых, квадратных и фигурных — отмечаются элементы переменные и факультативные. Отмеченные особыми скобками переменные элементы могут, следовательно, подвергаться замене другими сходными по характеру значения словами («контингентами слов»). Таким образом, «словарь из неполного списка слов и предложений, каким он является на сегодняшний день», превращается, по мнению Ю. Г. Татишвили, «в свод языковых конструкций с предоставлением читателю инициативы изменять по мере надобности их лексический состав, оставляя нетронутой структурную оболочку» (1961a, 192).

Приведем часть словарной статьи *вид* для иллюстрации того, как этот словарь реально выглядит.⁴⁴

«1. у [него] {нерасторопный, элегантный} вид; [он] на вид [с виду, по внешности, по наружности] {нерасторопный, нерасторопен; элегантный, элегантен}; [он] выглядит {нерасторопным; элегантным} [er] sieht {schwerfällig; elegant} aus; [er] hat ein {schwerfälliges; elegantes} Aussehen; [er] ist von {schwerfälligem; elegantem} Aussehen; dem Aussehen [dem Äußeren] nach ist [er] {schwerfällig; elegant};

2. у [него] {задорный, рассеянный} вид; [он] на вид {с виду; по внешности, по наружности} {задорный; задорен; рассеянный; рассеян}; [он] выглядит {задорным; рассеянным}; у [него] {задорное; рассеянное} выражение лица [er] sieht {keck; zerstreut} aus; [er] hat ein {keckes; zerstreutes} Aussehen; [er] hat einen {kecken; zerstreuten} Gesichtsausdruck; [er] ist von {keckem; zerstreutem} Aussehen; dem Aussehen [dem Äußeren] nach ist [er] {keck; zerstreut}; [er] hat eine {kecke; zerstreute} Miene;

3. у [него] гордый вид [гордая осанка; гордое выражение лица]; [он] на вид [с виду; по внешности; по наружности] горд [гордый]; [он] выглядит гордым [er] sieht stolz aus; [er] hat ein stol-

⁴⁴ Ю. Г. Татишвили использует скобки следующим образом: в фигурные скобки заключаются слова, которые в данной «лексико-грамматической конструкции» могут заменяться другими так, что это влечет за собой изменение смысла. Слова, которые можно заменять другими «без вреда для общего смыслового значения данного оборота» (1961a, 169), помещаются в квадратных скобках. В круглые скобки помещаются слова, которые могут быть опущены без изменения смысла словосочетания.

zes Aussehen [Angesicht]; [er] ist von stolzern Aussehen [Angesicht]; dem Aussehen nach ist [er] stolz; [er] hat [macht] eine stolze Miene.» (1963, 13).⁴⁵

По замыслу Ю. Г. Татишвили, такая подача материала обеспечивает понимание русским читателем 1) «смыслового значения» немецких слов и оборотов; 2) возможностей их лексического и грамматического преобразования без изменения их смысла; 3) возможностей их присоединения к немецкому связному тексту (управление, их сочетательные свойства и пр.). Кроме того, «словарь должен быть составлен так, чтобы располагать русского читателя к сравнительным наблюдениям за помещенными в нем материалами и к самостоятельным выводам о структурных и смысловых свойствах элементов обоих его языков» (1961a, 169).

Однако на деле достижению всех этих бесспорно важных целей препятствует несколько моментов.

1. Ю. Г. Татишвили безусловно прав, говоря, что редкие и скудные разъяснения, даваемые в словарях, мало помогают читателю для определения сферы применимости лексико-грамматической конструкции (там же, 178). Однако предлагаемый им метод презентации подстановочных контингентов слов — в виде одного-двух примеров без эксплицитного определения их характеристик — вряд ли столь эффективен, как он представляется автору, поскольку при такой подаче материала от читателя требуется серьезная аналитическая работа. Так, в приводимом примере материал, по мысли автора, должен «подсказать читателю, что во второй блок могут подставляться такие прилагательные и их немецкие эквиваленты, которые обозначают вид человека как выражение его лица. Таковыми, кроме „задорный“ и „рассеянный“, могут быть: „насмешливый“ (spöttisch), „раздраженный“ (gereizt), „усталый“ (müde), „счастливый“ (glücklich) и др. В первый блок могут, в отличие от второго, подставляться прилагательные, обозначающие вид человека не как выражение его лица. Таковыми, кроме „нерасторопный“ и „элегантный“, могут быть „опрятный“, „аккуратный“ (sauber, akkurat), „мирный“ (friedlich), „экстравагантный“ (extravagant, überspannt) и др.» (1963, 13). Вся эта информация дана Ю. Г. Татишвили имплицитно. Разумеется, два примера более наглядны, нежели один, но и два примера не в состоянии дать полное представление о характере всего разряда слов, которые могут быть подставлены в переменную часть лексико-грамматической конструкции (ср. L. D. Levitzky, 1957, 254). Кроме того, автор часто ограничивается одним примером. Положительным моментом в подаче Ю. Г. Татишвили является достаточно четкое отграничение индивидуальных переводов от массовых, типическо-

⁴⁵ Ряд опечаток, имеющихсся в тексте, нами выправлен.

го от единичного, но проблема презентации разрядов переменных компонентов решена недостаточно строго.

2. Оригинальным, но принципиально неверным представляется решение помещать в одну статью синонимичные словосочетания русского (входного) языка, не совпадающие лексически, т. е. имеющие разные опорные слова и по этой причине обычно даваемые в разных статьях, даже когда они имеют общий переводной эквивалент. У Ю. Г. Татишвили отчетливо заметна тенденция к переводу всего синонимического ряда входного языка синонимическим рядом выходного языка, что приводит не к установлению характерных особенностей каждого из членов этого ряда и нахождению наиболее точного его эквивалента, а, напротив, к затушевыванию, смазыванию особенностей этого члена по сравнению со всем рядом. Как правильно отмечал один из рецензентов работы Ю. Г. Татишвили, при таком подходе лексикографируемой единицей становится по существу не сам текст, а его смысл, а информацией об этой единице — способы передачи его на двух языках (Н. З. Котелова, рук.; там же отмечен ряд недочетов словаря). Получающаяся как следствие этого значительная масса ссылок в корпусе словаря увеличивает среднее время, необходимое для отыскания читателем нужной ему информации.

3. В «лексико-грамматических конструкциях» Ю. Г. Татишвили как переменные компоненты обозначаются также личные, притяжательные и указательные местоимения, например: «[du] sollst [dich] nach [dienen] Kräften richten» (1961a, 170). Стремление к предупреждению ошибок подобного рода вряд ли оправдано в родно-иностранном словаре, тем более, что система предупредительных мер осуществлена непоследовательно: зависимость глагольных форм от лица и числа подлежащего никак в словаре не обозначается. Вообще вся система различных скобок, используемых очень широко (ср. «kaum {war} [er] {eingetreten}», там же, 175), довольно громоздка и для читателя сложна, несмотря на неоднократные заверения автора о ее «понятности».

4. Система скобок, с одной стороны, таким образом, весьма сложна, а с другой — недостаточно однозначна. Так, например, русское слово и его немецкий эквивалент, являющиеся представителями ряда переменных членов «лексико-грамматической конструкции», заключаются в фигурные скобки: {тридцать} {лет} с небольшим etwas über {dreißig} {Jahre}. Но так же обозначаются и второй член антонимической пары, первый член которой дается без скобок: с {ним} можно {нельзя} ужиться тап kommt gut {schlecht} mit {ihm} aus. По аналогии с первым случаем это должно было бы означать, что слово *нельзя* входит в указанную конструкцию одновременно со словом *можно*, но, в отличие от последнего, может заменяться. В других случаях слово в фигурных скобках означает, что оно может быть опущено, и тогда конструкция получает противоположный смысл, т. е.

чередуются с нулем: это {не} [моё] дело das geht [mich] {nichts} ап.

Оценивая метод Ю. Г. Татишвили в целом, мы склонны считать, что стремление автора избежать пояснений, касающихся как лексики, так и грамматики,⁴⁶ заменив их сложной системой скобок, используемых к тому же неоднозначно, не привело к достаточно компактной и четкой системе подачи материала.

* *

*

Особого внимания заслуживает специфический вид словосочетаний — крылатые слова.

Среди языковедов нет единства в употреблении термина «крылатое слово». Отмечалось, что фактически все имеющиеся определения крылатых слов отличаются друг от друга (S. Evensberger og D. Gundersen, 1967, VI). Наиболее широко распространено толкование крылатого слова как ходячего выражения, являющегося цитатой из литературного произведения или высказыванием исторического лица.⁴⁷ Однако часто встречается и такое понимание крылатого слова, когда этот термин обозначает также пословицы, поговорки и т. п.⁴⁸ Одна из причин этой нечеткости в употреблении термина «крылатое слово» состоит в том, что нередко имя автора цитаты, получившей широкое распространение, забывается и выражение, которое объективно, по своему происхождению является цитатой, воспринимается языковым коллективом как пословица или поговорка.

Из характерных черт крылатых слов, упоминаемых в литературе (например, A. Iskos und A. Lenkowa, 1963, 183), основными являются их образность и меткость и в значительной степени интернациональный характер. Последняя черта особенно важна для лексикографической практики, поэтому надо остановиться на ней несколько подробнее и внести некоторые уточнения. Во-первых, даже у тех крылатых слов, употребительность которых не ограничивается одним языковым коллективом, их интернациональный характер следует признавать с известными оговорками. Важнейшую роль играет культурный ареал, к которому принадлежит языковой коллектив. Говоря, таким образом, об интернациональном характере тех или иных крылатых слов, мы будем, следовательно, иметь в виду прежде всего их распро-

⁴⁶ По мнению Ю. Г. Татишвили, в «правильно составленном словаре» количество пояснений, помет должно быть сведено до минимума» (1961а, 204).

⁴⁷ Например, в словарях: G. Büchmann, 1884, XI; Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина, 1966, 3.— В настоящей работе термин «крылатое слово» употребляется именно в этом смысле

⁴⁸ Например, Norsk sitatleksikon, s/a; S. Evensberger og D. Gundersen, 1967; Б. В. Томашевский, 1959, 244.

странение в пределах того или иного культурного ареала.⁴⁹ Так, значительная часть крылатых слов, употребляющихся одновременно, например, в русском и немецком, по-видимому, будет неизвестна в китайском, и наоборот. Во-вторых, даже в пределах одного культурного ареала, в силу различных случайных причин, отдельные крылатые слова бывают употребительны далеко не во всех языках. Например, очень часто встречаемой в норвежском цитате из библии *tidens fylde* соответствует неупотребительная в русском цитата *полнота времени* («Послание к галатам», 4,4). В-третьих, в отдельных редких случаях одно и то же крылатое слово (т. е. восходящее к общему источнику) в разных языках может получить несколько отличное значение. Иногда причиной оказывается неточность перевода. Например, немецкое *ein Platz an der Sonne* и его точный норвежский эквивалент *en plass i solen* означает 'место на солнце, освещенное солнцем место', т. е. 'благоприятные внешние условия для развития, процветания', тогда как русское *место под солнцем* сейчас употребляется в значении 'место на земном шаре', т. е. 'свободное место, место, где можно разместиться'.

Словари крылатых слов какого-либо языка обычно весьма обширны, охватывая от нескольких сот до нескольких тысяч единиц: например, словарь «Bevingede ord» (S. Evensberget og D. Gundersen, 1967) охватывает около 8000 статей (составители, правда, понимают «крылатое слово» очень широко). Для двуязычной лексикографии очень важно то, что число действительно широкоизвестных цитат, употребляемых в одном конкретном языке, много меньше, составляя, по-видимому, число менее пяти-сот (нам, однако, неизвестно, чтобы производились подсчеты частотности крылатых слов в каком-либо языке). В таких словарях крылатых слов поэтому очень много субъективного и случайного; нередко факт единичного цитирования каким-либо автором другого уже считается достаточным основанием для включения этой цитаты в словарь. Впрочем, при внимательном чтении даже в очень полных сборниках крылатых слов часто можно, с другой стороны, найти пропуски весьма употребительных (на взгляд читающего) цитат.⁵⁰

Как уже отмечалось, для крылатых слов характерна мет-

⁴⁹ Ср. статью М. М. Маковского (1960, 44—51), где, анализируя значительное число интернационализмов в различных языках, автор показывает их региональный (ареальный) характер. На основании этого подвергается сомнению правомерность существования самого термина «интернационализм». По мнению автора, термин «регионализм» более точно отвечает сути явления.

⁵⁰ Например, в словаре норвежских крылатых слов (S. Evensberget og D. Gundersen, 1967) отсутствуют весьма употребительные, на наш взгляд, норвежские цитаты: *dagen degra* 'на следующий день ≈ похмелье'; *byen med det store hjerte* 'город с большим сердцем' — об Осло; *her på berget* 'здесь на горе ≈ в нашем захолустье'; *sin stemmes hyl* 'вой своего племени ≈ родные сосны'; *i en sådan stund* 'в такой (торжественный) час' и некоторые другие.

кость и образность, большая емкость выражаемого понятия. Наряду с такими цитатами — крылатыми словами в языке употребляется также значительное количество цитат, которые описывают весьма простые ситуации, не обладают особой экспрессивной ценностью и не имеют афористического характера. В отличие от крылатых слов мы будем называть такие цитаты простыми. Примерами русских простых цитат могут быть: *читай не так, как пономарь, а с толком, чувством, расстановкой; я помню чудное мгновенье; с ним была плутовка такова; спой, светик, не стыдись; я пришел к тебе с приветом; а мы ее по усам; поздняя осень, грачи улетели...; все смешалось в доме Облонских; что такое хорошо и что такое плохо* и т. д. Это — большей частью цитаты из стихотворений или прозаических отрывков, которые учатся в школе наизусть, из популярных кинофильмов, пьес, песен, анекдотов и т. п. Употребление простых цитат особенно характерно для непринужденного разговорного стиля речи, и они по большей части употребляются для достижения комического эффекта, но не обязательно с этой целью. Разумеется, граница между крылатыми словами и простыми цитатами условна, и имеется ряд промежуточных случаев. К сожалению, это интересное явление, важное для теории и практики перевода, мало изучено.

Для переводной лексикографии имеет принципиальное значение то общеизвестное обстоятельство, что одно и то же крылатое слово в разных языках нередко отличается по своему лексическому и/или грамматическому составу. Это означает, что крылатые слова часто непереводимы буквально (поэлементно). Ср., например, сходный, в общем, состав приводимых ниже норвежских и русских крылатых слов при наличии отдельных отклонений от пословного перевода: *цель оправдывает средства*: вместо ожидаемого **målet rettferdiggjør midlene* употребительна форма *hensikten helliger midlet* 'намерение освящает средство'; *скажи мне, кто твой друг, и я тебе скажу, кто ты* в дословном переводе имело бы форму **si meg hvem din venn er, og jeg skal si deg hvem du er*; однако употребляется форма *si meg hvem du omgås* ('с кем ты общаешься'), *så skal jeg si deg hvem du er*; *после нас хоть потоп*: в норв. употребляется форма *etter oss kommer syndfloden* 'после нас наступит (будет) потоп'; ср. фр. *après nous le déluge*; *молчанье* — знак согласия; ср. норв. *den som tier, samtykker* 'тот, кто молчит, соглашается'; *о времена, о нравы!* в норв. встречается в форме *hvilke tider, hvilke seder!* т. е. 'какие времена, какие нравы'; *несть пророка в отечестве своем* — *ingen blir profet i sitt eget land* 'никто не становится пророком в своей стране'; ср. нем. *der Prophet gilt nichts in seinem Vaterlande*. Ср. далее: норв. *det jeg skrev, det skrev jeg* ('еже писах, писах') и исл. *það sem ég hefi skrifað, það hefi ég skrifað* (в норв. употреблен претерит, в исл. — перфект); англ. *a horse, a horse! my kingdom for a horse!* и русск. *коня! коня!*

полцарства за коня! ит. ерриг (e) si muove, норв. og dog beveger den seg и русск. *а все-таки она вертится* (вместо буквального: *движется*). Подобных примеров можно привести множество.

Тот факт, что значительное число крылатых слов не переводится на другие языки дословно,⁵¹ означает, в частности, что невключение их в переводной словарь по существу лишает читателя возможности правильно перевести их. Это, разумеется, в первую очередь относится к переводу с родного языка на иностранный. Однако иногда одно и то же крылатое слово может в разных языках принимать настолько различный облик, что даже при переводе на родной язык возможны затруднения. Ср., например, норв. høyt henger de, og sure er de 'высоко висят они, и кислы они', нередко цитируемое в усеченной форме høyt henger de и соответствующие эквиваленты: русск. *зелен виноград*, нем. die Trauben sind sauer, англ. the grapes are sour (также в форме sour grapes). Попутно отметим, что эта цитата из Эзопа употребляется в норвежском также с добавлением sa reven om gognebærene (S. Evensberget og D. Gundersen, 1967, 737) 'сказала лиса о ягодах рябины'.

Все эти моменты, а также неоднократно высказывавшееся соображение о практической невозможности для многих пар языков создания четырех словарей, рассчитанных на разных носителей языка, говорят в пользу включения крылатых слов в двуязычные словари. Можно априорно полагать, что, если бы мы располагали данными о встречаемости крылатых слов, то многие из этих слов обнаружили бы более высокую частотность, чем отдельные слова, традиционно включаемые в словники двуязычных словарей. Приблизительные подсчеты показывают, что количество действительно широко употребляемых крылатых слов в языке сравнительно невелико,⁵² так что объем, который эти слова с переводами заняли бы в двуязычном словаре, был бы менее 1% объема большого переводного словаря.

Анализ даже полных и хорошо разработанных словарей показывает, однако, что крылатые слова включаются в них в значительно меньшем объеме, чем это, на наш взгляд, было бы оправдано интересами читателя. Характерно при этом, что двуязычные словари почти не дают крылатых слов, представляющих собой целое предложение; чаще всего встречаются существительные с определением (типа русск. *яблоко раздора, пушечное мясо, бывшие люди*). Например, в большом «Р.-нем. сл.».

⁵¹ С точки зрения межкультурного общения безразлично, в каком языке данное крылатое слово впервые возникло и на какой оно впоследствии переведено: для русского, говорящего по-английски, а horse! a horse! my kingdom for a horse! будет точно таким же переводом на английский русский крылатого слова *коня! коня! полцарства за коня!*, как для англичанина цитата *коня! коня!..* будет переводом английского а horse! a horse!..

⁵² В этом параграфе речь идет о крылатых словах, употребляемых только на входном языке словаря. Об иноязычных крылатых словах, употребленных в каком-либо языке, см. § 12.

1965 при наличии некоторого количества крылатых слов (*остаться у разбитого корыта, гора родила мышь, в поте лица, вавилонское столпотворение*,⁵³ книга за семью печатями и др.) отсутствует ряд весьма употребительных, в частности: *буриданов осел; быть большим роялистом, чем король; быть или не быть* (— вот в чем вопрос); *Валаамова ослица; время — лучший врач; время — деньги; все дороги ведут в Рим; все к лучшему в этом лучшем из миров; государство — это я; да минует меня чаша сия; живи и жить давай другим; и ты. Брут!; (а) король-то голый!; мёртвые души; после нас хоть потоп; посыпать голову пеплом; разделяй и властвуй; соединять приятное с полезным; я человек, и ничто человеческое мне не чуждо* и т. д.

Существующая дискриминация крылатых слов в двуязычных словарях не может быть объяснена какими-либо теоретическими соображениями. Крылатые слова являются частным видом устойчивых (в традиционном смысле) словосочетаний и как таковые характеризуются прежде всего тем, что они в речи не создаются, а воспроизводятся. Причина невнимания к ним двуязычных словарей, по-видимому, состоит в том, что словники двуязычных словарей вырабатываются на основании толковых словарей входного языка, а последние, как правило, регистрируют только те крылатые слова, в которых словоупотребление обнаруживает какие-либо особенности, например хотя бы одно из слов имеет связанное значение. «Фразеологические выражения», т. е. фразеологические обороты, семантически членимые и состоящие целиком из слов со свободным значением (Н. М. Шанский, 1964, 201), обычно не включаются в словники толковых словарей (сказанное относится, впрочем, также и к пословицам и поговоркам).⁵⁴ Вследствие этого крылатые слова обычно просто выпадают из поля зрения составителей двуязычных словарей. Другой причиной отсутствия крылатых слов в переводных словарях является трудность их перевода (ср. А. Райхштейн, 1968, 40).

Крылатые слова, употребляемые только в коллективе входного языка и поэтому не имеющие готовых эквивалентов в выходном языке,⁵⁵ представляют для лексикографов особые трудности, требуя не только глубокого знания выходного языка и литературы на нем, но и изобретательности и владения перевод-

⁵³ Это выражение приведено даже дважды. Под словом *вавилонский* дан перевод 'Turmbau zu Babel; перен. тж. die Babylonische Sprachverwirrung; heilloser Wirrwarr, Tohuwabohu', а под словом *столпотворение* — только 'Turmbau zu Babel'.

⁵⁴ Ср. работу И. Н. Шмелевой, где ряду категорий крылатых слов отказывается в статусе фразеологизма (1964, 182—185).

⁵⁵ В русском языке такими крылатыми словами являются, например, *а Васька слушает, да ест; блоху подковать; в минуту жизни трудную; дама приятная во всех отношениях; еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя* и т. п.

ческим искусством.⁵⁶ Удачно переведенные, такие крылатые слова могут благодаря составителю словаря получить новую жизнь в языке перевода. Однако трудности, с которыми здесь сталкивается составитель словаря, зачастую столь велики, что именно эта категория крылатых слов охотнее всего исключается составителями из словника. Величина ущерба, наносимого такой практикой пользующемуся словарем, очевидна. Включение национальных крылатых слов в словарь значительно увеличивает не только его переводческую компетенцию, но и познавательную ценность, сообщая читателю языковые факты, существенно обогащающие его речь на иностранном языке выражениями, уже извлеченными из литературы.

Что касается простых цитат, то, насколько нам известно, двуязычная лексикография вообще не уделяет им внимания. Вместе с тем очевидно, насколько полезным было бы читающему на иностранном языке получать информацию о том, что данное словосочетание или предложение является цитатой. Конечно, состав простых цитат, имеющих распространение в данном языковом коллективе, очень текуч, определяясь множеством экстралингвистических факторов, но, по-видимому, все же реально выделить в них более или менее устойчивое ядро. Однако решить вопрос о целесообразности включения простых цитат в словник переводного языка можно компетентно лишь тогда, когда будут произведены исследования, показывающие их количество и распространенность. Тем не менее нам представляется, что включение простых цитат в двуязычный словарь вещь вполне возможная. В некоторых случаях простыми цитатами можно было бы иллюстрировать различные словоупотребления.

Крылатые слова (и эвентуально простые цитаты) обязательно должны снабжаться особыми пометами, которые предупреждали бы читателя словаря о том, что перед ним словосочетание, имеющее постоянный состав, а не свободное сочетание слов.⁵⁷

По-видимому, целесообразно указать источник (автора) крылатого слова и его перевода, если составитель в качестве экви-

⁵⁶ Один из возможных путей — использование удачных переводов на выходной язык тех произведений, откуда взяты эти цитаты. Переводчикам нередко приходится сталкиваться с этой проблемой, и в этом отношении полезен анализ переводов художественной литературы, где национальная цитата входного языка передается национальной цитатой выходного; ср., например, *я слышу речь не мальчика, но мужа* (Э. Во. Незабвенная. Пер. Б. Носика. «Иностр. лит.», 1969, № 2, 189): *smal om livet, bred om bringen* — цитата из стихотворения «Råd for uråd» норвежского поэта Ю. С. Вельхавена в переводе английского романа P. G. Wodehouse «Onkel Fred i vårstemning» (Oversatt av Hans Geelmuyden. Oslo, 1941, 59). К сожалению, такие удачные переводы не собираются и не систематизируются и фактически остаются неизвестными лексикографам.

⁵⁷ В «Р.-норв. сл.» (рукопись) для крылатых слов используется специальный знак (○). В статье крылатые слова помещаются перед фразеологизмами.

валента дает национальную цитату на выходном языке. Например, (для пары русский—норвежский): *а ларчик просто открывался* (Крылов) \approx *forklaringen lå så snublende nær* (Ibsen); *тяжела ты, шапка Мономаха* (Пушкин) \approx *ve hver den som har fått en så stor gjerning å bære på* (Ibsen); *скандал в благородном семействе* \approx *brann i rosenes leir* (Wergeland); *есть еще порох в пороховницах* (Гоголь) \approx *ennå er ikke jomsvikinger døde* (Heimskringla) и т. д. Ср. также (А. Райхштейн, 1968, 39): нем. *Die Botschaft hör' ich wohl, allein mir fehlt der Glaube* (Goethe) \approx *свежо предание, да верится с трудом* (Грибоедов).

* * *

Одним из наиболее спорных вопросов лексикографии — как двуязычной, так и одноязычной — является проблема опорного (стержневого) слова словосочетания.

В литературе, посвященной теоретическому рассмотрению вопросов словосочетания, и в особенности фразеологии, проблеме опорного слова обычно не уделяется внимания, и она решается «мимоходом и по-разному в процессе классификации фразеологических единиц» (Л. О. Ліпська, 1963, 56). Работ, специально посвященных опорному (или стержневому) слову, почти нет.

Нет необходимости аргументировать важность вопроса об опорном слове словосочетания для практики лексикографического описания языка. Неправильное его решение приводит, в частности, к увеличению времени, необходимого для отыскания нужного читателю словосочетания в словаре,⁵⁸ усложнению этого отыскания⁵⁹ и к дублированию материала, когда одно и то же словосочетание приводится в словаре дважды (и даже большее количество раз).⁶⁰

⁵⁸ См., например, разные способы выделения опорных слов в английских фразеологических словарях (Н. Н. Амосова, 1963, 85—86).

⁵⁹ В качестве одного из множества возможных примеров приведем случай из нашей практики, когда изучавший голландский язык не смог найти в «Голл.-р. сл.», 1958 весьма употребительный фразеологизм *als het ware* 'словно, как-будто, как бы', помещенный под *als* 'как', так как искал его под *zijn* 'быть' (*ware* — застывшая форма конъюнктива) и под *het* 'оно'. Ср. замечание А. М. Бабкина (о толковых словарях): «отдельные фразеологизмы нередко находятся в неожиданных для пользующихся словарями местах... так что в справочном отношении они оказываются почти потерянными» (1964а, 10).

⁶⁰ Ряд примеров на такую неоднократную подачу одного и того же фразеологизма в одном словаре приводит Н. Г. Корлэтяну (1964, 22). В «Р.-рум. сл.», 1959, например, пословица *овчинка выделки не стоит* приводится трижды — под словами *овчинка*, *выделка* и *стоит*. Характерно при этом, что часто в разных местах даются разные эквиваленты. Справедливость требует, однако, отметить, что, осуждая эту практику, Н. Г. Корлэтяну в своем «Р.-рум. сл.», 1967 сам повторяет ту же ошибку. Пословица *овчинка выделки не стоит* в его словаре дана дважды (под *овчинка* и под *выделка*),

Говоря о словосочетании в связи с опорным словом, мы будем иметь в виду как устойчивые (по И. А. Мельчуку), так и идиоматические словосочетания.

Анализ ряда словарей показывает, что в лексикографической практике применяется несколько различных критериев выделения опорного слова словосочетания. Их можно свести к следующим основным.

1. Критерий синтаксический. Суть такого выделения опорного слова состоит в том, что различным частям речи, входящим в словосочетание, придается различная значимость, т. е. одни признаются более важными, чем другие, и потому считаются грамматическим центром словосочетаниями и более предпочитаются в качестве опорного слова. Такая схема «убывающей значимости частей речи», описанная Х. Касаресом (1958, 111), применялась, например, в испанском академическом словаре; использовалась следующая шкала: существительное, глагол, прилагательное, местоимение, наречие и т. д. Х. Касарес сам указывает на слабости этих правил (на наш взгляд, не все) и приходит к выводу, что «проблема каталогизации многочисленных выражений еще не получила удовлетворительного решения» (112). Синтаксический критерий выделения опорного слова был принят также для латышско-английского фразеологического словаря (Л. Я. Орловская и А. Г. Лау, 1969, 39).

2. Критерий порядка компонентов. Словосочетание помещается под первым знаменательным словом. Такой порядок размещения фразеологизмов признается на основании эксперимента некоторыми авторами целесообразным для школьных словарей (В. И. Перебейнос, Е. С. Блиндус и А. В. Чумак, 1957, 117), но обычно этот принцип не применяется в современной лексикографии (Н. Г. Корлэтяну, 1964, 21).⁶¹ К недостаткам такой подачи по первому компоненту следует отнести следующие: а) при применении этого чисто формального критерия многие фразеологизмы могут оказаться отнесенными к одному и тому же слову, что приведет к нерациональному увеличению статьи и вследствие этого к затруднению пользования словарем, например отыскание пословицы *большому кораблю — большое плавание* под словом *большой*; б) первый элемент словосочетания может быть, с одной стороны, факультативным, а

словосочетание *глас вопиющего в пустыне* — трижды, и критикуемая им двойная подача сочетания *анютины глазки* в словаре 1959 г. имеется и в его словаре. Некоторые другие примеры такой двойственной подачи словосочетаний в «Р.-рум. сл.», 1967 приводятся ниже.

⁶¹ Отказ от этого принципа, естественно, не означает невозможности того, что опорное слово, выделенное на основании применения иного критерия, окажется при этом первым в словосочетании. Н. Г. Корлэтяну (1964, 21—22), перечисляя условия, когда фразеологизмы помещаются при первом знаменательном слове, по существу описывает два совершенно различных критерия выделения опорного слова.

с другой стороны, иметь лексические варианты (А. И. Молотов, 1967, 22), и в этих случаях последовательное применение данного принципа потребовало бы многократного приведения в словаре одного и того же словосочетания (ср. также: А. В. Кунин, 1956, 8).

3. Критерий семантический. Предполагается, что каждый фразеологизм (идиом, идиоматическое сочетание и т. п.) имеет некий семантический, или смысловой, центр, т. е. слово, «несущее основную семантическую нагрузку» («Нем.-р. сл.», 1958, 9), «наиболее значимое» (Мал. ак. сл., I, IX), «ведущее слово, являющееся константой, т. е. устойчивым элементом фразеологии» (А. В. Кунин, 1956, 8; «Нем.-р. фраз. сл.», 1956, 13), «естественно выступающее главным» (NRO, I, XI), «доминирующее» (Н. Г. Корлэтяну, 1964, 22) и т. д. Характерно, что обычно это определение не уточняется: считается, что этого определения достаточно для однозначного понимания всеми того, какое слово в каждом конкретном случае является опорным. На деле это, разумеется, не так, и различия от словаря к словарю велики даже в тех случаях, когда в предисловиях указывается на применение одного и того же принципа. Например, немецкое словосочетание *dicke Geld* в «Нем.-р. фраз. сл.», 1956 дано под *Geld* (под *dicke* нет даже отсылки к *Geld*), а в «Нем.-р. сл.», 1958 — под словом *dicke*. Нередки и противоречия у одного и того же автора. Так, например, Н. Г. Корлэтяну в своей теоретической работе пишет, что в словосочетаниях типа *артезианский колодец*, *исландский шпат* доминирующим словом является прилагательное, «поскольку оно наиболее значимо с семантической точки зрения и именно оно превращает данное словосочетание в терминологический фразеологизм» (1964, 22—23), а в своем «Р.-рум. сл.», 1967 словосочетание *плавиковый шпат* помещает дважды — под словом *плавиковый* и под словом *шпат*; точно так же дважды приведены в этом словаре словосочетания *полевой шпат*, *артезианский колодец*, *бессемеровская сталь*, *станковый пулемет* и др. Ср. далее высказывание: «Доминирующая роль прилагательных особенно очевидна при их образовании от собственных имен... *антонов огонь*... *евстахьева труба*... Фразеологические единицы и следует помещать в словаре именно при трактовке этих доминирующих в словосочетаниях частей речи» (Н. Г. Корлэтяну, 1964, 23) — и факт двукратного помещения в «Р.-рум. сл.», 1967 этих же словосочетаний (*антонов огонь*, *евстахьева труба*).

Определение «семантического центра» фразеологизма, как это явствует из лексикографической практики, производится разными составителями словарей по-разному и потому весьма субъективно. Рядом исследователей отмечалось, что само понятие смыслового центра фразеологизма неправомерно, ибо значение фразеологизма невыводимо из значений отдельных компонентов и, выделяя один из этих компонентов в качестве глав-

ного, мы искусственно членим значение фразеологизма (Л. О. Липська, 1963, 55—64; В. П. Жуков, 1964, 140—149; А. И. Молотков, 1967, 22).

4. Критерий частотности слова. Словосочетание приводится при том из входящих в него слов, которое является наиболее редким, наименее употребительным. Хотя этот принцип к лексикографической литературе в явном виде формулируется редко (Н. Г. Корлэтяну, 1964, 21—22; «N.-eng. ordb.», 1965, 19; P. Lowe, 1970, 414), он фактически широко применяется на практике. Ср. «Р.-нем. сл.» 1965 (в скобках указаны слова, под которыми дано словосочетание): *ранняя птишка (птишка), крокодиловы слезы (крокодилов)*. Этот метод размещения словосочетаний в словаре, лишенный недостатков, присущих трем вышеперечисленным, можно было бы признать наиболее пригодным, если бы не огромное количество словосочетаний, в которых все их элементы (исключая служебные слова) имеют приблизительно одинаковую частотность или, по крайней мере, не различаются резко по своим частотным характеристикам. В самом деле затруднительно «на глаз» определить, какой из знаменательных элементов нижеприводимых русских фразеологизмов имеет более низкую (или более высокую) частотность: *язык без костей, ни рыба ни мясо, как кошка с собакой, горький хлеб, доброе утро*.⁶² Таким образом, как универсальный для всех словосочетаний, подлежащих включению в словарь, этот принцип также неприемлем.

Как мы постарались показать, ни один из практикуемых в лексикографии способов выделения опорного слова нельзя признать оптимальным.⁶³ На практике, по-видимому, случается очень редко, чтобы в каком-либо конкретном словаре последовательно применялся только один из этих принципов.

Из этого положения делаются диаметрально противоположные теоретические выводы. Так, например, А. И. Молотков полагает, что «вопрос расположения фразеологизмов в словаре (фразеологическом. — В. Б.) сводится не к искусственному выделению главных, опорных и т. п. компонентов, не к механическому перечню фразеологизмов, а к установлению связи фразеологизма в системе языка с другими фразеологизмами путем определенной группировки их. Достигается это тем, что каждый фразеологизм помещается в словаре столько раз, сколько имеется в его составе компонентов, включая все лексические и видовые варианты. Исключение составляют компоненты, являющиеся генетически служебными словами» (1967, 22). Совершенно иного взгляда придерживался С. И. Ожегов, писавший:

⁶² По частотному словарю Э. А. Штейнфельдт (1963, 101) оба последних слова имеют совершенно одинаковую частотность — 99.

⁶³ Вряд ли является выходом «сообщение читателю списка высокочастотных слов, под которыми ему не следует искать словосочетаний», как это предлагает P. Lowe (1970, 414).

«Прежде всего следует отказаться от нигилистической мысли, что опорное слово фразеологической единицы не может быть определено, что принципиальное решение этого вопроса не может быть достигнуто и что идеалом должно быть помещение в словаре каждой фразеологической единицы столько раз, сколько в ее составе имеется отдельных слов» (1957, 41).

Характерно при этом, что, определяя опорное слово как «смыслообразующий компонент единицы, т. е. такой компонент, который „фразеологизирует“ свободное словосочетание» (1957, 41), стало быть, выделяя его на основании семантического критерия, С. И. Ожегов сам отходит от этого принципа, рекомендуя выделять опорное слово «по семантическим, структурно-лексическим и собственно-лексическим признакам» (50), поскольку, по его мнению, «не может быть предложено единой меры для выделения опорного слова» (48).

Попытка (единственная нам известная) найти «наиболее объективный принцип определения опорного слова» предпринята А. С. Аксамитовым (1965, 61—62; 1968, 39—49). Предлагается следующая процедура. Применяя метод субституции (по отношению либо к отдельным элементам фразеологизма, либо ко всему фразеологизму), все фразеологизмы данного языка разбивают на следующие 7 семантических групп: предметное, качество, количество, состояние, отношение, движение и взаимодействие с внешним миром. Затем материал каждой из групп классифицируется по формальным (грамматическим) признакам (например, глагол + существительное + существительное, наречие + глагол и т. п.). Естественно, что некоторые конфигурации окажутся идентичными в разных группах. Следующий, на наш взгляд основной, шаг в этой процедуре А. С. Аксамитовым не аргументируется; просто констатируется, что в разных из этих семантических групп идентичные грамматические конфигурации будут иметь различные компоненты в качестве опорных слов. Это поясняется примерами (для группы глагол + существительное + существительное):⁶⁴ «...в группе „состояние” этим компонентом явится глагол (*песок сыплется с кого-л., душа, сердце разрывается*), а в группах „движение” и „взаимодействие с внешним миром” — имя (*повернуть оглобли, показать, подмазать пятки*). Произвольность, субъективность и неаргументированность этого метода выделения опорного слова очевидны.

При решении вопроса об опорном слове следует также иметь в виду, что в практической лексикографии к критерию выделения опорного слова предъявляется одно весьма существенное требование: правила выделения должны быть достаточно просты и естественны для того, чтобы пользующийся словарем мог руководствоваться ими. Ведь, отыскивая в словаре какое-

⁶⁴ По-видимому, имеется в виду «глагол + существительное»; ср. примеры.

либо словосочетание, помещенное под тем словом, которое составитель словаря выбрал в качестве опорного, читатель, во избежание бесполезной траты времени и усилий, должен сам выделить в этом словосочетании то же самое опорное слово (ср. J. Dubois, 1962, 44—45). В идеале читатель должен найти нужное ему словосочетание при первой же попытке отыскать его в словаре, а это окажется невозможным, если принципы выделения опорного слова будут сложны⁶⁵ или потребуют какой-либо дополнительной информации, которой читатель не располагает (например, данных о точной частотной характеристике слова). Это требование, определяемое практическими интересами пользующегося словарем, представляется весьма важным, хотя оно еще более затрудняет решение вопроса. Грубо говоря, для читателя важно только то, чтобы словосочетание было помещено в словаре так, чтобы его можно было легко и естественно найти.⁶⁶

Итак, в современной практической лексикографии при определении опорного слова словосочетания применяется несколько различных критериев, ни один из которых сам по себе не является достаточно эффективным для того, чтобы его можно было признать ведущим. Это приводит к тому, что система попеременного использования то одного, то другого, то третьего критерия оказывается, с одной стороны, столь текучей, а с другой — столь сложной (ср., например, С. И. Ожегов, 1957, 48—50), что, в частности, сами составители словарей сплошь и рядом противоречат себе в принципах выделения опорного слова и либо приводят одно и то же словосочетание дважды или даже трижды, либо совершенно однотипные словосочетания приводят под разными разрядами опорных слов. Впрочем, когда одновременно используется несколько критериев выделения опорного слова, составитель каждый раз может мотивировать свое решение применением того критерия, который может это решение оправдать (равно как и случаи дублирования материала можно оправдать соображениями удобства читателя).⁶⁷

Создается парадоксальное положение. Ни один из применяемых критериев выделения опорного слова сам по себе не может удовлетворить лексикографа, а способы комбинирования критериев оказываются слишком сложными и неопределенными

⁶⁵ Например, рядовому потребителю словаря вряд ли будет ясно, что словосочетание *без задних ног* следует искать при прилагательном *задний*. а словосочетание *на широкую ногу* — при существительном *нога*, как это предложил С. И. Ожегов (1957, 49—50).

⁶⁶ При существующей практике словарного дела это пока что идеал. И. Осман справедливо признает, что для нахождения в словаре (одноязычном) словосочетания требуется известное количество «проб и ошибок» (N. Osmán, 1965, 136).

⁶⁷ Например, Р. М. Аль-Казими считает достоинством «Р.-араб. сл.» В. М. Борисова дублирование фразеологических единиц в статьях слов-компонентов, так как это «облегчает пользование словарем» (1968, 19). Ср. также: Н. Катагошина и В. Соловьев, 1969, 373—374.

для того, чтобы они соответствовали интересам потребителя словаря.

Для двуязычных словарей, объем которых, как правило, ограничен, недопустим и, казалось бы, естественный выход из этого положения — дублирование материала столько раз, сколько полнозначных элементов в данном словосочетании. Это недопустимо прежде всего по соображениям экономии места. Двуязычные словари не включают в себя такого большого количества нужной читателю информации, что дублирование сотен, а часто и тысяч словосочетаний с их переводами представляется нам совершенно «недопустимой роскошью».

Попутно отметим один частный, но важный момент. В словарях очень часто одно и то же словосочетание, помещенное под разными опорными словами, получает более или менее различные переводы. Например «Р.-рум. сл.», 1967 — *анютины глазки*: (под *анютин*) *pansele f pl, catifelute f pl*, (под *глазок*) *pansea f, catifelută f*; *между ними черная кошка пробежала*: (под *кошка*) *și-a vîrît dracul codița între ei*, (под *черный*) *și-a băgat dracul coada între ei*; *чесать язык(ом)*: (под *чесать*) *a melița din gură, a-i merge gura ca o meliță, a trîncăni*, (под *язык*) *a înșira moși pe groși (или verzi și uscate)*; *косая сажень в плечах*: (под *косой*) *lat în spate, spătos* (под *сажень*) *cu spate le cît soba и т. п.* Немало подобных примеров можно найти в очень многих словарях. Например, «Кр. сомали-р. и р.-сомали сл.», 1969 — *губная помада*: (под *губной*) *ranji-ga bushunta lagu aseysto*, (под *помада*) *ranji-ga hushumaha haweenku marsadan*; *чайная ложка*: (под *ложка*) *qaaddada shaahha*, (под *чайный*) *macalgadda shaahha*; *грузовая машина*: (под *грузовой*, см. *грузовик*) *gaari-da farka qaada*; (под *машина*) *baabuurka farka* (ряд других примеров подобного разнобоя приводится в рецензии на этот словарь, — В. П. Берков, 1971а). Случаи такой неунифицированности переводов можно найти также в «Р.-каракалп. сл.», 1967 и ряде других словарей. Ср. также: А. К. Боровков, 1948, 156; Л. И. Ройзензон, 1964, 250—251; В. Ulvestad, 1968, 384—385. Такая неунифицированность переводов (кстати, очень легко устранимая при внимательном редактировании словаря — разумеется, если вообще нужно сохранять такое повторение материала) не может не подрывать в читателе веры в точность и надежность данного словаря: либо все эти данные в разных местах переводы равноценны, и тогда неоправдан пропуск одного и одних в другом месте, либо один из них неточен, и тогда его приведение также неоправдано. И то, и другое соображение, возникающее у читателя, лишает его уверенности в том, что составитель словаря действительно предлагает ему тщательно отобранный лучший перевод — как в данном конкретном случае, так и в других, возможно на деле бесспорно правильно решенных.

Не беря на себя смелости предлагать общие рекомендации

решения вопроса об опорном слове, изложим принципы, которыми мы руководствуемся при определении опорного слова словосочетания вготавливаемом нами русско-норвежском словаре. При этом мы стремились к простоте и естественности этих правил, исходя из интересов читателя.

Для устойчивых сочетаний (в понимании И. А. Мельчука) вопрос решается следующим образом. Словосочетание помещается при том слове, которое с достаточно высокой степенью предсказывает все это словосочетание, т. е. относительно которого это сочетание является устойчивым (ср. стр. 215). Эта «достаточно высокая степень», естественно, нами определялась субъективно, поскольку подобных исследований никем не проводилось. На практике это просто означает, что если это слово не употребляется вне данного сочетания или данной группы сочетаний, то именно оно и выбирается в качестве опорного. Например, поскольку прилагательное *гулькин* употребляется только в словосочетании *с гулькин нос*, то все это словосочетание помещается именно под этим словом. Аналогично для сочетаний *синильная кислота*, *пьялить глаза*, *охулки на руку не класть*, *взять измором* и *война на измор*, попасть впросак опорными словами выбираются соответственно *синильный*, *пьялить*, *охулка*, *измор*, *впросак*.

Для словосочетаний, элементы которых характеризуются резко различными частотными характеристиками, опорным словом избирается наиболее редкое слово. Как и в предыдущем случае, не имея частотных характеристик словарного состава русского языка, мы руководствовались нашими субъективными, интуитивными ощущениями «употребительности» и «редкости». Необходимо, однако, подчеркнуть, что речь здесь идет о действительно бесспорных различиях в частотном параметре слов. Так, например, словосочетания *плавиковая кислота*, *железный купорос*, *дубовая голова*, *обделать дело (дельце)*, *в пожарном порядке* и *на всякий пожарный случай*, *бог троицу любит*, *в семье не без урода* и т. п. помещаются соответственно при вокабулах *плавиковый*, *купорос*, *дубовый*, *обделать*, *пожарный*, *троица*, *урод*. В пользу такой подачи материала в словаре говорят следующие практические соображения. Во-первых, как правило, слова с более высокой частотной характеристикой обладают более высокой сочетаемостью, и потому для их лексикографической разработки требуется статья большего объема, а чем больше словарная статья, тем более трудоемок поиск нужных сведений. Например, поиск словосочетания *дубовая голова* в статье *голова* более затруднителен, нежели в статье *дубовый*. Во-вторых, для двуязычного словаря важно, что, как правило, слова более употребительные известны пользующемуся словарем лучше, нежели слова менее употребительные. Естественно предполагать, что более вероятен случай, когда человеку, не встречавшемуся со словосочетанием *плавико-*

вая кислота, будет известен перевод слова *кислота* и неизвестен перевод слова *плавиковый*, чем случай обратный. Читатель, сталкиваясь с незнакомым ему словом, прежде всего стремится установить его значение (ср. Н. Г. Корлэтяну, 1964, 21), а не, определив по интуиции, что перед ним словосочетание (безразлично, устойчивое или идиоматическое), старается найти его под словом, представляющимся ему «смысловым центром» данного сочетания.

Во всех остальных случаях — а их гораздо больше — автор исходил из того, что, во-первых, равно вероятно незнание читателем всех элементов словосочетания и что, во-вторых, и при знании им значения всех элементов он не в состоянии сам с достаточной вероятностью выделить опорное слово этого словосочетания таким же образом, как это сделано составителем словаря, даже если правила определения опорного слова и не будут столь сложными, как уже упоминавшиеся правила С. И. Ожегова (1957, 48—50). Мы исходили из того, что, например, поиск читателем в словаре словосочетания (*врёт*) как *сивый мерин* одинаково вероятен и в словарной статье *сивый*, и в словарной статье *мерин*, а поиск словосочетания *по одежке протягивай ножки* равно возможен под словами *одежка*, *протягивать*, *ножка*. На деле это, по-видимому, не так, но мы просто пока не располагаем информацией о процессе поиска читателем словосочетания.

Считая принципиально недопустимым дублирование материала в словаре, мы также полагали неэкономным расходовать ценное место для подробных ссылок типа *по одежке протягивай ножки см. одежда* (например, в статье *протягивать*). Был предложен поэтому иной, более компактный метод ссылок, получивший предварительное одобрение Редакции словарей издательства «Советская энциклопедия». Предложенный способ подачи состоит в том, что в тех статьях, заглавные слова которых входят в словосочетания, разработанные в других статьях, эти словосочетания не приводятся полностью, а в самом конце статьи (за знаком Δ) приводятся вокабулы, под которыми следует искать словосочетания, включающие заглавное слово этой статьи. Поясним это примерами. Предположим, что словосочетание *китайская грамота* помещено в статью *китайский*. В конце статьи *грамота* дается: Δ *китайский*. Это указывает читателю на то, что словосочетание, в котором участвует слово *грамота*, приведено в статье *китайский*. Если читатель хочет найти в словаре сочетание *китайская грамота*, а обратился вначале к статье *грамота*, считается, что этой информации будет для него достаточно. Если же он ищет значение слова *грамота* и установление значения словосочетания *китайская грамота* для него в этот момент не актуально, он просто не воспользуется этим указанием на возможность получить в другом месте словаря дополнительную информацию о слове *грамота*. Такой спо-

соб подачи будет, с другой стороны, также удовлетворять потребностям тех читателей, которые не только хотят установить значение данного слова при переводе определенного текста, но желают получить всю информацию о данном слове, не зная заранее, в каких нерегулярно переводимых словосочетаниях оно может встречаться. На возможное возражение, что при такой «зашифрованной» подаче читателю может быть неясно, какое словосочетание имеется в виду, — особенно когда оно состоит из нескольких слов, например *вода... Δ... мельница, мутить, мутный...* (ср. также *ловить... мутный... рыба... мутный*), — фактически ответ был дан выше: чтобы определить словосочетание, читателю почти во всех случаях будет достаточно двух слов (*вода, мутный* → *ловить рыбу в мутной воде*).⁶⁸

Экономия места, достигаемая при такой подаче, получается весьма значительной. По очень приблизительным подсчетам она может составить несколько процентов объема словаря, за счет чего в словарь можно включить другую необходимую информацию. Разумеется, предложенная система отсылок, пронизывающая весь корпус словаря, требует от составителя значительного дополнительного труда по составлению картотеки отсылок, по проверке их и т. п., но эта затрата усилий и времени составителя имеет своим результатом большую информационную насыщенность словаря без ущерба для интересов читателя, чем собственно и определяется качество словаря: он должен давать максимум правильной информации на минимуме страниц (L. D. Levitzky, 1957, 249).

При такой практической системе отсылок вопрос о том, какое слово должно быть опорным, становится менее принципиальным,⁶⁹ хотя он, разумеется, никоим образом не снимается с повестки дня. Поскольку, повторяем, ни один из четырех основных методов определения опорного слова, практикуемых в лексикографии, взятый в отдельности, не оказывается достаточно пригодным, естественно было бы в первую очередь учитывать интересы читателя, т. е. обеспечить ему минимальную

⁶⁸ В тех крайне немногочисленных случаях, когда оба данных компонента (вокабула и слово за знаком треугольника) входят более чем в одно словосочетание (например, *черт* и *ладан* в словосочетаниях *как черт ладана* и *как черт от ладана*, *семь* и *пот* в словосочетаниях *сгонять семь потов* и *сошло семь потов*, *мерить* и *аршин* в словосочетаниях *мерить на свой аршин* и *мерить на один аршин* и т. п.), — в этих случаях можно в скобках после знака Δ либо привести полностью оба словосочетания, либо просто указать: *2 раза* (чтобы читатель, найдя в словаре одно из словосочетаний, продолжал поиск).

⁶⁹ Ср. аналогичный вывод, к которому (для фразеологического словаря) пришел А. И. Молотков (1967, 22): «При таком расположении фразеологизмов в словаре (под каждым из компонентов. — В. Б.) выбор места разработки фразеологизма не имеет существенного значения. Система отсылок с каждого компонента всегда укажет читателю, где следует искать разработку фразеологии».

затрату времени для поиска словосочетания. Опыт показывает, что читатели словарей в большинстве случаев не обращают особого внимания на введения и предисловия к словарям, и поэтому не следует возлагать надежд на то, что изложенные во введении принципы выделения опорного слова, принятые в данном словаре, будут усвоены читателем и успешно применяться им на практике. Более правильным представляется иной путь.

Можно предполагать, что, несмотря на возможные довольно значительные индивидуальные отличия в методах определения слов, под которыми следует искать в словаре словосочетания, у определенных контингентов читателей все же будут наблюдаться некоторые закономерности в поиске. Эти закономерности целесообразно изучить и полученный опыт использовать в словарной практике. Для этой цели необходимо провести эксперимент, в котором участвовали бы достаточно различные категории потенциальных потребителей словаря и предлагались бы самые различные типы словосочетаний, включаемых в словари с данным языком в качестве входного. В литературе нам известен только один такой опыт: это уже упомянутое исследование того, как учащиеся старших классов русских школ ищут в англо-русском словаре английские фразеологизмы (В. И. Перебийнос, Е. С. Блиндус и А. В. Чумак, 1957, 116—117); данные этого эксперимента имеют, конечно, ограниченное значение.

Что касается «Р.-норв. сл.» (рукопись), то при невозможности применения названных выше критериев — устойчивости сочетания по одному из элементов и бесспорно более низкой частотности («редкости») одного из элементов — использовалось несколько иных критериев разного характера, подробное перечисление которых вряд ли целесообразно, поскольку многое в них совпадает с уже описанным в литературе или расходится с ним в деталях. Отметим поэтому только важнейшие.

Критерий частотности (определяемый нами, как говорилось, интуитивно) применяется достаточно широко. Если для совершенно бесспорных случаев, примеры которых приводились выше, при остальных элементах отсылок не давалось, то в иных случаях последние используются. У словосочетаний, состоящих примерно из равночастотных элементов, принадлежащих одной части речи (*ни рыба, ни мясо; ни шьет, ни порет; кровь с молоком; до поры до времени* и т. п.), опорным словом избирается первое. При вариативности словосочетания обычно бывает целесообразным сделать опорным словом константу — компонент, наличествующий во всех модификациях (например, слово *жила* для словосочетаний *тянуть жилы, вытягивать жилы, слово укладываться* для сочетаний *в голове не укладывается, в сознании не укладывается* и т. п.). Однако этот критерий применять нецелесообразно, если он вступает в противоречие с двумя основными; так, например, словосочетания *ничего не поделаешь*

и ничего не напишешь даются соответственно при вокабулах поделаться и пописать.

Особо остановимся на одном частном, но существенном моменте. В русском языке имеется огромное количество терминов, состоящих из прилагательного с существительным. Поэтому вопрос о том, как их следует подавать в словаре, очень важен. При решении вопроса об опорном слове таких словосочетаний принимается во внимание сочетаемость этих существительных с теми прилагательными, с которыми они образуют термин. Если таких прилагательных оказывается немного, то этот составной термин дается при существительном: так делается более наглядной структура терминологического ряда и удовлетворяются интересы не только ищущих определенный перевод, т. е. имеющих дело с «речью», но и лиц, извлекающих из словаря информацию о разных употреблении слова вне определенного контекста, т. е. изучающих «язык». Если же таких прилагательных много, то более целесообразным оказывается давать такие словосочетания под индивидуализирующим прилагательным. По сути дела тут фактически действует принцип предпочтения слов с более низкой частотностью в качестве опорных. Например, словосочетания *белый гриб*, *красный гриб* помещаются в статью *гриб*; *белый медведь*, *бурый медведь* даются при существительном *медведь*; с другой стороны, термины *серная кислота*, *азотная кислота*, *щавелевая кислота*, *уксусная кислота*, *лимонная кислота* и т. п. получают переводы под соответствующими прилагательными.

Устойчивость словосочетания по двум и более элементам приводит, в частности, к тому, что пословицы, поговорки и крылатые слова употребляются в речи в неполном виде (например, в высказываниях типа русск. *уста́ми младе́нца...*, *собака ла-ет...*, *а вы, друзья, как ни садитесь...*, *не в службу...*, *недосол на столе...*, *с паршивой собаки...*, *своя рубашка...*, *рыбак рыбака...*, *с суконным рылом...* и т. д.). Состоявшаяся в 1969 г. выставка в Осло, посвященная теме «Человек и природа», называлась «*Etter oss kommer...*» (ср. крылатое слово *etter oss kommer syndfloden* 'после нас хоть потоп'). Ср. примеры из немецкой художественной литературы: «*Früh übt sich,*» sagt der Polizist. — Nur wer die Sehnsucht kennt (А. Райхштейн, 1968, 37, 42). Нередко используется только часть пословицы; ср. это — *журавль в небе*, его статья — *первый блин*, на нашем безрыбье и от нее есть польза, теперь я могу гулять смело, ехать пора — а ты собак кормить собираешься и т. д. Перефразировка известных пословиц и поговорок, частичное их цитирование, намеков на них — употребительный прием в литературе. Ср., например: «Разве он (младенец. — В. Б.) виноват, что родился? И что он нам худого сделал? Подлецы мы... Любим кататься на саночках, а возить саночки приходится невинным деточкам» (Чехов. Беззаконие); «Думаешь иногда: что уж во

мне, кажется, только и корысти, что заборы мной подпирать» (Салтыков-Щедрин. Круглый год); «Новый подъем широкого и массового движения против старого порядка наметился уже давно. Теперь этот подъем близится к высшей точке своего развития: Выборы в Думу и первая неделя заседаний и работ оппозиционной Думы сыграли роль „копеечной свечки“, от которой загорелся пожар во всей стране» (Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, 208); «В Отлетаевке рак — рыба, Фома — человек и ссора — живое слово» (Чехов. Двадцать девятое июня); «С голого по нитке — сытому рубашка» (Салтыков-Щедрин. Письма о провинции).⁷⁰ Описан ряд аналогичных случаев для английского языка (Т. Левицкая и А. Фитерман, 1968, 43—52).

Для лексикографической обработки подобного рода словосочетаний важно, что в таких перефразированных вариантах не всегда сохраняется опорное слово, что, естественно, очень затрудняет поиск их значения в словаре или вообще делает его невозможным. Для облегчения поиска таких пословиц, поговорок и т. п. в двуязычных словарях целесообразно широко давать отсылки при различных компонентах этих словосочетаний, например: для пословицы *Москва от копеечной свечки (свечи) сгорела (загорелась)*, если опорным сделать слово *Москва*, следует дать отсылки к нему при словах *копеечный, свеча, свечка*. Для поговорки *в огороде бузина, а в Киеве дядька* при опорном слове *бузина* полезно дать отсылки при словах *огород, Киев, дядька* и т. п. Разумеется, перефразировка может носить такой радикальный характер, что словарь будет не в состоянии помочь читателю.

⁷⁰ Все вышеприведенные литературные цитаты взяты из «Словаря р. посл. и погов.», 1966.

§ 12. ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ

Беспереvodное употребление слов и в особенности выражений другого языка — довольно распространенное явление. В книжном стиле большинства европейских языков используется ряд латинских выражений и слов — таких, как *ergo, sic!, conditio in qua non, ad hoc, mutatis mutandis, nec (non) plus ultra, pro loco sua, ab ovo, sui generis, passim, de jure, de facto, in spe* и т. д.¹ Во многих языках употребительны некоторые француз-

¹ Например, в произведениях В. И. Ленина отмечено 82 иностранных выражения, всего около 130 случаев употребления (В. Гак, 1970, 25). В этом параграфе не рассматриваются нередкие в научной литературе случаи употребления иноязычных научных терминов (типа лингвистических *Zwischenwelt, die sprachliche Mittelwelt, ergon, energeia* и т. п.); обычно они в тексте переводятся или объясняются (ср. G. Moulin, 1964, 122—123).

ские выражения, например *couleur locale, en bloc, en passant, au naturel, fait accompli, faux pas, profession de foi, idée fixe, raison d'être* и т. н. Приведенные примеры касались в первую очередь книжного стиля. Однако иноязычные вкрапления характерны и для других стилей, в том числе и для разговорного стиля или просторечия. Так, в норвежском разговорном стиле встречаются свецизмы: *i början* 'в начале' вместо *i begynnelsen*, *til å begynne med*; *så småningom* 'понемногу' вместо *litt etter litt, litt (smatt) om senn*; *det kommer ikke (inte) i frågan* 'об этом не может быть и речи' вместо *det kan ikke være tale om: ha det bråttom* 'спешить' вместо *ha det travelt* и др. (О свецизмах в норвежском см. F.-E. Vinje, 1968, 36—41.) В русском просторечии употребляется известное количество украинизмов (иногда подвергшихся искажению), в частности *бывай, нема, дивчина, пацан, тикать, що таке, нема дурных* и др. (ср. Л. А. Коробчинская, 1966, 62). Для так называемого лигатурно-разговорного стиля в современном норвежском характерно широкое использование англицизмов типа *comming man, up to date, walk over, come back, still going strong, teach in, it, strong man. make up, non-stop* и мн. др. Иноязычными вкраплениями в норвежском риксмале являются, строго говоря, и те слова и выражения из «новонорвежского», которые при их употреблении в риксмале ощущаются именно как «новонорвежские», т. е. не принадлежащие к словарному фонду, общему для обеих норм (например, *være i kjømda* 'быть на подходе, быть на пути сюда', *så tar vi det som takast kan* 'возьмем, что можно взять' и т. п.). Церковнославянизмы (например, *еже писах, писах, толцете и отвержется, ничтоже сумняшеся*) являются для современного русского языка фактически иноязычными цитатами.

Иноязычные вкрапления, с одной стороны, близки к экзотизмам, с другой — к иностранным словам. Основное различие между экзотизмами и иноязычными вкраплениями — функциональное: первые обозначают явление, чуждое данному языковому коллективу, тогда как последние — свойственное ему.² Материально, этимологически, это, конечно, явления одного порядка. Однако, противопоставляя экзотизмы остальной лексике, мы осуществляем одну классификацию, используем один принцип деления, а выделяя из лексики какого-либо языка иноязычные вкрапления, проводим другую классификацию и используем иной принцип деления. В этом последнем случае основным критерием является в первую очередь грамматическая неассимилированность слова или, особенно, словосочетания. Графические различия (разные алфавиты) имеют место далеко не всегда. Отличие иноязычных вкраплений от иностранных слов состоит

² Ср., например, роль украинизмов в творчестве Н. В. Гоголя и в русском просторечии. Классификация гоголевских украинизмов (глаголов) имеется в статье А. И. Андрусенко (1965, 240—252).

прежде всего в том, что иностранные слова грамматически ассимилированы языком (ср.: А. М. Бабкин, 1970, 223). Пушкинское *vulgar* было иноязычным вкраплением не только и не столько потому, что поэт использовал английское написание, сколько потому, что прилагательное было лишено характерного для русского языка оформления. Впрочем, граница между иноязычными словами с номинативным значением и иностранными словами не всегда четка, и возможны переходные случаи, поскольку такие вкрапления, ассимилируясь, часто переходят в разряд иностранных слов. Ср. встречающиеся в русской литературе XIX века написания: *credo*, *corps de balet*, *expert*, *réclame*, *table d'hôte*, *ultimatum*, *salon*, *protégé*, *prestige*, *madame*, *lumbago* и мн. др. А. А. Леонтьевым (1966, 60—68) предложена классификация иноязычных вкраплений посредством аналитической дистрибутивной модели с независимыми уровнями. Автор берет 4 уровня (1) лексемный, 2) морфемный, 3) фонемный и 4) уровень звукотипов) и рассматривает все возможные комбинации их (всего 16, точнее 15, так как одно из сочетаний означает русский текст без иноязычных вставок), например 24—13,³ т. е. иноязычное слово со свойственной ему семантикой, употребленное в соответствии с фонетикой и грамматикой русского языка: ...*эвека* (*eveque*) ...*сосиджей* ..., *люфтвафеном*.

С точки зрения теории и практики лексикографии особенно важны здесь несколько моментов.

Во-первых, иноязычные выражения, независимо от того, что они ощущаются носителями языка, в котором они употребляются, именно как иноязычные и независимо от оправданности и желательности их употребления, являются фактами того языка, в котором они используются (А. М. Бабкин, 1970, 217—218; В. Гак, 1970, 27). Регистрируя словарный состав какого-либо языка в словаре ограниченного объема, мы руководствуемся только критерием употребительности, а этимологический подход противоречит синхронному (ср.: W. H. Whiteley, 1967, 125). При этом существенно, что некоторые широкоупотребительные в каком-либо языке иноязычные слова и выражения могут иметь более высокую частотность, чем «свои» слова этого языка.

Во-вторых, лексикограф, составляющий двуязычный словарь, вынужден считаться с тем очевидным фактом, что у каждого из данной пары языков будет свой собственный набор иноязычных вкраплений. Для некоторых пар процент общих иноязычных выражений и слов, употребляемых без перевода, будет весьма высоким, для некоторых — ничтожно малым. Поэтому какая-то часть этих вкраплений (иногда очень немного, а иногда практически все) будет непонятна читателю-иностранцу.

В-третьих, даже встречая вкрапление, знакомое по родному

³ Цифры слева обозначают уровни, которые берутся от модели русского языка, справа — от модели иностранного языка.

языку,⁴ иностранец нередко не сможет правильно произнести его, не получив специальной информации о его произношении. Например, латинские цитаты весьма различно произносятся в английском, французском, норвежском и русском. Даже знание иностранцем правил произношения языка, из которого взято данное выражение или слово, также не является гарантией правильного произношения, поскольку во многих языках произношение иноязычных вкраплений имеет свои правила, в определенных отношениях расходящиеся с произношением языка-источника. Ср., например, произношение следующих норвежских примеров с произношением в языке-источнике: *coming man* — норв. [ˈkøm:ɪŋ mæn:], англ. [ˈkʌmɪŋ mæn], *up to date* — норв. [ˈøp: tu deit], англ. [ˈʌp tu deɪt], *en suite* — норв. [aŋ ˈsvit:], фр. [ā ˈsyit] и т. д. В языках, где имеется тоническое ударение, употребление того или иного тона в иноязычных вкраплениях определяется иногда довольно сложными правилами. Так, например, латинские слова произносятся в норвежском с соблюдением следующих основных правил: 1) слова, имеющие ударение на третьем с конца слоге, получают I тон: *dúcibus, amábimus*; 2) двусложные слова на -e имеют II тон: *ànte, màre*; 3) основные лексические (словарные) формы (кроме двусложных на -e) имеют I тон: *ámo, íter*; 4) несловарные формы, отличающиеся от словарных числом слогов или имеющие перенос ударения по сравнению со словарными, имеют при ударении на предпоследнем слоге II тон: *dúcis, amámus, amàvi, audìmus*; 5) несловарные формы с тем же числом слогов, что словарные, имеют, как правило, I тон, но могут получить II тон по аналогии, если относятся к классу форм, имеющих II тон согласно правилу 4: *sèrvi, ámas*, но: *pàtris* (ср. *dúcis*), *dixi* (ср. *dédi, amàvi*). Из этих основных — достаточно сложных — правил имеется ряд исключений (С. Н. J. Borgstrøm, 1968, 32—47, особенно 34—35).

Таким образом, для того чтобы правильно произнести то или иное иноязычное вкрапление в каком-либо иностранном языке, читающий должен получить информацию либо о произношении данного конкретного вкрапления, либо о правилах чтения слов языка-источника в заимствующем языке (например, правила чтения французских заимствований в русском, английском в норвежском и т. д.). В словарной практике второй вид информации

⁴ Здесь, как и во всем параграфе, речь идет о тех иноязычных выражениях и словах, которые действительно достаточно широко употребительны в каком-либо языке и «понимание которых без перевода не должно затруднять культурного читателя» (М. Г. Ашуккина, 1967, 119). Число редких или вообще единичных употреблений иноязычного материала может быть огромным. В словаре А. М. Бабкина и В. В. Шендеева (I—II, 1966) описано около 10 000 таких иноязычных вкраплений, встречаемых в русском языке, тогда как число употребительных, по-видимому, измеряется десятками. На отсутствие разграничения, типичного и редкого в этом словаре, указывал Р. А. Будагов (1967, 84—89). См. также: М. Г. Ашуккина, 1967, 118—120.

обычно читателю не дается, хотя полезность ее не ограничивается рассматриваемыми в этом параграфе иноязычными вкраплениями — она очень важна для правильного произношения имен. Вместе с тем следует учитывать возможность различных способов передачи в одном и том же заимствующем языке одного и того же звука или звукосочетания языка-источника; в этом случае правила будут указывать альтернативы, но не конкретную передачу (ср.: W. H. Whiteley, 1967, 139).

В-четвертых, человек, читающий на иностранном языке, не всегда может определить, что данное слово или выражение является иноязычным вкраплением. Самый очевидный признак такого вкрапления — использование другого алфавита. В случаях, когда алфавит тот же самый, признаком того, что данное слово или выражение взято из другого языка, может служить наличие букв, отсутствующих в алфавите этого языка, например *ö* в норвежском, *ç* в английском и т. п. Однако этот признак далеко не всегда надежен, потому что во многих языках иностранные слова сохраняют орфографию подлинника вплоть до специфических букв; ср., например, в норвежском: *schäfer* (наряду с *schæfer*) 'овчарка' при отсутствии в норвежском алфавите буквы *ä*; англ. *chef-d'oeuvre*⁵ и т. п. Во многих случаях иноязычное вкрапление вообще бывает лишено каких-либо характерных признаков, которые указывали бы на его происхождение из другого языка; например, во французских выражениях *en profil*, *en masse* и в приводившихся выше словосочетаниях *så småningom* или англицизме *still going strong*, употребляющихся в норвежском, нет внешних признаков иноязычности. Следует также учитывать то обстоятельство, что если входной и выходной языки словаря пользуются разными алфавитами и оба употребляют без перевода выражения из третьего языка, в свою очередь использующего особый алфавит, то между этими двумя транслитерациями возможны расхождения, что может затруднять понимание даже знакомого по родному языку иноязычного вкрапления.⁶ Особую сложность для читающего на иностранном языке должны представлять случаи, когда иноязычное вкрапление (из близкородственного языка) при общем алфавите обоих языков или в транслитерации подвергается некоторым изменениям, его словообразовательные элементы заменяются соответствующими им словообразовательными элементами заимствующего языка, как в случае с русск. *жовто-блакитный* (вместо укр. *ий*) или (*вольность и*) *неподлеглость* (польск. *wolność i niepodległość*). Существенно и то, что даже, определив, что перед ним иноязычное вкрапление (например, по необычным для данного языка сочетаниям букв, диакритике и т. п.), читатель

⁵ Л. Блумфилд называет такие слова «полуиностранными» (1968, 493).

⁶ В нашей педагогической практике был случай, когда студент не мог перевести встретившееся ему в норвежском тексте слово *eugeka* 'эврика'.

может оказаться не в состоянии определить, из какого языка оно взято. Для перевода с родного языка на иностранный иноязычные вкрапления играют меньшую роль, чем при переводе с иностранного языка на родной, однако неверно было бы, на наш взгляд, полностью игнорировать их. Если данное вкрапление достаточно широко употребительно в родном языке пользующегося словарем, то оно, повторяем, является фактом данного языка, и потребитель словаря вправе рассчитывать на то, что словарь даст ему перевод этого элемента лексики его родного языка. Существенно, что, переводя также вкрапление с родного языка на иностранный, человек в принципе не может заранее знать, употребляется ли это вкрапление также и в языке, на который происходит перевод. Ведь весьма часто иноязычные беспереводные выражения входного языка словаря неупотребительны в выходном. Например, множество англицизмов, распространенных в норвежском (*come back*, *public relations* и т. п.), в русском неупотребительны; в исландском языке, вообще крайне пуристическом, в некрологах нередко встречается употребительное во многих европейских языках латинское выражение *in memoriam*, не используемое в русском языке, совсем не пуристическом, и т. п. Фонетический момент, о котором говорилось выше, при переводе с родного языка на иностранный приобретает особую роль. Правила произношения таких вкраплений, повторяем, следует считать в принципе неизвестными читателю родно-иностранного словаря.

Представляется, что сказанное позволяет сделать вывод о целесообразности включения иноязычных вкраплений в словарь двуязычного словаря. При этом критерием, которым следует руководствоваться для определения необходимости включения того или иного иноязычного выражения или слова, должна быть употребительность этого выражения.⁷ Таким образом, составитель двуязычного словаря должен иметь в своем распоряжении авторитетно составленный список иноязычных слов и выражений, употребляемых во входном языке без перевода достаточно часто. В словарной практике, однако, иноязычным вкраплениям обычно уделяется недостаточное внимание, хотя имеются отдельные попытки серьезно подойти к этому вопросу.⁸

⁷ Противоположной точки зрения придерживается М. Илиэску (M. Iliescu, 1957, 211—212), считающая, что заслуживают включения в словарь только те вкрапления, значения которых не совпадают в данной паре языков, а не просто широкоупотребительные (в статье идет речь только о латинских выражениях). Предложение давать латинское выражение, употребляющееся вместе со словами переводимого языка (типа немецкого *ad acta legen*), под словом этого языка (т. е. в данном случае под *legen*) представляется неверным; подробнее см. § 11.

⁸ Ср., например, «Sw.-Eng. D., 1964», в который составитель включил также употребляющиеся в шведском английские термины типа *fully fashioned* (ср. также: I. E. Gullberg, 1965, 172 и 1966, 9). В кн. «D.-isl ord.», 1957 включены такие статьи, как *dark horse*, *dolce far niente*, *enfant terrible*, *professore* и т. п.

ЛИТЕРАТУРА¹

Аксамитов А. С. Опорное слово фразеологической единицы. — Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1965, 61—63.

Аксамитов А. С. Структура фразеологического словаря и установление опорного слова (По материалам белорусско-русского фразеологического словаря). — Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. Баку, 1968, 39—49.

Алексеев П. М. Частотный словарь английского подъязыка электроники. Автореф. канд. дисс. Л., 1965.

Аль-Казими. Русско-арабские словари. Автореф. канд. дисс. Л., 1968.

Амосова Н. Н. Об английских фразеологических словарях. — ЛС, вып. 6. М., 1963, 78—87.

Амосова Н. Н. Современное состояние и перспективы фразеологии. — ВЯ, 1966, № 3, 65—72.

Андрусенко А. И. Глаголы-украинизмы как синонимы в творчестве Н. В. Гоголя. — Исследования по методике и фразеологии русского языка и методике их изучения. Уч. зап. Сарат. ГПИ, т. 43. Саратов, 1965, 240—252.

Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.

Арбатский Д. И. Заметки об отсылочных определениях. — Вопросы теории и методики изучения русского языка, вып. 4. Ижевск, 1965, 130—143.

Арутюнова Н. Д. и О. А. Максимова. Размышления о пользе обратных словарей. — НДВШ ФН, 1968, № 6, 21—33.

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Ахманова О. С., Э. М. Медникова. К вопросу о границах фразеологической сочетаемости слов и путях ее изучения. — Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1965, 10—12.

Ашукина М. Г. Рец. на кн.: А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. М.—Л., 1966. — ВЯ, 1967, № 1, 118—120.

Бабинцев А. А., Е. М. Пинус. Японский русист Садатоси Ясуги и Петербургский—Ленинградский университет. — Вестник ЛГУ. 1969, № 2, 182—184.

¹ В списке использованы следующие сокращения:

ВЯ — «Вопросы языкознания».

ИАН ОЛЯ — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка».

ИЯШ — «Иностранные языки в школе».

ЛБ — «Лексикографический бюллетень».

ЛС — «Лексикографический сборник».

НДВШ ФН — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки».

IJAL — «International Journal of American Linguistics».

Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.—Л., 1964а.

Бабкин А. М. Лексикографические заметки. — ВЯ, 1955, № 2, 90—97.

Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.

Бабкин А. М. Фразеология и лексикография (Задачи русского фразеологического словаря). — Проблемы фразеологии. М.—Л., 1964б.

Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

Бар-Хиллел И. Будущее машинного перевода. — НДВШ ФН, 1962, № 4, 203—206.

Бар-Хиллел И. Идиомы. — Машинный перевод. М., 1957, 246—260.

Бархударов Л. [С.]. Уровни языковой иерархии и перевод (На материале перевода с английского языка на русский). — Тетради переводчика, вып. 6. М., 1969, 3—12.

Бездек Я., И. Коут. Некоторые вопросы сопоставительного изучения фразеологии русского и чешского языков. — Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1965, 29—31.

Берков В. П. Изучение русского языка и двуязычный словарь. — «Русский язык в национальной школе», 1970, № 4, 4—10.

Берков В. П. Обозначение новых понятий в современном исландском языке. — Scandinvica, 1. Л., 1961, 73—83.

Берков В. П. О «пассивной» грамматике. — Вестник ЛГУ, 1960, № 20, серия ист., яз. и лит-ры, вып. 4, 149—151.

Берков В. П. О передаче исландских собственных имен. — Скандинавский сборник, IV. Таллин, 1959, 206—215.

Берков В. П. Рец. на кн.: Краткий сомали-русский и русско-сомали словарь. Сост. Д. И. Степанченко и Мохамед Хаджи Осман. М., 1969. — «Народы Азии и Африки», 1971а, № 3.

Берков В. П. Словарь норвежского риксмала и некоторые вопросы однопольной лексикографии. — Scandinvica, II. Л., 1963, 77—90.

Берков В. П. Типы внутренней формы в исландской специальной терминологии. — Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969, 26—31.

Берков В. П. Фонетическая характеристика слова в двуязычном словаре. — Уч. зап. Калининского ПИ, т. 81. Калинин, 1971б, 73—79.

Блумфилд Л. Язык. М., 1968.

Богин Г. И. Две концепции устойчивости словосочетаний. — НДВШ ФН, 1966а, № 3, 153—155.

Богин Г. И. Некоторые вопросы рационализации построения словарной статьи в национально-иностранным словаре. — Тезисы докладов и сообщений 1-й научно-методической конференции Кокчетавского педагогического института. Кокчетав, 1967, 54—55.

Богин Г. И. Некоторые признаки разговорной речи и проблемы их описания в двуязычной лексикографии. — Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Тезисы... Горький, 1966б, 141—144.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Замечания о русско-польском словаре. — ЛС, вып. 6. М., 1963, 139—147.

Бондарук Г. П. Передача по-русски белорусских топонимов. — Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР. Тезисы... Рига, 1966, 244—245.

Боровков А. К. Заметки на полях Русско-киргизского словаря. — Труды Ин-та языка, литературы и истории Кирг. ФАН СССР, вып. 2, 1948, 153—157.

Будагов Р. А. Культурно-историческое значение «Словаря иноязычных выражений и слов». — ИАН ОЛЯ, 1967, № 1, 84—89.

Будагов Р. А. О романской лексикографии. — ИАН ОЛЯ, 1963, № 3, 245—249.

Булаховский Л. А. Введение в языкознание, ч. II. М., 1953.

Бурдин Л. С. К вопросу о добавочной семантико-функциональной характеристике слов в английской лексикографической традиции. Автореф. канд. дисс. М., 1969.

Вайнрайх У. Рец. на кн.: Webster's Third new international dictionary. Springfield (Mass.), 1961. — ВЯ, 1965, № 1, 128—132.

Вакк Ф. О соматической фразеологии эстонского языка. — Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. Баку, 1968, 152—155.

Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937.

Василевич А. П. Субъективные оценки частот элементов текста (в связи с проблемами вероятностного прогнозирования речевого поведения). Автореф. канд. дисс. М., 1968.

Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969.

Веселитский В. В. О некоторых понятиях правильной речи. — Вопросы культуры речи, вып. 6. М., 1965, 68—81.

Веселитский В. В. Рец. на кн.: W. Z a u n m ü l l e r. Bibliographisches Handbuch der Sprachwörterbücher. Stuttg., 1958. — ИАН ОЛЯ, 1962, № 4, 346—348.

Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии. — ВЯ, 1956, № 5, 80—94.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. — ВЯ, 1953, № 5, 3—29.

Виступи учасників наради по обговоренню «Російсько-українського словника», 1948р. — ЛБ, вип. III. Київ, 1953, 80—83.

Вопросы советской науки. Вопросы лексикологии, семасиологии и теории лексикографии. Изд. АН СССР, 1957.

Вурм А. О русско-чешском фразеологическом словаре. — Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1965, 74—77.

Газизов Р. С. Из практики работы над составлением русско-татарского словаря. — ВЯ, 1954, № 2, 93—97.

Гак В. Г. Иноязычные выражения в произведениях В. И. Ленина и их перевод. — Тетради переводчика, вып. 7. М., 1970, 25—34.

Гак В. Г. О разных типах двуязычных словарей. — Тетради переводчика, вып. 2. М., 1964, 71—78.

Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Лексика. Изд. МГУ, 1954.

Гершберг С. Р. О словнике, объемах и соотношении разделов наук в 3-м издании БСЭ. — Новое в науке и проблемы подготовки словника 3-го издания БСЭ (Материалы для обсуждения). «Сов. энциклопедия», 1965, II—21.

Гинзбург Р. С. и Хидекель С. С. О работе над свободным словосочетанием. — ИЯШ, 1958, № 3, 13—24.

Горецкий П. И. Методологічні принципи складання загальних двомовних перекладних словників. — ЛБ, вип. I. Київ, 1951, 5—21.

Граудина Л. К. Опыт количественной оценки нормы (форма род. ед. чая — чаю). — Вопросы культуры речи, вып. 7. М., 1966, 75—86.

Данейко М. В., Л. Е. Машкина, О. А. Нехай, Р. Г. Пиотровский, В. А. Соркина, А. Н. Шаранда. Статистика и фразеология. — Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1965, 25—28.

Довгань Л. І. Про технічну термінологію в «Російсько-українському словнику» 1948 р. — ЛБ, вип. III. Київ, 1953, 62—68.

Евгеньева А. П. К вопросу о типе однотоминого толкового словаря русского языка советской эпохи. — ВЯ, 1953, № 3, 48—68.

Ефремова Т. [Ф.]. Опыт составления словаря морфем русского языка. — «Русский язык в национальной школе», 1969, № 4, 7—15.

Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956.

Жирмунский В. М. О границах слова. — Морфологическая структура слова в языках различных типов. М., 1963, 6—23.

Жолковский А. К. Предисловие. — Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 8. М., 1964, 3—16.

Жуков В. П. О смысловом центре фразеологизмов. — Проблемы фразеологии. М.—Л., 1964, 140—149.

Зайцева Т. В. Методологічні основи нового «Українсько-російського словника». — ЛБ, вип. I. Київ, 1951, 22—34.

Зайцева Т. Н., И. С. Назарова. О четырехтомном «Словаре русского языка» АН СССР. — Современная русская лексикология. М., 1966, 119—134.

Заринезаде Г. Г. О методах составления арабских словарей. — Краткие сообщения Ин-та народов Азии. Языкознание. М., 1963, № 72, 200—205.

Засорина Л. Н., В. П. Берков. Понятие валентности в языке. — Вестник ЛГУ, 1961, № 8, 133—139.

Звегинцев В. А. История арабского языкознания. Краткий очерк. Изд. МГУ, 1958.

Звегинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа. — Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960, 111—134.

Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.

Земская Е. А. О состоянии работы над четырнадцатитомным «Словарем современного русского литературного языка». — ВЯ, 1956, № 5, 95—101.

Зимовнова В. Е. Из наблюдений над говором русского населения с. Покровки Иссык-Кульской области (Киргизия). — Труды Пржевальского ГПИ, вып. 5. Пржевальск, 1957, 315—329.

Истрина Е. [С.]. Заметки по двуязычным словарям. — ИАН ОЛЯ, 1944, № 2-3, 78—97.

Ицкович В. А. Языковая норма. М., 1968.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958.

Катогицина Н. и В. Соловьев. Рец. на кн.: Русско-румынский словарь. Сост. Н. Г. Корлэтану и Е. М. Руссев. М., 1967. — ИАН ОЛЯ, 1969, № 4, 373—376.

Кенесбаев С. К. Из опыта составления двухтомного толкового словаря казахского языка. — Материалы V Всесоюзного лексикографического совещания. Фрунзе, 1964, 28—35.

Кириченко І. М. Перший том «Українсько-російського словника» 1951 р. — ЛБ, вип. I. Київ, 1951, 35—44.

Кириченко І. М. «Російсько-український словник» 1948 р., його основні характерні риси. — ЛБ, вип. III. Київ, 1953, 24—38.

Ковтун Л. С. Лексические нормы русского языка и разговорная речь. — Современная русская лексикология. М., 1966.

Козырева Л. Ф. Устойчивые фразы русского языка в академическом русско-немецком словаре под редакцией Г. Г. Билфельдта (sic!). — Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1965, 72—74.

Копецкий Л. Из заметок о теории двуязычной лексикографии. — Slavica pragensia. IV. Praha, 1962, 515—524.

Копецкий Л. В. Лексика в грамматике и словарный состав. — Československá rusistika, 1967, № 3, 129—133.

Копыленко М. М. К сопоставительному изучению сочетаний лексем в славянских языках. — Материалы конф. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова», т. I. Самарканд, 1964, 96—101.

Копыленко М. М. О межъязыковой идиоматичности и связанных с ней явлениях. — НДВШ ФН, 1964, № 1, 162—168.

Корлэтану Н. Г. Вопросы фразеологии в двуязычных и толковых словарях. — Материалы V Всесоюзного лексикографического совещания. Фрунзе, 1964, 8—27.

Коробчинская Л. А. О лексических группах, объединяемых в словарях современного русского языка пометой «просторечное». — Исследования по грамматике и лексикологии. Киев, 1966, 58—64.

Коссек Н. В. К вопросу о лексической сочетаемости. — ВЯ, 1966, № 1, 97—101.

Костомаров В. Г., Б. С. Шварцкопф. Об изучении отношения говорящих к языку. — Вопросы культуры речи, вып. 7. М., 1966, 23—36.

Косцинский К. Существует ли проблема жаргона? (Несколько мыслей по поводу). — «Вопросы литературы», 1968, № 5, 181—191.

Котелова Н. З. О применении объективных и точных критериев описания сочетаемости слов. — ВЯ, 1965, № 4, 53—64.

Котелова Н. З. Отзыв о диссертации Ю. Г. Татишвили «Сочетаемость слов как предмет переводной лексикографии» (рук).

Кривецкий И. С. Про сільськогосподарську термінологію в «Російсько-українському словнику» 1948 р. — ЛБ, вип. III. Київ, 1953, 56—61.

Кунин А. В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре. — Тетради переводчика, вып. 2. М., 1964, 3—20.

Кунин А. В. Предисловие к «Англо-русскому фразеологическому словарю». М., 1956.

Лавров И. И. Принципы советской лексикографии и задачи составления большого русско-болгарского словаря. — Известия на института за български език, кн. I. София, 1952.

Лапшина З. В. Анализ переводов глагольно-субстантивных сочетаний немецкого языка на русский. — Материалы конф. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Самарканд, 1964, 85—87.

Лапшина З. В. О сочетаниях лексем в современных немецко-русских словарях. — Вопросы языкознания и методики преподавания иностранных языков. Алма-Ата, 1965, 18—27.

Левицкая Т. и А. Фитерман. Обновление фразеологических единиц и передача этого приема в переводе. — Тетради переводчика, вып. 5. М., 1968, 43—52.

Левченко С. П. Термінологічна лексика в російсько-українських словниках. — ЛБ, вип. I. Київ, 1951, 45—57.

Лекант П. А. К проблеме разграничения фразеологизма и нефразеологизма. — Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1968, 90—93.

Леонова Л. А. и Э. П. Шубин. «Готовые предложения» в современном английском бытовом диалоге. — ИЯШ, 1970, № 5, 11—21.

Леонтьев А. А. Будущее языка как проблема культуры речи. — Вопросы культуры речи, [вып.] 8. М., 1967, 7—15.

Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь. — Вопросы культуры речи, [вып.] 7. М., 1966, 60—68.

Леонтьев А. А. «Словарь стереотипных ассоциаций русского языка», его теоретические основы, задачи и значение для обучения русскому языку иностранцев. — Вопросы учебной лексикографии. М., 1969, 114—127.

Лихачев Н. Русско-французский словарь, напечатанный в Неаполе в 1778 г. СПб., 1897.

Ліпська Л. О. Визначення стрижневого слова у фразеологічних одиницях сучасної німецької мови. — ЛБ, вип. IX. Київ, 1963, 55—64.

Майтинская К. Е. Отражение различий грамматического строя в двуязычных словарях (на материале финно-угорских языков с привлечением тюркских). — ЛС, № 1. М., 1957, 160—171.

Маковский М. М. К проблеме так называемой «интернациональной» лексики. — ВЯ, 1960, 44—51.

Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.

Маслова-Лашанская С. С. Заметки о русско-шведских словарях. — Scandinavica. I. Л., 1961, 84—107.

Медникова Э. М. Об основных абстрактных категориях лексикологии. — Проблемы современной лингвистики. Изд. МГУ, 1968, 152—161.

Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность». — ВЯ, 1960, № 4, 73—80.

Микротопонимия. Изд. МГУ, 1967.

Михайлов Г. Н. Опыт лексикографического анализа пяти узбекско-русских словарей, изданных в 1927—1942 гг. — Вопросы языкознания. Кн. 1. Ташкент, 1960, 38—47.

Молотков А. И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания. — Фразеологический словарь русского языка. М., 1967, 7—23.

Муниев Б. Д. О русско-калмыцком словаре. — Записки Калмыцкого НИИ языка, лит-ры и истории, вып. 3, серия филол. Элиста, 1964, 134—137. Найда Ю. А. Наўка перавода. — ВЯ, 1970, № 4, 3—14.

Никонов В. А. На пути к теории собственных имен. — Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР. Тезисы... Рига, 1966, 12—13. Новиков Л. А. Учебная лексикография и ее задачи. — Вопросы учебной лексикографии. Изд. МГУ, 1969а, 3—11.

Новиков Л. А. Учебный словарь сочетаемости слов, его лингвистические основы и структура. — Вопросы учебной лексикографии. Изд. МГУ, 1969б, 39—52.

Ожегов С. И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка). — ЛС, вып. 2. М., 1957, 31—53.

Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка. — ВЯ, 1952, № 2, 85—103.

Ожегов С. И. Очередные вопросы культуры речи. — Вопросы культуры речи, вып. 1. М., 1955.

Ольшанский И. Г. Сочетаемость слов как проблема лексикологии и лексикографии. — Вопросы учебной лексикографии. Изд. МГУ, 1969, 53—71.

Орловская Л. Я. и А. Г. Лау. Принципы составления словарной статьи в латышско-английском фразеологическом словаре. — Изв. АН Латв. ССР. Рига, 1969, № 9, 27—39.

Орсаг Л. Некоторые проблемы составления словаря венгерского языка. — ЛС, вып. 5. М., 1962, 132—155.

Остапенко В. П. Отграничение глагольных фразеологических единиц французского языка от сложных слов и свободных словосочетаний. — ИЯШ, 1958, № 3, 3—12.

Паламарчук Л. С. Рец. на кн.: А. С. Кара-Моско, М. Т. Токарский. Російсько-український словник географічних назв. Київ, 1953. — ЛБ, вып. IV. Київ, 1954, 68—72.

Пеклер М. А. Частотность слова и идиоматичность сочетания. — Материалы конф. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Самарканд, 1964, 101—104.

Пеклер М., Х. Саматов. Наблюдения над переводом устойчивых словосочетаний в их связи с понятием межъязыковой идиоматичности. — Вопросы фразеологии и грамматического строя языков. Ташкент, 1967, 115—121.

Перебейнос В. И., Е. С. Блиндус, А. В. Чумаков. К вопросу о словаре учебного типа. — ЛС, вып. 2. М., 1957, 110—118.

Петрищева Е. Ф. К вопросу о критериях нормативности. — Вопросы культуры речи, [вып.] 8. М., 1967, 34—40.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Пилинський М. М. Деякі уваги до ілюстративної частини «Українсько-російського словника» АН УРСР. — Питання граматики і лексикології української мови. Київ, 1963, 101—109.

Правильность русской речи. Трудные случаи современного словопотребления. Опыт словаря-справочника. Под ред. С. И. Ожегова. М., 1962.

Пшеничная Л. Э., Э. Ф. Скороходько. Синтез осмысленных предложений на ЭЦВМ. — Проблемы кибернетики, вып. 10, 1963.

Рабинович И. С. Некоторые проблемы теории и практики индийской лексикографии. Автореф. канд. дисс. М., 1969.

Райхштейн А. О переводе устойчивых фраз. — Тетради переводчика, вып. 5. М., 1968, 29—48.

Ревзин И. И. и В. Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода. М., 1964.

Рейцак А. К. Пословицы международного распространения в эстонском и русском языках. — Труды по русской и славянской филологии. X. Серия лингвистическая. Уч. зап. Тартуского ГУ, вып. 20. Тарту, 1967, 165—182.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.

Реформатский А. А. Перевод и транскрипция. — Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР. Тезисы... Рига, 1966, 204—207.

Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт. — Топономастика и транскрипция. М., 1964, 9—34.

Родзевич Н. С. Проспект російсько-українського словника технічної термінології з інструктивними вказівками. — ЛБ, вип. VI. Київ, 1958, 55—64.

Ройзензон Л. И. Фразеология в новых западнославянских словарях. — Проблемы фразеологии. М.—Л., 1964, 233—254.

Ройзензон Л. И., С. И. Ройзензон. Некоторые соображения о сравнительном изучении фразеологии (на материале устойчивых компаративных оборотов восточных языков). — Вопросы фразеологии и грамматического строя языков. Ташкент, 1967, 110—114.

Рубинчик Ю. А. Некоторые принципы составления персидско-русского словаря. — Краткие сообщения Ин-та народов Азии. Языкознание. М., 1963, № 72, 192—199.

Саяхова Л. Опыт составления словаря-минимума для нерусской школы на основе частотных словарей. — «Русский язык в национальной школе», 1964, № 3, 21—30.

Скворцов М. И. К вопросу о принципах составления русско-национальных словарей (Лексикографические заметки). — Уч. зап. Науч.-иссл. ин-та языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР, вып. 26. Вопросы чуваш. языкознания и литературоведения. Чебоксары, 1963, 25—50.

Скирдов В. Д. Среднеазиатская лексика в речи русского населения северных областей Киргизии. — Труды Пржевальского ГПИ, вып. 4. Пржевальск, 1956, 347—359.

Сороколетов Ф. П. Еще раз о характере областного словаря. — НДВШ ФН, 1966, № 4, 140—145.

Сороколетов Ф. П. О месте производственной терминологии в толковом словаре русского языка. — ЛС, вып. 1. М., 1957, 121—134.

Стеблин-Каменский М. И. Возможно ли планирование языкового развития? (Норвежское языковое движение в тупике). — ВЯ, 1968, № 3, 47—56.

Стеблин-Каменский М. И. Диалектальные различия в исландском языке. — ВЯ, 1960, № 5, 61—67.

Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландская топономастика как материал к истории имени собственного. — Скандинавский сборник XIV. Таллин, 1969, 99—104.

Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л., 1967.

Степанов Г. В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963.

Ступин Л. П. Необходимы двуязычные словари имен собственных. Тетради переводчика, вып. 4. М., 1967, 55—62.

Ступин Л. П. О недостатках существующих двуязычных словарей (На материале английского языка). — Проблемы германской филологии. Рига, 1968, 157—164.

Ступин Л. П. Проблемы отражения разговорной речи в толковых словарях (На английским материале). — Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Тезисы... Горький, 1966, 144—146.

Ступин Л. П. Собственные имена и проблема их включения в толковые словари (На материале Словарей Уэбстера). — Уч. зап. Ташк. ГПИИЯ, вып. 7, ч. 1, серия Филол. наук. Ташкент, 1963, 133—145.

Ступин Л. П. Способы показа дистрибуции значений слова в толковом словаре (На материале Словаря Уэбстера 1961 г.). — Материалы конф. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова», т. I. Самарканд, 1964.

Суперанская А. В. Имена собственные в чужой языковой среде. — Топономастика и транскрипция. М., 1964, 35—64.

Суперанская А. В. Переводимые и непереводаемые типы географических названий. — Slavica pragensia, 8. Praha, 1966, 163—170.

Супрун А. Е. К вопросу о среднеазиатской лексике в украинском языке. — Уч. зап. филол. ф-та Кирг. ГУ, вып. 3, 1957а, 84—111.

Супрун А. Е. Лексикологические заметки. 3. Об «экзотической» лексике. Уч. зап. филол. ф-та Кирг. ГУ, вып. 4, 1957б, 139—144.

Супрун А. Е. «Экзотическая» лексика. — НДВШ ФН, 1958, № 2, 51—54.

Тагиев М. Т. Окружение как дифференциальный признак фразеологической единицы. — НДВШ ФН, 1966, № 4, 66—74.

Татишвили Ю. Г. О большом русско-немецком словаре для русского читателя. Уч. зап. Пятигорского ГПИИЯ, т. 23, 1961а, 165—217.

Татишвили Ю. Г. Переводные словари и проблема словосочетания в лингвистике (По материалам русско-немецких словарей). — Уч. зап. Пятигорского ГПИИЯ, т. 24, 1961б, 407—473.

Татишвили Ю. Г. Преодоление полисемии слова в конструкциях языка. — Уч. зап. Пятигорского ГПИИЯ, т. 24, 1961в, 307—406.

Татишвили Ю. Г. Сочетаемость слов как предмет переводной лексикографии. Автореф. докт. дисс. Л., 1963.

Телия В. Н. Что такое фразеология. М., 1966.

Теньер Л. О русско-французском словаре Л. В. Щербы. — ВЯ, 1958, № 6, 41—43.

Терещенко Н. М. Вопросы лексики ненецкого языка и принципы построения двуязычных словарей языков разных систем с различной письменной традицией. Автореф. докт. дисс. Л., 1967.

Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959.

Томильчик В. М. Вопросы классификации собственных имен современного немецкого языка. — Уч. зап. Сев.-Ос. ГПИ, т. 27, вып. 3, ч. 2. Филол. науки. Орджоникидзе, 1966, 115—126.

Турабаев А. О принципах передачи основной формы глагола в тюркско-русских словарях. — Вестник Каракалп. филиала АН Узб. ССР. Нукус, 1968, № 4, 70—76.

Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М., 1953.

Федоров А. В. Иноязычные тексты русских писателей как проблема стилистики и теории перевода. — Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева. М.—Л., 1966, 462—470.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1968.

Федоров А. И. О принципах отбора областных слов в толковых словарях современного русского языка. — Уч. зап. ЛГПИ, т. 248. 1963, 173—184.

Фельдман Н. И. Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях. — ЛС, вып. 1. М., 1957а, 9—35.

Фельдман Н. И. Оказиональные слова и лексикография. — ВЯ, 1957б, № 4, 64—73.

Фельдман Н. И. О специфике небольших двуязычных словарей. — ВЯ, 1952, № 2, 62—84.

Филин Ф. П. Заметки по лексикологии и лексикографии (Некоторые вопросы подбора слов для большого Словаря русского языка АН СССР). — ЛС, вып. 1. М., 1957, 36—57.

Филин Ф. П. Об изучении общественных функций языка. — ИАН ОЛЯ, 1968, № 4, 281—290.

Филин Ф. П. О новом толковом словаре русского языка. — ИАН ОЛЯ, 1963, № 3, 177—189.

Филипова-Байрова М. Изработване на двуезични речници. — Известия на института за български език. Кн. VI. София, 1959, 222—262.

Фрумкина Р. М. Статистические методы изучения лексики. М., 1964.

Хоролец Г. И. Наблюдения над говором русских старожилов Прииссыкулья (Лексика). — Уч. зап. филол. ф-та Кирг. ГУ, вып. 4. 1957, 145—168.

Цыдендамбаев Ц. Б. Некоторые вопросы составления бурятско-русского словаря. — Труды Бурятского ин-та обществ. наук (АН СССР, Бурят. филиал). Улан-Удэ, 1969, вып. 6, 117—128.

Чикобава А. С. О принципах составления толкового словаря грузинского языка. — ЛС, вып. 1. М., 1957, 58—67.

Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964.

Шанский Н. М. О фразеологизме как языковой единице и предмете фразеологии. — Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1968, 7—14.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1963.

Швейцер А. Д. К проблеме лингвистического изучения процесса перевода. — ВЯ, 1970, № 4, 30—42.

Швейцер А. Д. Различия в лексике американского и британского вариантов современного литературного английского языка. — ВЯ, 1967, № 2, 64—81.

Шмелева И. Н. Фразеологизация крылатых слов. — Проблемы фразеологии. М.—Л., 1964, 181—199.

Штейнфельдт Э. А. Частотный словарь современного русского литературного языка. 2500 наиболее употребительных слов. Таллин, 1963.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — ИАН ОЛЯ, 1940, № 3, 89—117.

Щерба Л. В. Предисловие ко второму изданию «Русско-французского словаря» — Русско-французский словарь. Сост. Л. В. Щерба и М. И. Матусевич. Под общ. ред. Л. В. Щербы. 7-е изд. М., 1959, 4—7.

Щерба Л. В. Современный русский литературный язык. — Избранные работы по русскому языку. М., 1957, 113—129.

Юлдашев А. А. Новые академические полные тюрко-русские словари. — ВЯ, 1967, № 5, 117—125.

Яглом А. М. и И. М. Яглом. Вероятность и информация. М., 1960.

Янко-Триницкая Н. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка. — ИАН ОЛЯ, 1969, № 5, 429—436.

Benediktsson H. Рец. на «Исландско-русский словарь. М., 1962. — «Íslenzk tunga», V. 1964, 165—166.

Berulisen B. Norsk grammatikk. Ordklassene. Oslo, 1967.

Bessason H. A few specimens of North American-Icelandic. — «Scandinavian studies», 1967, № 2, 115—146.

Bjerke A. Hva er godt riksmål? Oslo, 1962.

Bjerke A. Dannet talesprog. Oslo, 1966.

Borgström C. Hj. Bruken av tonelag i norsk latinuttale. — «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», 1968, 32—47.

Böðvarsson A. Íslenzk hljóðfræði. Reykjavík, 1953.

Catford J. C. A linguistic theory of translation. An essay in applied linguistics. London, 1965.

Chavarria-Aguilar O. L. a. H. Penzl. Lexicographical problems in Pashto. — IJAL, 1962, № 2, pt. 4, 237—247.

Christiansen H. Norske dialekter. Hf. 3. Oslo, 1948.

Cohen M. Le fait dictionnaire. — Proc. Ninth Intern. Congr. Linguists. London — The Hague — Paris, 1964, 497—503.

- Cornyn W. S. Comments. — IJAL, 1962, № 2, pt. 4, 273—275.
- Coward G. Kortfattet riksmålsgrammatikk. Oslo, 1958.
- Didriksen O. og A. Bøðvarsson. Kennslubók i norsku. I. Málfræði með dæmum. Reykjavík, 1967.
- Diskusia. В кн.: Lexikografický sborník. Bratislava, 1961.
- Dubois J. Recherches lexicographiques: Esquisse d'un dictionnaire structural. — Études de linguistique appliquée. I. Paris, 1962, 43—48.
- Eichler E. Strukturelle Versuche in der Onomastik. — Slavica pragensia. 8. Praha, 1966, 151—162.
- Erickson J. L. The establishment of a verbal base form for Arabic. — Approaches in linguistic methodology. Madison — Milwaukee — London, 1967, 27—31.
- Enqvist N. E. Реч. на кн.: N. E. Osselton. Branded words in English dictionaries before Johnson. Gronningen, 1958. — «Studia Neophilologica», 1960, № 2, 347—348.
- Evans B. But what's a dictionary for? — In: «Language, Form and Idea», by T. Benson Strandness, H. Hackett, H. H. Crosby. N. Y. — San Francisco — Toronto, s. a., 174—182.
- Gedney W. Comments. — IJAL, 1962, № 2, pt. 4, 229—234.
- Gleason H. A., jr. The relation of lexicon and grammar. — IJAL, 1962, № 2, pt. 4, 85—102.
- Gougenheim G., P. Rivenc, R. Michéa, S. Sauvageot. L'elaboration du français élémentaire. — Étude sur l'établissement d'un vocabulaire et d'une grammaire de base. Paris, 1956.
- Guðfinnsson B. Mállykur. I. Reykjavík, 1946.
- Guðfinnsson B. Um íslenzkan framburð. — Mállykur. II. Reykjavík, 1964 (Studia Islandica, 23).
- Gullberg I. E. On dictionaries and dictionary making. — «Scandinavian Studies», 1966, № 1, 1—12.
- Gullberg I. E. Some notes on dictionaries and dictionary-making with particular reference to conditions in Scandinavia. — «Babel», 1965, № 4, 168—174.
- Gundersen D. Fra Wergeland til Vogt-komiteen. Et utvalg av hovedtrekk og detaljer fra norsk språknormering. Oslo, Universitetsforlaget, 1967.
- Haas M. R. What belongs in a bilingual dictionary? — IJAL, 1962, № 2, pt. 4, 45—50.
- Haugen E. Riksspråk og folkemål. Norsk språkpolitikk i det 20. århundre. Oslo, s. a.
- Hoel S. Sprogkampen i Norge. En kriminalfortelling. Oslo, 1955.
- Hoenigswald H. M. Lexicography and grammar. — IJAL, 1962, № 2, pt. 4, 103—110.
- Iliescu M. Grundfragen der zweisprachigen Wörterbücher. — Mélanges linguistiques. Bucarest, 1957, 207—221.
- Isačenko A. V. Dnešný stav a úlohy lexikologie a lexikografie. — Lexikografický sborník. Bratislava, 1953, 39—48.
- Isačenko A. V. Zásady lexikografickej práce. — Lexikografický sborník. Bratislava, 1961, 18—23.
- Iskos A., A. Lenkova. Deutsche Lexikologie. 2. Aufl. Leningrad, 1963.
- Jakubaite T., D. Guļevska, V. Ozola, R. Prūse, A. Rubina, N. Sika. Latviešu valodas biežuma vārdnīca. II sēj. 1. daļa. Rīgā, 1969.
- Kahane H. a. R. Kahane. Problems in Modern Greek lexicography. — IJAL, 1962, № 2, pt. 4, 249—262.
- Kelemen B. Contributions à la méthode de rédaction des dictionnaires bilingues. — Mélanges linguistiques. Bucarest, 1957, 235—248.
- Kratochvíl P., Z. Novotná, D. Stovičková, L. Zgusta. Some problems of a Czech-Chinese dictionary. — Archiv orientální. Praha, 1962, № 2, 258—313.
- Larsen A. B. og G. Stoltz. Bergens bymål. Kristiania, 1912.

- Levitzy L. D. Bilingual dictionaries: suggestions. — *Mélanges linguistiques*. Bucarest, 1957, 249—256.
- Lexicographical information. — «Babel», 1961, № 1, 43.
- Lockwood M. B. An introduction to modern Faroese. København, 1955.
- Lowe P., jr. Postulates for making bilingual dictionaries. — *The Nordic languages and modern linguistics*. Reykjavik, 1970, 404—417.
- Mahn E. A. Ph. Darstellung der Lexicographie nach allen ihren Seiten. — *Ein Beitrag zur philologischen Erklärungskunst, besonders des A. T. für biblische Exegeten und Sprachforscher überhaupt*. Bd. 1. Rudolstadt, 1817.
- Malíková O. Problem ekvivalentu v dvojazyčnom slovníku. — *Lexikografický sborník*. Bratislava, 1953, 119—125.
- Mally J. Kwalifikatory w Słowniku języka polskiego i Słowniku współczesnego rosyjskiego języka literackiego. — «Poradnik językowy», 1962, № 5—6, 189—205.
- Malone K. Structural linguistics and bilingual dictionaries. — *IJAL*, 1962, № 2, pt. 4, 111—118.
- Man O. Některé problémy odborného dvojazyčného (rusko-českeho) slovníku. — «Ceskoslovenská rusistika», 1967, № 3, 162—167.
- Mańczak W. O racjonalny dobór haseł w słownikach. — *Zeszyty naukowe uniwersytetu jagiellońskiego LX. Prace językoznawcze*. Zeszyt 5. Kraków, 1963, 447—449.
- Martin S. E. Selection and presentation of ready equivalents in a translational dictionary. — *IJAL*, 1962, № 2, pt. 4, 153—159.
- Martin W. en R. Eeckhout. Evolutie van de woordenschat in het huidige Nederlands. — «Revue des langues vivantes (Tijdschrift voor levende talen)», 1969, № 1, 67—76.
- Møller K. Leksikologi og leksikografi. København, 1959.
- Mounin G. L'intraduisibilité comme notion statistique. — «Babel», 1964, № 3, 122—124.
- Næs O. Norsk grammatikk. I. Ord lære. Bergen, 1952.
- Osman N. Word function and dictionary use. A work-book for advanced learners of English. London, 1965.
- Peciar Š. Doklady a příklady v slovníku. — «Jazykovedný časopis», 1960, № 2, 114—124.
- Popperwell R. G. The pronunciation of Norwegian. Cambridge — Oslo, 1963.
- Quemada B. L'inventaire des dictionnaires bilingues. — «Cahiers de lexicologie», vol. 2, 1960, 67—78.
- Raškevičs I. Some problems of the selection of dictionary entries. — *Вопросы лексикологии, грамматики и стилистики германских языков*. Рига, 1968, 52—60.
- Read A. W. The labeling of national and regional variation in popular dictionaries. — *IJAL*, 1962, № 2, pt. 4, 217—227.
- Riesel E. Abriß der deutschen Stilistik. M., 1954.
- Sabršula J. A propos de quelques problèmes linguistiques de la lexicographie. — *Romanistica Pragensia*. III (1963), 87—102 (*Acta Universitatis Carolinae. Philologica*).
- Scharnhorst J. Stilistische Fragen der Lexikographie. — *Wiss. Zs. der Karl-Marx-Univ. Leipzig, Ges.- u. sprachwiss. Reihe*, 1968, H. 2—3, 235—239.
- Schorp A. Quelques critères de qualité dans les traductions techniques. — *Quality in translation*. Ed. by E. Cary and R. W. Jumpelt. N. Y., 1963, 333—347.
- Schwencke C. Some remarks on the use of dialects in Leskov's prose. — «The Slavonic and East European Review», July, 1968 (№ 107), 333—352.
- Sciarone B. Proper names and meaning. — «*Studia linguistica*», 1964, vol. 21, № 2, 73—86.
- Sessler G. Lexikalische Entlehnungen aus dem Russischen in der Sprache der in der UdSSR lehenden deutschen Minderheit. — «*Zeitschrift für*

Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», 1967, № 5/6, 565—570.

Swanson D. C. Recommendations on the selection of entries for a bilingual dictionary. — IJAL, 1962, № 2, pt. 4, 63—77.

Tetlie H. Skriv bedre norsk! Bergen, 1959.

Tietze A. Problems of Turkish lexicography. — IJAL, 1962, № 2, pt. 4, 263—272.

Tollenaere, F. de. Nieuwe wegen in de lexicologie. Amsterdam, 1963 (Verhandelingen der Kgl. Nederlandse akad. van wetenschappen, Afd. letterkunde. Nieuwe reeks. Deel. 70. № 1).

Ulvestad B. Рец. на кн.: Norwegian-English dictionary. Ed. by E. Haugen. Oslo, 1965. — «Language», 1968, № 2, 378—388.

Vencovská M. Velký rusko-slovenský slovník (Рец. на «Velký rusko-slovenský slovník, 1 díl. Bratislava, 1960»). — «Československá rusistika», 1963, № 2, 92—93.

Vinje F.-E. Moderne norsk. Råd og regler for praktisk språkbruk. Oslo, 1968.

Wahrig G. Neue Wege in der Wörterbucharbeit. Gleichzeitig ein Beitrag zu einer strukturalistischen Bedeutungslehre. 2. Aufl. Hamburg, 1968.

Western A. Norsk riksmåls-grammatikk for studerende og lærere. Kristiania, 1921.

Whiteley W. H. Loanwords in linguistic description: a case study from Tanzania, East Africa. — Approaches in linguistic methodology. Madison—Milwaukee—London, 1967, 125—143.

Williams E. B. The problems of bilingual lexicography particularly as applied to Spanish and English. — «Hispanic Review», 1959, № 2, 246—253.

Wissemann H. Das Wortgruppenlexem und seine lexikographische Erfassung. — «Indogermanische Forschungen», 1961, H. 3, 225—258.

Zaunmüller W. Bibliographisches Handbuch der Sprachwörterbücher. Ein int. Verzeichnis von 5600 Wörterbüchern der Jahre 1460—1958 für mehr als 500 Sprachen und Dialekte. Stuttgart, 1958.

Z diskusie. — Lexikografický sborník. Bratislava, 1953, 48—50.

Þorsteinn Þorsteinsson. Íslenzk mannanöfn. Manngjafir þriggja áratuga 1921—1950. Reykjavík, 1961.

Абазинско-русский словарь. Под ред. В. Г. Тугова. М., 1967.

Ак. сл. — Словарь современного русского литературного языка.

Англо-русский словарь. Сост. В. К. Мюллер. 7-е изд. М., 1960.

Англо-русский фразеологический словарь. Сост. А. В. Кунин. 2-е изд. М., 1956.

Ашукин Н. С., М. Г. Ашуккина. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. 3-е изд. М., 1966.

Бабкин А. М., В. В. Шендцов. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. 1—2. М.—Л., 1966.

Болгарско-русский словарь. Сост. С. Б. Бернштейн. М., 1953.

Голландско-русский словарь. Под общим рук. С. А. Миронова. 2-е изд. М., 1958.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. 1—4. СПб. — М., 1903—1909.

Датско-русский словарь. Сост. Н. И. Крымова, А. Я. Эмзина и Г. Ф. Мольтке. 2-е изд. М., 1960.

Индонезийско-русский словарь. Сост. Р. Н. Коригодский, О. Н. Кондрашкин и А. С. Теселкин. Под ред. Сухадионо и А. С. Теселкина. М., 1961.

Исландско-русский словарь. Сост. В. П. Берков при участии А. Бёдварсона. М., 1962.

Кабардинско-русский словарь. Под общей ред. Б. М. Карданова. М., 1957.

Киргизско-русский словарь. Сост. К. К. Юдахин. М., 1965.

Краткий сомали-русский и русско-сомали словарь. Сост. Д. И. Степанченко и Мохамед Хаджи Осман. М., 1969.

- Мал. ак. сл. — Словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1957—1961.
- Немецко-русский словарь. Под ред. И. В. Рахманова. М., 1955.
- Немецко-русский словарь. Под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. М., 1958.
- Немецко-русский фразеологический словарь. Сост. Л. Э. Бинович. М., 1956.
- Норвежско-русский словарь. Сост. В. Д. Аракин. М., 1963.
- Орфографический словарь русского языка. М., 1967.
- Персидско-русский словарь (в двух томах). Под ред. Ю. А. Рубинчика. М., 1970.
- Румынско-русский словарь. Под ред. Б. А. Андрианова и Д. Е. Михальчи. М., 1953.
- Русско-английский словарь. Под общим рук. А. И. Смирницкого. 5-е изд. М., 1961.
- Русско-голландский словарь. Сост. Ж. И. Пирот. М., 1961.
- Русско-датский словарь. Сост. Н. И. Крылова и А. Я. Эмзина. 2-е изд. М., 1968.
- Русско-каракалпакский словарь. Около 47 000 слов. Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1967.
- Русско-немецкий словарь. Под ред. А. Б. Лоховица, А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. М., 1965.
- Русско-новогреческий словарь. Сост. А. А. Ионниадис. Под ред. Т. Пондопулоса и Д. Слатиса. М., 1966.
- Русско-румынский словарь. Сост. Н. Г. Корлэтяну и Е. М. Руссев. М., 1967.
- Русско-украинский словарь. Гл. ред. М. Я. Калинович. М., 1948.
- Русско-японский словарь. Сост. С. Ясуги. Токио, 1937.
- Словарь русских пословиц и поговорок. Сост. В. П. Жуков. 3-е изд. М., 1966.
- Словарь современного русского литературного языка, тт. 1—17. М.—Л., 1948—1965.
- Шведско-русский словарь. Сост. Д. Э. Миланова. 2-е изд. М., 1959.
- Isl-d. orð. — Blöndal S. Islenzk-dönsk orðabók. Reykjavík, 1920—1924.
- Bright W. A Luiseño dictionary. Berkley—Los Angeles, 1968.
- Büchmann G. Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des deutschen Volkes. Berlin, 1884.
- Dansk-norsk—tysk ordbog ved E. Kaper og E. Jacobsen. København—Kristiania, 1919.
- Stilwörterbuch — Der Große Duden. Stilwörterbuch der deutschen Sprache. Das Wort in seiner Verwendung. Mannheim, 1963.
- Eesti-vene sõnaraamat. Koostanud J. Tamm. Toimetanud B. Pravdin. Tallinn, 1955.
- Evensberget S. og D. Gundersen. Bevingede ord. Nær 8000 literære sitater, historiske ytringer, ordtak og talemåter, sentenser og fyndord. Oslo, 1967.
- Follestad S. Engelske idiommer. Ord og vendinger for muntlig og skriftlig bruk. Oslo, 1962.
- Eng.-n. ord. — Gleditsch Th. Engelsk-norsk ordbok. 2. utgave. Oslo, 1948.
- Sw.-Eng. D. — Gullberg I. E. A Swedish-English Dictionary of technical terms used in business, industry, administration, education and research. Stockholm, 1964, XVI, 1246.
- D.-isl. orð. — Gunnarsson F. Dönsk-islenzk orðabók. Reykjavík, 1957.
- N.-eng. ord. — Haugen E. Norsk-engelsk ordbok. Oslo—Madison, 1965.
- Før.-dönsk orð. — Jacobsen M. A. og Chr. Matras. Føroysk-dönsk orðabók. 2. útgáva. Tórshavn, 1961.
- Langenscheidts Metoula—Sprachführer. Niederländisch. Hollandisch. Flä-misch. Von M. J. Hartsen, Berlin, 1960.

Langenscheidts Metoula-Sprachführer. Norwegisch. Von L. Saltveit. Berlin, 1958.

Leijström G., J. Magnússon, S. B. F. Jansson. Isländsk-svensk ordbok. Andra utvidgade upplagan. Stockholm, 1955.

Norsk-dansk ordbog. Red. af H. Christiansen og N. A. Nielsen. Oslo — København, 1955.

NRO — Norsk riksmålsordbok. Utarbeidet av T. Knudsen, A. Sommerfelt, H. Noreng. I—II. Oslo, 1937—1957.

Norsk sitatleksikon. 6000 bevingede ord. 2. reviderte utgave ved F. Voss. Stavanger, s. a.

Paffen K. A. Deutsch-Russisches Satzlexikon. Bd. 1—3. München, 1906.

Sverdrup J. og M. Sandvei. Tanums store rettskrivningsordbok. Bokmål. Oslo, 1961.

Vene-eesti sõnaraamat. Koostanud V. Muhel. 4. trükk. Tallinn, 1967.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
§ 1. Общие замечания	21
§ 2. Словарная и несловарная форма слова	27
§ 3. Производные формы	39
§ 4. Словообразовательные аффиксы как вокабулы	44
§ 5. Словник двуязычного словаря и норма	48
§ 6. Специальная лексика	62
§ 7. Устаревшие слова	72
§ 8. Диалектизмы	79
§ 9. Собственные имена	88
§ 10. Экзотизмы	109
§ 11. Словосочетания	115
§ 12. Иноязычные слова и выражения	171
Литература	177
